

ISSN 2072-8549

В

ЕСТНИК

Московского
Государственного
Областного
Университета

*Философские
науки*

№ 4-5 / 2010

Bulletin
of Moscow State Regional University

Series
“PHILOSOPHY”

№ 4-5

Moscow
MSRU Press
2010

Bulletin of Moscow State Regional University

The journal was founded in 1998

Editorial council:

Pasechnik V.V., Chairman, Rector, Doctor of Pedagogics, Professor
Dembitsky S.G., Deputy Chairman, Doctor of Economics, Professor
Konichev A.S., Doctor of Biology, Professor
Lekant P.A., Doctor of Philology, Professor
Makeev S.V., Doctor of Philosophy, Professor
Pus'ko V.S., Doctor of Philosophy, Professor
Traytak S.D., Candidate of Physics and Mathematics, Professor

Editorial Board. Series «Philosophy»:

Dyrin A.I., Doctor of Philosophy, Professor (editor-in-chief)
Yaroslavtseva G.V., Candidate of Pedagogics, Associate Professor (executive secretary)
Bondareva Ya.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor
Zagrebin M.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor
Karpova N.P., Candidate of Philosophy, Associate Professor
Muller P., Honorary professor of MSRU (Germany, Uberlingen)
Ogorodnikov Yu.A., Doctor of Philosophy, Professor
Pesotsky V.A., Candidate of Philosophy, Associate Professor
Chugunov V.M., Doctor of Philosophy, Professor

Bulletin of Moscow State Regional University. Series «PHILOSOPHY».
– № 4-5. – M.: MSRU Press, 2010. – 156 p.

The bulletin of Moscow State Regional University (all its series) is the reviewed and subscribed edition designed for the publication of lecturer staff's scientific articles, and also candidates for a doctor's degree, post-graduate students and applicants for a scientific degree. On MSRU web-site the information on the status of all series «Bulletin of Moscow State Regional University» and requirements to the publications for authors is periodically updated with making necessary changes.

Subscribed index of «The Bulletin of Moscow State Regional University. Series Philosophy» – 36759 «Rospechat» Catalogue «Newspapers. Magazines». Publication requirements in «Philosophy», are published (from 2009) on the last pages of a journal, and also can be sent by editorial board on the electronic address of authors (on demand). Journal article «Editorial», represented in a release of our series, also should be presented to potential authors and be considered by them in getting through the articles.

© MSRU, 2010
© MSRU Press, 2010

Вестник
Московского государственного
областного университета

Серия
“Философские науки”

№ 4-5

Москва
Издательство МГОУ
2010

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор биологических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – доктор философских наук, профессор
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. – кандидат физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «Философские науки»:

Дырин А.И. - доктор философских наук, профессор (ответственный редактор)
Ярославцева Г.В. - кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь)
Бондарева Я.В. - кандидат философских наук, доцент
Загребин М.В. - кандидат философских наук, доцент
Карпова Н.П. - кандидат философских наук, доцент
Мюллер Р. – почетный профессор МГОУ, г. Юберлинген (Германия)
Огородников Ю.А. - доктор философских наук, профессор
Песоцкий В.А. - доктор философских наук, доцент
Чугунов В.М. - доктор философских наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». № 4-5. Выпуск в серии № 21. - М.: Изд-во МГОУ, 2010. - 156 с.

«Вестник МГОУ» (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (См.: Список журналов на сайте ВАК в редакции 2010 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2010

© Издательство МГОУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дырин А.И.</i> Колонка редактора	7
---	---

РАЗДЕЛ I. ВОПРОСЫ ОНТОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

<i>Александров В.И.</i> «Бытие» и «Небытие» – философские способы отражения Вселенной	11
<i>Малюкова О.В.</i> Культурологическая программа освоения времени	18
<i>Малюкова О.В.</i> Программа постижения времени. Методология эпистемологических программ	26

РАЗДЕЛ II. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

<i>Баранова Н.Г.</i> Влияние этических установок на формирование международно-правовых представлений о правах человека	34
<i>Кузнецова Е.В.</i> Идентичность современного субъекта: постановка проблемы	42
<i>Лактионов А.Л.</i> Альтернативные ценностные системы как феномен общественной жизни: сущность, содержание, основные черты	47
<i>Лисова С.Ю.</i> Массовая коммуникация как система	55
<i>Науменко А.П.</i> Риск и специфика его проявления в политической сфере жизни Российского общества	61
<i>Пронин А.С.</i> Цивилизационная парадигма историологии	71
<i>Пронин А.С.</i> Проблема эффективности математики в естествознании	80
<i>Сердобинцев К.С.</i> Географический фактор как детерминанта эволюции общества и государства в России	87
<i>Сивков А.В.</i> «Вертикальная» и «горизонтальная» оси межкультурной коммуникации	94
<i>Тендит К.Н.</i> Социальные аспекты культовой реальности	101
<i>Филимонова Е.А.</i> Взаимодействие религий: культуротворческий аспект	108
<i>Хазиева Г.Р.</i> Россия и Запад: опыт сравнения технологии социального устройства ..	114

РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

<i>Гришаева Е.И.</i> Понятие «личность» в работах Владимира Лосского и творениях отцов церкви IV века	121
<i>Манев В.И.</i> Философские идеи о войне и армии в творческом наследии русской эмиграции первой половины XX века	127
<i>Степанов Н.В.</i> Опыт философского осмысления проблемы коллизии жизней в немецкой классической философии	139

РАЗДЕЛ IV. ВОПРОСЫ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

кафедры философии МГОУ и докторского диссертационного совета по философским наукам Д. 212.155.08 при МГОУ	146
НАШИ АВТОРЫ	150
Особенности оформления статей в серии «Философские науки» Вестника МГОУ её редактор (Правила для авторов серии “Философские науки”: рекомендации и требования редакционной коллегии)	151

CONTENTS

A. Dyrin. Column of the editor	7
---	---

SECTION I. QUESTIONS OF ONTOLOGY AND KNOWLEDGE THEORIES

V. Aleksandrov. “Being” and “non-being” – philosophical ways of reflection of Universe	11
O. Malyukova. Culturological program development time	18
O. Malyukova. The program of comprehension of time. Methodology of epistemological programs	26

**SECTION II. QUESTIONS OF SOCIAL PHILOSOPHY
AND PHILOSOPHICAL PROBLEMATICS SOCIALLY-HUMANITIES**

N. Barinova. Influence of ethics on international law conceptualization of human rights	34
Y. Kuznetsova. Identity of modern subject: statement of question	42
A. Laktionov. Alternative value systems as the phenomenon of public life: essence, the content, basic features	47
S. Lisova. Mass communication as a system	55
A. Naumenko. Risk and specificity of its display in political sphere of a life of the Russian society	61
A. Pronin. Civilizational paradigm of historylogy	71
A. Pronin. Problem of mathematic efficiency in natural sciences	80
K. Serdobintsev. Geographical factor as a determinant of societal evolution and a state in Russia	87
A. Sivkov. “Vertical” and “horizontal” axes of intercultural communications	94
K. Tendit. Social aspects of cult reality	101
E. Filimonova. Interaction of religions: cultural-creative aspect	108
G. Hazieva. Russia and Europe: comparison experience of social organization technology	114

**SECTION III. QUESTIONS OF HISTORY OF PHILOSOPHY
AND HISTORY OF OTHER PHILOSOPHICAL DISCIPLINES**

E. Grishaeva. The concept of personality in papers of Vladimir Lossky and works of of the church fathers of the 4 th centure	121
I. Maneev. Philosophical ideas about war and army in the creative heritage of Russian emigration of the I st half of XX century	127
N. Stepanov. Experience of philosophical understanding of the problem of life collision in the classical German philosophy	139

SECTION IV. SCIENTIFIC LIFE

Chair of philosophy MGOU and doctor’s dissertational council about philosophical sciences D. 212.155.08 at MGOU	146
--	-----

OUR AUTHORS	150
-------------------	-----

Features of registration of articles in a series series «Philosophical sciences» of Bulletin MGOU its editor (Rules for authors of a series “Philosophical sciences”: recommendations and editorial board requirements)	151
---	-----

Колонка редактора

Вестник МГОУ как научный журнал выходит, как известно, с 1998 года. С 2005 года он стал не только подписным и рецензируемым (ВАКовским), но и выходить стал *десятью специализированными сериями*. В их числе – и серия «Философские науки». Первый (пробный) выпуск Вестника в серии «ФН» был осуществлен во второй половине 2005 года. С 2006 года выпускается по четыре номера в год. *Подписной индекс серии «ФН» Вестника МГОУ – 36759 в Каталоге Агентства «Роспечать»*. Одним из условий приема научных статей для опубликования во всех сериях Вестника МГОУ является *подписка* (как минимум, на полугодие) на соответствующую серию (или на год и больше, если тот или иной автор собирается опубликовать несколько статей).

Правила подготовки научных статей и условия их опубликования в выпусках серий «Вестника МГОУ» помещены на сайте университета. Там же отмечены и характерные особенности, применительно к той или другой серии. В том числе и относительно серии «Философские науки». Кроме того, редакционная коллегия серии «ФН» в каждом номере повторяет эти правила и условия (теперь это будет блок из 4-5 стр. в конце журнала), но с внесением в них необходимых изменений (уточнений, разъяснений и т.п.). Эти «Правила...» мы также высылаем *по запросу* на электронный адрес вуза, кафедры, отдела, потенциального автора.

И все же редколлегия, ответственный редактор серии «ФН» считают необходимым (тем более, что вышло уже 20 книжек журнала нашей серии, в которых опубликовано около 350 статей) обратиться к потенциальным авторам с некоторыми пожеланиями, рекомендациями и т.п. Обращение это связано и с тем, что 29 апреля 2008 г. было принято Решение

Ученого совета МГОУ, рассмотревшего вопрос о выпуске серий Вестника.

В составе Информационно-издательского центра МГОУ (Издательство МГОУ) создан отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ» в интересах координации работы редколлегии и издательства по подготовке к выпуску серий журнала. *Независимое рецензирование* поступающих для публикации рукописей научных статей, как и раньше, *организуют* редакционные коллегии серий, ответственные редакторы. Но *организацией* независимого рецензирования будет заниматься и вновь созданный отдел.

Совет постановил, что важнейшей задачей отдела и ответственных редакторов серий должно быть соблюдение требований к авторам поступающих для публикации статей относительно их научности и оформления, полного и точного соблюдения «Правил...». В каждой серии «Вестника МГОУ» вводятся две новые, небольшие по объему – по 2, максимум, 3-4 страницы текста рубрики – «Колонка (страница) редактора» и «Научная жизнь» (последняя – для публикации информации о проводимых (проведенных и готовящихся) в МГОУ научных мероприятиях (конференции, семинары, защиты диссертаций, рецензии и аннотации на монографии и учебные пособия, юбилеи и памятные дни и пр.).

Решением Ученого совета МГОУ создан также Совет ответственных редакторов серий «Вестника МГОУ», который на своем первом же заседании 26 июня 2008 года *постановил*:

- практиковать проблемно-тематическую рубрикацию содержания серий «Вестника МГОУ»;
- аннотацию и ключевые слова на русском и иностранном языках помещать в форме двух абзацев, в начале

статьи на русском языке (под заголовком *Аннотация...* (курсив, шрифт 14), и затем: *Annotacion... (Abstract...* (курсив, шрифт 14) – английский текст;

- авторам и редакторам соблюдать соответствие информации сайта МГОУ с требованиями редколлегий серий. (Например, требование издательского ГОС-Та при оформлении ссылок на источники и литературу (*Примечания* в конце статьи) – образец см.: сайт МГОУ; пример ссылки в тексте: [16, 123] [8, 78]);

- редакционным коллегиям серий и отделу ИИЦ университета по изданию «Вестника...» неукоснительно соблюдать требования к *содержанию и оформлению независимых рецензий* и к *качеству* доработки авторами своих статей по замечаниям рецензентов и требованиям ответственных редакторов (в случаях необходимости такой *доработки*) – образец см.: сайт МГОУ;

- объем каждого номера журнала (а в разных сериях их выходит от 3 до 6 в год), как правило, не должен превышать 150 страниц (500000 знаков с пробелами);

- постраничная тарификация статей для авторов, печатающихся за свой счет, определена сегодня в размере 600 р. за каждую страницу печатного текста, содержащую 1800 знаков (с пробелами);

- редакционные коллегии серий «Вестника...» и отдел ИИЦ обязаны неукоснительно *расширять подписку*, ибо ограниченная подписка может привести к утрате статуса журнала как научного издания, рекомендуемого ВАК России.

Кроме того, именно отделу вменена обязанность обеспечивать: а) информацию о статьях, опубликованных в сериях Вестника, в российских реферативных журналах и базах данных ИНИОН и ВИНТИ РАН; б) представление серий «Вестника МГОУ» в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ); в) размещение на сайте МГОУ *электронных версий* серий журнала, что даст возможность лицензировать их как *самостоятельные издания с ВАКовским статусом*.

Контактные телефоны ответственного редактора серии «Философские науки»: 8-495-780-09-43 (доб. 14-82); дом.: 8-495-931-82-00; сот.: 8-916-596-32-88; E-mail: Dyrin@mail.ru

А теперь *по сути содержания* собственно «Колонки редактора» как обращения ответственного редактора и редколлегии серии «ФН» к сегодняшним и будущим авторам статей, публикуемых в философской (плюс раздел по политологии и философии политики) серии Вестника МГОУ.

Во-первых, обращаюсь с просьбой к авторам: правила и условия подготовки *научных* статей надо знать и твердо им следовать. Эти правила мы по Вашему *запросу* на Вами указанный электронный адрес отправляем незамедлительно. Кроме того, правила эти обязательно публикуются в каждом номере серии «ФН». Есть они и на сайте МГОУ.

Следование этим правилам, в том числе по вопросам «техничко-технологическим», библиографического оформления и описания произведений печати и в текстах статей, и в *Примечаниях* и т.д. не только ускоряет и улучшает процесс рецензирования и редактирования, сокращает необходимость переписки и телефонных разъяснений того, что кое-кто из авторов, к сожалению, не знает, не знает в принципе и даже «гордится» этим незнанием.

Во-вторых, не надо торопиться, я бы сказал даже так: не надо с рвением, достойным лучшего применения, спешить для того, чтобы, используя Интернет, отсылать свою статью «для рецензирования», для какого-то «просмотра», «проверки» и т.п. *Ведь редколлегия «ФН» Ваши статьи не заказывала. Вы их предлагаете*. Мы Ваши статьи принимаем и начинаем работу над ними *лишь после* того, как *Вы реализовали все правила и условия*. Они не являются секретными. Но они обязательны к осмыслению Вами и ответственному исполнению, в том числе при оформлении

научно-философских статей.

Однако удивительные и странные просьбы и предложения приходится читать в письмах, присылаемых на мой адрес. Прочитирую или кратко перескажу некоторые из них. Причем сразу же отмечу, что удивляют не только, и даже не столько «младое племя»: аспиранты и соискатели, сколько докторанты, кандидаты и доценты и даже профессора. Ничего я здесь не преувеличиваю, но фамилии, конечно, не стану называть. «Авторы» себя узнают, а другим их имена знать не обязательно. Важно, чтобы «эти другие» таким же образом не «отличались».

Итак: «Уважаемая (так в тексте – А.Д.) Ан.Ив.! Меня зовут ... Я аспирант ... (Я ассистент Я доцент ...) Для защиты диссертации мне необходимы публикации в «ваковских журналах». Тема моей диссертации (эта информация необходима, жаль, что не все вы сообщаете точное наименование темы и специальность, другие необходимые и желательные сведения о себе как авторе, не сообщаете контактные телефоны и электронный адрес)». И далее: «Разрешите предложить *темы* материалов к публикации ...» (следуют наименования тем); «если данные темы подходят вашему изданию, *буду рад* предоставить готовые статьи. *Уверен, что переписка* по электронной почте (*такая переписка* нисколько не предусмотрена, не входит в обязанности редактора, да и не нужна она – А.Д.) позволит нам (нам!?) достаточно *быстро и просто* прийти к общему (!) мнению по поводу возможности публикации статей...».

Но ведь не темы статей редколлегия рассматривает (в этом был бы какой-никакой смысл, если бы статьи были заказными, если бы они заказывались редколлегией, но в нашем случае научные статьи *предлагаются*, тема и содержание даются авторами, диссертантами. И все же правила были отправлены. Понятно, что по одним формулировкам статей (будь эти формулировки даже сверхточными) трудно судить о *реаль-*

ном философском содержании статей. Тем не менее одна тема была выделена: «пришлите именно ее, вторую ... «на пределе смысла». И через неделю позвоните мне» (сообщил телефоны).

Ни статьи, ни звонка. Зато пришло новое послание с *тем же* обращением (автор наш – лишь писатель, он не читатель, в том числе своих собственных посланий): «Для того, чтобы *круг моих научных интересов стал более понятным*, высылаю вам аннотации к обоим статьям. Также хотелось бы узнать ...» Смысла перечислять вопросы нет, ибо всего лишь *две страницы* текста «правил и условий» *и не читаны*. Словом, автор ставит вопросы. Но ответы редколлегии ему не нужны, не важны. Или, быть может, он хочет, чтобы ему все было разъяснено *лично* электронной перепиской? Ладно, хорошо, но читатель кто и где?

Пишу: «Редколлегиям серии журнала необходима Ваша научная статья, а не малопонятные темы и аннотации сами по себе (без статей) и тем более не «круг» Ваших научных интересов. Вы правила знаете? Нет, не знаете. Ознакомьтесь с ними и полностью сделайте все в соответствии с их требованиями. И *тогда* статьи (или статья) будут приняты. В редколлегию должно *представлять научные статьи, готовые статьи*, а не темы только, не замысел даже, а *статьи*. Позвоните, я отвечу на все Ваши вопросы. Переписку “по электронке” с Вами я больше вести не буду, так как Вы ведете разговор не о статье, не о реальных условиях публикации, а какой-то «околостатейный разговор». На этом все, к счастью, и завершилось.

Но есть другие: «Я докторант из Петербурга. Хотел бы Меня интересуют в первую очередь, *сроки* публикации, а также правила *отправки* (!?) статей и т.д.». (А что за этим – «и т.д.»?). «Я занимаюсь изучением политической регионалистики, электоральных процессов, работаю над докторской» (далее: возможно ли опубликование, сроки, условия). Короче: этот докторант (из Ас-

трахани) в *полном неведении*. Однако мой адрес – на сайте МГОУ, а там же и правила, и условия, и все-все, что надо. «Примите, пожалуйста, к рассмотрению мою статью. Нужно ли отправлять Вам по почте распечатанный вариант статьи?». «Если моя статья соответствует предъявленным требованиям, оплату отправлю по указанному на сайте адресу». Но и этот автор прекрасно знает, что статья выполнена им без учета правил и условий. Знает, что **без** оформления подписки (хотя бы на полугодие), **без** оплаты независимого, организуемого редколлегией, рецензирования, **без** оплаты издательских расходов никакая статья **не может** считаться принятой и работа редколлегии по такому тексту **не производится**.

Странно! Ну почему некоторые авторы считают, что редколлегия занимается рецензированием их статей как таковых, дорабатывая статьи таким образом. И даже присылают статьи **лишь для рецензирования. Не для публикации**. Нет и нет. Все правила и условия должны быть выполнены. В том числе и по оплате всех указанных позиций. **Только в таком случае статья считается статьей в «портфеле редколлегии».** И с ней проводится вся необходимая работа, в том числе экспертиза (рецензия) и редактирование. Да, иногда статьи авторами дорабатываются и в научно-теоретическом отношении. Так бывает. И все же больше высвечивается недостатков иного плана. На них я и обратил внимание потенциальных авторов в этой «Колонке редактора». О недостатках предметно-содержательного плана – в следующих материалах «Колонки».

PS. Свежее письмо требует сделать добавление. Еще раз подчеркиваю: редколлегия серии (впрочем, и все другие)

организует рецензирование не всех и всяких, в том числе и присланных электронной почтой статей, **а лишь принятых к публикации в серии «ФН» Вестника МГОУ.** И нет никакого пункта в правилах относительно той или иной оплаты «после рецензирования». Все одновременно (не буду повторять пункты правил и условий), в том числе и вся оплата должна быть проведена. Этот день и считается *днем приема статьи редколлегией* «для работы над ней». И если окажется (из рецензии и, тем более, после экспертного чтения ответственного редактора), что статья Ваша не годится, то деньги издательством возвращаются полностью. Впрочем, не могут быть возвращены две небольшие суммы – «за рецензирование» (оно выполнено и гонорар рецензенту выдан) и «за подписку» (она сделана Вами или издательством за Вас, но для Вас).

Словом, осмыслив и приняв требования – правила, условия, нормы, – следуйте им строго и точно. И статья Ваша *будет* опубликована, если (так как) она *научная и по философской проблематике*. Подтверждение? Оно у нас есть: редколлегия работает с текстами Вашими – смею утверждать – серьезно и ответственно: за 2005-2010 годы вышло, повторимся, - 20 книжек журнала нашей серии. На доработку было направлено некоторое количество статей. Но большинство, где требовалась та или другая корректировка и редакция, были доработаны в редколлегии. И все поступившие статьи опубликованы. Сегодня уже идет подготовка последних номеров 2010 года. Первый и второй номера вышли в феврале и мае. 3-й номер, т.е. 20-я книжка серии, - в августе. 21-я выйдет в ноябре. Спасибо за внимание.

20.10.2010

РАЗДЕЛ I. ВОПРОСЫ ОНТОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

УДК 372.8

Александров В.И.

«БЫТИЕ» И «НЕБЫТИЕ» – ФИЛОСОФСКИЕ СПОСОБЫ ОТРАЖЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ*

Аннотация. «Бытие» и «Небытие» являются исходными категориями философии как формы общественного сознания. Бытие и Небытие следует рассматривать в двух аспектах: как непосредственное присутствие реально-объективного мира, полагающего самого себя, и отражение этого мира в сознании человека. Сложность понимания «Бытия» связана с тем, что «Бытие» не имеет своего предиката. Это означает, что его нельзя определить. Его можно только выделить как исходную категорию философии. Сделать это возможно только через противоположность - «Небытие». На фоне категорий «Бытие» и «Небытие» развёртывается всё «пространство» теоретического осмысления мира. Небытие и Бытие являются противоположностями, где Бытие может выступать как «тень» Небытия. Реализуясь, Бытие в своей структуре не может не содержать потенциальную сторону Небытия, которое является условием возникновения Бытия. И напротив: Небытие как условие появления Бытия должно содержать сторону Бытия. Здесь сторона Бытия выступает как потенциальное условие появления Небытия.

Ключевые слова: Бытие, Небытие, нечто, ничто, Вселенная, становление, существование.

V. Aleksandrov

“BEING” AND “NON-BEING” – PHILOSOPHICAL WAYS OF REFLECTION OF UNIVERSE

Abstract. “Being and “non-being are the initial categories of philosophy as the form of social consciousness. Being and non-being should be regarded in two aspects: as direct presence of really-objective world supposing it itself, and as reflection of this world in the human consciousness. Complicacy of understanding of “Being” is connected with the fact, that “Being” has no it’s predicate. It means that it cannot be determined. It can be distinguished (marked out) only as the initial category of philosophy. It is possible to do it only through its opposition - “non-being”. Against the background of categories “Being” and “non-being” all “the space” of theoretical understanding of the world displays itself. Non-being and Being are opposites, where Being can “appear” in the role of non-being. Realizing itself, Being does contain potential side of non-being in its structure, which is the condition of Being and on the contrary: non-being is the condition of appearance of Being must contain a side of Being. The side of Being appears here as potential condition of the appearance of Non-being.

* © Александров В.И.

Key words: Being, Non-being, something, nothing, Universe, formation, existence.

Бытие и Небытие следует рассматривать в двух аспектах: как непосредственное присутствие реально-объективного мира, полагающего самого себя (наличное бытие), и отражение этого мира в сознании человека (категории), которое как бы ни “старалось” отобразить объективный мир, никогда не будет в состоянии адекватно его выразить.

Наличие объективного мира по отношению самого к себе не требует никакого внешнего наблюдателя для отображения себя, в то время как отображение этого мира требует субъекта, способного осуществить отображение мира. Если в первом случае имеет место объективная действительность, то во втором случае мы имеем дело с субъективной реальностью. Объективная реальность не нуждается ни в какой системе отражения себя. Она существует сама по себе. Для отображения же объективной реальности человеку необходима символическая система.

С этой целью человечество выработало систему коммуникации в виде языковых средств, высшим из которых является научный аппарат, состоящий из терминов, категорий, понятий и т.п.

На фоне категорий «Бытие» и «Небытие» развёртывается всё «пространство» теоретического осмысления мира.

С целостным миром как таковым [6, 280] никто из людей не имеет дела, хотя человек «вписан» в него. Познание мира человечество осуществляет не непосредственным, а опосредованным способом, используя здравый смысл, обыденное и научное знание, методы познания.

Наиболее существенным в построении единой картины мироздания является результат познания мира науками, которые стремятся построить картины мира применительно к специфике своего предмета. Так возникают математическая, физическая, химическая, биологическая и другие картины мира. Иногда можно встретить мысль, что совокупность многих специфических научных картин мира в своём единстве позволит адекватно отобразить целостность мироздания. Цементирующей основой в этом деле должна выступать философия. Она на основе познания мира всеми науками, опираясь на всю, выработанную человечеством практическую и теоретическую деятельность, должна построить целостную картину мироздания. Такое представление сомнительно, ибо противоречит общему принципу философии: совокупность частей не исчерпывает целостность.

Стало быть, речь должна идти не о бытии наличной объективной реальности как она есть, а об адекватном способе её отображения. Вместе с тем философия отображает реальность в предельных категориях «Бытие» и «Небытие», идеальным референтом которых является Вселенная.

К сожалению, наука знает о Вселенной всего 5%. 95% лежит за пределами её знания. И не исключено, что познание Вселенной может привести к прямо противоположным нашим знаниям о Её жизни.

Древнегреческий эпос отмечает, что первоначально был Хаос. «Сначала были Хаос и Ночь, ... и не было ни Земли, ни Воздуха, ни Неба ... Хаос первичен, а прочее – из него» [5, 38].

Хаос для первых мыслителей был аналогом Небытия, из которого всё происходило. Всё, что происходило из Хаоса, представлялось Бытием. Бытие

разрушалось и возвращалось в Хаос. Другими словами, Бытие возникало из Небытия и вновь возвращалось в Небытие.

А. Турсунов, ссылаясь на философскую традицию индоиранской античности, отмечает, что «восточные мыслители интересовались не только переходом от небытия к бытию, но и, наоборот, – переходом от бытия к небытию» [4, 60]. Небытие в этой традиции - бестелесная субстанция особого рода, не наделённая конкретными чертами или свойствами. Но она «не только не уступает материальному бытию по степени существования, но превосходит его по своим реализуемым возможностям» [4, 61]. В этой связи «Древневосточная концепция небытия ... в его отношении к бытию ... напоминает современную научную концепцию вакуума как субстанционального начала астрономической Вселенной» [4, 61].

В античной философии осмысление Бытия встречается в элейской школе: бытие есть, ибо «мыслить – то же, что быть... Можно лишь то говорить и мыслить, что есть; бытие ведь Есть, а ничто не есть ...То же самое – мысль и то, о чём мысль возникает» [5, 296-297].

Стало быть, есть только Бытие, Небытия нет, таков тезис. Основанием для утверждения является единство предмета мысли и мысли о предмете: мысль о предмете и предмет мысли - одно и то же. Небытия нет, ибо оно непостижимо. Мы не можем мыслить так, чтобы отсутствовал предмет нашей мысли. Мысля Небытие, мы превращаем мысль о Небытии в предмет нашей мысли, что оборачивается Бытием. Бытие едино, непроницаемо, неделимо, вечно (т.е. не возникает и не умирает). Оно не развивается. Аргументацию этих свойств и качеств приводит Зенон элейский в своих апориях, суть которых в том, что объективную действительность невозможно представить в логике суждений, а логику движения невозможно выразить в логике понятий, ибо эти два уровня мира самостоятельны.

Данный факт фиксирует, что для человека существуют как бы два мира: мир непосредственной физической реальности и мир суждений (мышления). Стало быть, человек, находясь в трёхмерном физическом пространстве, взаимодействует в одном случае с миром посредством своих органов чувств, в другом случае - с отражёнными формами объективной действительности (мышлением), которые никогда не смогут стать тождественными. При этом для древних авторов мышление осуществляется на основе органов чувств, ибо «кроме бытия чувственно воспринимаемых вещей, никакой другой реальности нет» [5, 279]. Если считать, что вся жизнь человека сводится только к мыслительным процессам, то тогда Парменид прав.

Однако человек, помимо мысли, имеет чувства, которые отмечают наличие внешнего мира, не входящего во внутреннюю структуру организма, ибо действительность, лежащая за пределами организма, является источником мыслительных процедур, и она отлична от них. В силу этого категорично представить предмет мысли и мысль о предмете как единство – некорректно.

Сложность понимания «Бытия» связана с тем, что «Бытие» не имеет своего предиката (Кант). Это означает, что его нельзя определить. Его можно только выделить как исходную категорию философии. Сделать это возможно только через противоположность – «Небытие».

Если о Бытии как-то и что-то говорят (Парменид, Кант, Гегель), то о Небытии сказать что-либо невозможно, поскольку сразу же попадаем в Бытие (Парменид).

Как правило, о категории «Небытие» говорят как об отсутствии Бытия. Трудность заключается в том, что мышление человека представляет собой пролонгацию органов чувств человека. Оно способно от конкретного предмета выделять стороны и превращать их в самостоятельное Бытие. Это так называемое абстрактное мышление. Всё человеческое мышление предметное. Находясь в структуре человеческого мышления, организованного на пяти чувствах человека, выйти за рамки предметного Бытия невозможно.

Здесь следует поставить вопрос: «А ограничен ли человек пятью чувствами?» Мыслители отмечали, что этими пятью чувствами человеческие существа не ограничиваются. Аэций, ссылаясь на Демокрита, отмечает, что «у животных, мудрецов и богов» [2, 312] имеется больше пяти чувств. Восточная традиция говорит, что по природе человечество наделено, например, астральным чувством [7], которое должно получить своё развитие в каждом индивиде. Сейчас же это чувство отчасти наблюдается у некоторых людей, способных к ясновидению и пророчеству.

Что даёт человеку наличие этого чувства? Оно позволяет человеку входить в непосредственное Бытие Вселенной, фиксируя Её.

Платон полагал, что предметом философии является Бытие. Кто хочет заниматься философией, обязан войти и раствориться в Бытии. Против такого понимания предмета философии выступил Аристотель. Он отметил, что человек в силу своей рабской природы сделать этого не может. Это доступно теологам. Для человека же предметом философии должно быть учение о Бытии. Таким образом, учение о Бытии является внешним фактором Бытия, выражая в лучшем случае форму Бытия. Содержание Бытия остаётся за рамками человеческого восприятия. И нет основания, чтобы не признать форму Бытия за Бытие, а содержание Бытия за Небытие. Абстрактное человеческое мышление позволяет это сделать. Понятно, что в таком случае будет иметь место иллюзорное представление о Бытии и Небытии.

У А.Н. Чанышева в работе «Трактат о небытии» Небытие обладает теми же признаками, что и Бытие, но с обратным знаком.

Небытие и Бытие являются противоположностями, где Бытие может выступать как тень Небытия. Согласно закону противоположности, сторона предмета взаимно предполагает и в то же время взаимно отрицает другую сторону. Следовательно, реализуясь, Бытие в своей структуре не может не содержать потенциальную сторону Небытия, которое является условием возникновения Бытия. И напротив: Небытие как условие появления Бытия должно содержать сторону Бытия. Здесь сторона Бытия выступает как потенциальное условие появления Небытия. Такое воззрение является релятивным. Оно не даёт возможности строго зафиксировать крайности, которые всё время переливаются и обуславливают друг друга.

Поскольку «Небытие» не в состоянии проявить своё содержание, постольку при его осмыслении некоторые мыслители сводят эту категорию к понятию «ничто». Если допустить существование философской логики, то к ней следует отнести категорию «ничто». В философской системе Гегеля эта категория как раз и используется в данном значении. Она находится во взаимодействии с категорией «нечто», прошедшей путь становления. И в этом смысле категории «ничто» и «нечто» являются противоположностями. В философии противоположностью категории «Бытие» выступает категория «Небытие». Используя в качестве противоположности категории «Бытие» категорию «ничто», мы до-

пускаем подмену понятий: из философской области переходим в логико-философскую сферу, что неосмотрительно. Хайдеггер, относясь к Бытию как исходному, предлагает войти в вопрос о Бытии как своего предела до «ничто» и «включить Ничто в вопрос о бытии» [8, 18].

Непонятно только, каким образом движение мысли о Бытии, дошедшее до своего предела, позволит встретиться с «ничто», которое всегда будет лежать за границами Бытия? Перешагнуть предел Бытия означает оказаться в Небытии. Но в Небытие невозможно попасть. Хайдеггер предлагает *ухитриться вписать* ничто в вопрос о Бытии. Но тогда не ясно, откуда взять это Небытие, которое следует включить в Бытие? К тому же, включённое в Бытие Небытие теряет свою особенность, превращаясь в Бытие так, что оно неотлично от Бытия. Вновь мы вынуждены вернуться к положению Парменида: есть только Бытие, Небытия нет. Если это так, тогда бессмысленно говорить о Небытии.

Некоторые мыслители, следуя за Анаксагором, предлагают относиться к Небытию через формы Бытия. Одна форма, погибая, даёт жизнь другой форме. К погибшему существу следует относиться как к Небытию, а к возникшему новому феномену - как к Бытию.

Как мне думается, интересным представляется анализ Небытия в соотношении с такими категориями, как «пустые слова», «пустой формализм», «пустое понятие», «пустой класс», «пустое множество» и другими подобными понятиями, в которых реальная форма и действительное содержание не находятся в адекватности. Впрочем, это отдельный разговор.

Небытие - это не хаос, который, упорядочиваясь, превращается в Бытие. Оно не скрывается за Бытием. Небытие - это условие, дающее возможность осуществиться Бытию. Отношение к Небытию как к хаосу – это отношение нашего рассудка к разуму. То, что рассудок человека воспринимает как неупорядоченное, не означает *кавардак, сумбур, безалаберцину и бессистемность, хаос*. Вселенная не хаотична, она целостна и едина. Она пронизана Всеобщими законами Вселенной.

Человеческие действия вырывают из целостной Вселенной её часть или элемент, превращая данный фрагмент в самостоятельную целостность. Этот фрагмент, который по природе является неотделимым от общих закономерностей, присущих Вселенной, человек переносит (помещает) в свою область макромира (имеющего свои закономерности), что привносит определённый перекося в существование реальной действительности. Человеческий рассудок организует окружающую человека действительность сообразно своей специфике жизни. На фоне собственной макроструктурной ограниченности человек и воспринимает фрагмент целостной Вселенной соответствующим способом. Даже тогда, когда у человека появляются средства проникнуть в микро- или мегамир, эти уровни мира созерцаются и выстраиваются в границах макромира как пролонгации человеческих чувств. Это означает, что человек познаёт реальность целостной действительности (Вселенной) не из сущности самой действительности, а из собственной способности отобразить эту целостную сущность (это хорошо показал Кант). Но отсюда не следует, что объективная действительность отсутствует. Она есть, но приходит к нам в ином виде.

Разнонаправленность векторных величин * приводит к различному поло-

* Существование самой Вселенной, «поставляющей» информацию о Себе, идущей от Себя, и «приём» этой информации, которая организуется в соответствии с человеческими возможностями, идущими от человека.

жению Вселенной: пребыванию её по отношению к самой себе и отображению её по отношению к человеку. Получается два мира. Они не тождественны и не аутентичны, но имеют момент связи благодаря Бытию и Небытию.

Иногда в учебной литературе можно встретить определение понятия «Бытие» как «существование». Тогда предикатом Бытия выступает существование. Некорректность такого подхода двояка. Во-первых, понятие «Бытие» не имеет предиката. Во-вторых, понятия «Бытие» и «существование» различные. Категория «существование» обозначает обнаружение Бытия. Она как бы продуцируется и происходит от Бытия, давая возможность проявиться Бытию. Благодаря ей бытие обналичивается, обнаруживается. Такое представление даёт основание утверждать, что Бытие первично по отношению к существованию.

Наряду с таким пониманием, имеет место и другое представление, полагающее существование первичным по отношению к Бытию. Считают, что существование порождает Бытие (бытие становится). Следует уточнить. Бытие и существование - взаимосвязанные феномены. Бытие относится к субстанциальному, а существование к процессуальному феномену. То, что акт становления процессуален, не означает, что процесс осуществляется без и вне определённого основания (субстанции). *Становление* означает переход чего-то одного во что-то другое. Это «что-то», и составляет основу процесса становления, переходящего в другое. Становление является процессом, переводящим Бытие в Небытие (что означает реализацию условий небытия) и вместе с тем возможность перехода Небытия в Бытие*.

Термин «существование» представляет позднелатинский *ex(s)istentia* и происходит от латинского *exsisto*, что означает «существую». В философии термин употреблялся «для обозначения н а л и ч н о г о б ы т и я в е щ и» [1, 166]. Считается, что поскольку действительность изменчива, постольку Бытие всегда становится для того, чтобы уйти, освобождая дорогу новому Бытию (Гераклит).

В философской литературе можно встретить трактовку взаимосвязи категорий «Бытие» и «сущее» как равных понятий. Между тем категория «сущее» представляет собой всё локализованное многообразие мира. Иногда эту категорию понимают как глагол-связку «есть» [3, 676]. В этом случае категории «Бытие» и «сущее» - одно и то же. Но Бытие по отношению к сущему представляет собой нечто побуждающее и обнаруживающее себя через существование как сущее.

Итак, в философии «Бытие» и «Небытие», как её категории, являются исходными. Аналога (референта) для данных понятий в действительном мире нет. Есть целостный мир (Вселенная), находящийся в развёртывании (эволюции), с которым человек имеет очень ограниченное общение, ибо человек ещё не достиг своей социальной сущности, а представляет собой биосоциальное существо. Вместе с тем, руководствуясь своим мышлением, человек не может мыслить непредметно: всегда есть мысль о предмете, который мыслится, а это и считается Бытием. Но помимо мышления существует реальная действительность, в которой человек находится. Эта реальность и мысль об этой реальности - вещи различные: действительность первична по отношению к её отражению. Мир в целом является действительным Бытием и Небытием; они перетекают друг в друга. Он порождает наше представление о нём, в то время

* Здесь речь идёт не о диалектических, а о механических взаимодействиях.

как мышление только отображает, снимает копию с оригинала, пытаюсь отождествить оригинал и копию (элеаты). Это даёт основание считать объективную действительность (материю) Бытием, а мышление - как свойство, производное от материи. Однако, независимо от того, будем ли мы считать объективную действительность за первичное, а мышление производное от неё – вторичным, как первое, так и второе попадают под единое основание – «Есть». А «Есть» является Бытием. И никуда за пределы «Есть» выйти невозможно. Такая ситуация не позволяет использовать категорию «Бытие» как рабочее понятие. Оно, например, как у химиков, занимает положение категории «вещество», являющееся общим понятием, не способным к самостоятельному Бытию, ибо химик имеет дело всегда с конкретным веществом, а не с веществом вообще.

Для того, чтобы придать какую-то смысловую нагрузку понятию «Бытие», вводят категорию «формы Бытия», представляющую собой локализованные стороны объективного мира. Здесь понятия «Бытие» и понятие «формы Бытия» соотносятся как всеобщее к общему. Несмотря на их близость, они различные понятия.

Такова ситуация человека как биосоциального существа, живущего и осмысливающего Вселенную в рамках макроуровня на основе своих органов чувств, по отношению к исходным началам философии.

Человек же - не биосоциальное, а социальное существо. Он, как Микроскоп, через социальную форму движения (единый социальный организм) развёртывает все имеющиеся в потенциальном состоянии чувства, которые позволяют ему взаимодействовать с «Небытием» и «Бытием», превращая одно в другое и переходя из одного состояния в другое.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С. Существование // Философская энциклопедия. Т. 5. – М., 1970.
2. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, перевод, исследования. - Л.: Наука, 1970.
3. Огурцов А.П. Сущее. // Новая философская энциклопедия: В 4 т. - М.: Мысль, 2001.
4. Турсунов А. Человек и мироздание. - М.: Советская Россия, 1986.
5. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. - М.: Наука, 1989.
6. Целое: «то в чём ничто не отсутствует»». // Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. - М.: Наука, 1989.
7. Чаттерджи М., Халловэй А. Человек: фрагменты забытой истории. - М., 2004.
8. Heidegger M. Einfuhrung in die Metaphysik. - Tub, 1953.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ОСВОЕНИЯ ВРЕМЕНИ*

Аннотация. Главная особенность проблемы времени – это ее комплексный характер. Это выражается, прежде всего, в том, что время является междисциплинарным объектом изучения. Проблема времени продолжает по-разному ставиться в зависимости от уровня строения материи, т.е. в соответствии с тезисом: каждому уровню материи – свое время. В эпистемологии этот тезис раскрывается следующим образом: любая наука может реализовывать свою собственную программу изучения времени. В результате можно говорить о программах изучения времени в физике, химии, биологии, геологии, культурологии, логике и т.д. Данная работа посвящена культурологической программе освоения времени. Культурологическая программа освоения времени ориентирует исследователя на выявление специфических свойств времени и пространства, характерных только для социума. Обычно в качестве первого в ряду таких свойств выступает необратимость времени, которое является фундаментальной характеристикой человеческой культуры.

Ключевые слова: эпистемология, культурология, логика, феномен времени, программа изучения времени.

O. Malyukova

CULTUROLOGICAL PROGRAM DEVELOPMENT TIME

Abstract. The main feature of a problem of time is its complex character. It is expressed, first of all, that time is interdisciplinary object of studying. Time problem continues to be put differently depending on level of a structure of a matter, i.e. according to the thesis: to each level of a matter – the time. In the epistemology this thesis reveals as follows: any science can realise the own program of studying of time. As a result it is possible to speak about programs of studying of time in the physicist, chemistry, biology, geology, cultural science, the logician etc. Given work is devoted the culturological program of development of time. The culturological program of development of time focuses the researcher on revealing of specific properties of time and space, characteristic only for society. Usually as the first among such properties irreversibility of time which is the fundamental characteristic of human culture acts.

Key words: epistemology, culturology, logic, the phenomenon of time, program study time.

Главная особенность проблемы времени – это ее комплексный характер [1]. Это выражается, прежде всего, в том, что время является междисциплинарным объектом изучения. С 1966 г. существует «Международное общество по изучению времени». В нашей стране в течение нескольких десятков лет функционирует семинар по изучению времени. Проблема времени продолжает по-разному ставиться в зависимости от уровня строения материи, т.е. в соответствии с тезисом: каждому уровню материи – свое время. В эпистемологии этот тезис раскрывается следующим образом: любая наука может реализовывать свою собственную программу изучения времени. В результате можно говорить

* © Малюкова О.В.

о программах изучения времени в физике, химии, биологии, геологии, культурологи, логике и т.д. Основанием для формулировки собственной научной программы может быть достаточно удачное положение В.И.Ленина, сформулированное им в работе «Материализм и эмпириокритицизм», его непосредственно философском труде: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» [2]. Это положение можно интерпретировать следующим образом: та дисциплина или область знания, которая может сформулировать специфические представления о пространстве и времени, может создавать и работать в рамках собственной программы изучения времени. С этих позиций можно представить такую картину этих эпистемологических программ:

- физика – реализует программу геометризации пространства и времени;
- химия – реализует химико-синергетическую программу необратимости времени;
- биология – реализует биолого-экологическую программу приспособления ко времени;
- логика – реализует программу формализации свойств времени и создания исчислений времени;
- психология – реализует программу восприятия длительности времени;
- культурология – реализует программу освоения человеком реальных времени и пространства. Список дисциплин может быть, конечно, продолжен, например, в теологии может существовать программа постижения времени.

Культурологическая программа освоения времени ориентирует исследователя на выявление специфических свойств времени и пространства, характерных только для социума. Обычно в качестве первого в ряду таких свойств выступает необратимость времени, которая является фундаментальной характеристикой человеческой культуры. Б. Рассел писал по этому поводу: «...есть какой-то смысл, - который легче почувствовать, чем выразить, - в том, что время является незначительной и поверхностной характеристикой реальности. Прошлое и будущее должны быть признаны столь же реальными, как настоящее, и какое-то освобождение от рабства времени существенно важно для философского мышления. Значимость от времени носит скорее практический, чем теоретический характер...» [3].

Уникальность времени связана с тем, что это единственный объект, который постоянно указывает человеку на его конечность, связанную со смертностью. Именно поэтому человек предпринимает постоянные усилия для того, чтобы избежать конечности своего существования или преодолеть ее любым способом. Исторически первым способом решения этой проблемы стало удвоение мира на земной и небесный, реализованное в рамках мифологии. В теоретическом плане удвоение мира было зафиксировано Парменидом.

*Пусть не принудит тебя накопленный опыт привычки
Зренье свое утруждать, язык и нечуткие уши.
Разумом ты разреши труднейшую эту задачу,
Данную мною тебе.
Быть или вовсе не быть - вот здесь разрешение вопроса.
Есть бытие, а небытия вовсе нету;
Здесь достоверности путь, и к истине он приближает.
Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует.*

*Ибо ведь без бытия, в котором ее выражение,
Мысли тебе не найти.
Не возникает он (бытие), и не подчиняется смерти.
Цельное все, без конца, не движется и однородно.
Не было в прошлом оно, не будет, но все в настоящем.
Без перерыва, одно. Ему ли разыщешь начало?
Как и откуда расти? [4].*

Различие миров, в основном, связано с разницей в применении к ним категорий материи в ее единстве или множественности движения, пространства и времени: в одном мире все множественно и находится в постоянном изменении, в другом – все едино, вечно и неподвижно. Разделение миров связано с существованием человека чувствующего и познающего, оно воспроизводится постоянно каждым человеком в каждый момент его существования и всем человечеством в целом. Помимо разделения мира на земной и небесный, чувственный и умопостигаемый, человеческая культура сформировала особые социальные образования, имеющие принципиальные отличия от обычного социума. Такими образованиями являются темпоральные острова культуры. Их создание и функционирование представляет собой суть культурологической программы освоения времени.

На сегодняшний день это самая удачная программа постижения времени. Само определение программы как культурологической не является корректным, ибо не связано с предметом культурологии как таковой, поэтому данную программу легче представить в виде примеров. Это, как минимум, четыре сферы человеческой культуры, которые образуют своеобразные пространственно-временные острова, локусы; их время, необратимое, по сути, имеет свою специфику, выраженную в разнообразных попытках преодоления этой фатальной необратимости. В качестве таких миров выступают следующие культурные образования:

1. Мир жреческий, церковный, религиозный во всем его многообразии. В различных религиозных культах сформированы самые необычные представления о времени. В качестве примера уместнее всего взять пространственно-временные представления христианства. Во-первых, именно христианская религия впервые представила время в виде временной оси, однородной в математическом смысле и неоднородной в силу религиозной конкретики. Во-вторых, индивидуальное существование человека в христианстве считается бесконечным, ибо за краткой земной жизнью следует жизнь вечная. Качество вечной жизни существенно связано с личными заслугами человека. Смерть представляет собой переход из одного состояния в другое. В-третьих, качество загробной жизни каждого человека существенно связано с деятельностью Церкви, именно поэтому Церковь и ее служители занимают особое место в земном мире.

Удвоение реальности есть основной признак любой религии. Религия появляется на самых ранних стадиях антропосоциогенеза – это обстоятельство четко фиксируется в научном знании. Религиозная вера, нравственные запреты, погребение умерших, – все это есть характеристики становления общества. Основной функцией религии в обществе считается иллюзорно-компенсаторная функция, т.е. создание некоего иллюзорного мира в качестве компенсации за перенесенные на земле страдания. Уже на ранних стадиях общественного

развития эта сфера жизни становится профессиональной. Выполнение религиозных функций требовало особых знаний, особых умений, способностей и соответствующего происхождения. Так, в первобытных обществах появляется каста жрецов, довольно быстро ставшая самодостаточной в своей деятельности. С обычным обществом, помимо чисто религиозных функций, каста жрецов была связана и необходимостью в притоке новых членов. Ибо по различным причинам отношение практически всех жреческих сообществ к институту брака было отрицательным (кстати, именно поэтому они охотно принимали подкидышей и сирот, т.е. детей, оказавшихся вне семьи).

Поскольку сакральный, или божественный, мир не всегда мог принимать участие в жизни конкретного человека и общества, то эта функция была монополизирована жреческими сообществами, выступавшими в роли посредников и не дававшими человеку забывать о Боге. Только жреческие сообщества обладали монополией на знание о божествах, только жрецы могли истолковывать прошлое и будущее, только они могли совершать путешествия во времени для посещения различных миров, в том числе и мира сакрального. Именно тогда начинает формироваться установка на создание всемирной теократии в соответствии с имевшимися представлениями о размерах мира. Свое наиболее полное воплощение эта установка получила в христианской религии, а идейным вдохновителем этого стал Аврелий Августин, автор трактата «О граде божьем». В этом трактате Аврелий Августин сформулировал учение о двух градах – граде земном и граде небесном. Градом небесным стало не только государство Бога-отца на небе, но и его земное воплощение на земле – Церковь. Практическая реализация учения о граде небесном началась одновременно с появлением христианства, что и отразил Августин в своем творчестве. Основные вехи этого пути приведены нами ниже.

Постепенное утверждение христианства в качестве господствующей религии и становление Церкви приходится на I-IV века. Именно IV век занимает особое место в этом процессе: начинает складываться Священная история, не совпадающая с гражданской историей, оформляется священное пространство – Святая земля, – не совпадающее с реальной географией, и, таким образом, новый, альтернативный мир обретает свое пространство и время.

2. Мир воинский появляется примерно в то же время, что и мир жреческий. Однажды возникнув, он сопровождает человеческую историю на всем ее существовании. Как и жреческий мир, он не является самодостаточным и существует за счет обычного мира. В отличие от жреческого мира, воинский мир не обещает вечной жизни, но статус его в любом обществе крайне высок, что далеко не всегда связано с воинскими успехами. В этом мире действует своя шкала времени, связанная с присвоением воинских званий и зачетом одного года службы за два и т.д. Человек, закончивший военную карьеру, возвращается в повседневный мир в достаточно молодом возрасте и получает возможность прожить в нем «вторую» жизнь, которая часто оказывается удачнее жизни воинской, благодаря отсутствию в ней воинского образа жизни. Оба мира, жреческий и воинский, реально существуют и обладают аналогичными чертами, к которым относится производность их хозяйственной деятельности и отсутствие проблем, связанных с институтом семьи.

Впервые в теоретическом плане на это общественное явление обратил внимание Платон. В его модели «идеального государства» классу воинов-стражей уделено особое место. Собственно говоря, это наиболее известная часть модели

Платона. Возникает вопрос, и он будет еще не раз возникать, – почему никогда не бывший воином Платон, да и многие иные мыслители, так интересовался армией и преклонялся перед ней? Это не может быть связано с защитной функцией армии, на протяжении всей человеческой истории защита отечества никогда не осуществлялась силами профессиональной армии, в тяжелые годы к армии всегда присоединялось массовое ополчение населения. Ответ, скорее всего, лежит в плоскости самой платоновской программы. Именно армия отождествлялась с лучшими моральными качествами личности, превосходной физической формой, конкретными навыками и умениями. Идеальный воинский мир – это понятия мужества, храбрости, стойкости, отваги, воинского искусства и т.д. Идеальный воинский мир дублировался в реальном мире, реальный мир оказывался хуже идеального, но сохранял его характерные черты. Итак, воинский мир представлял собой воплощение идеала не только собственного, но и всего общества в целом. Реальным образцом такого государства, как известно, для Платона было военизированное общество Спарты.

Платоновская программа построения идеального государства надолго пережила своего создателя. Она воплотилась в целом комплексе программ, самой известной из которых является учение Августина о «двух градах». На протяжении веков одна программа сменяла другую, каждая из них делала упор на собственных представлениях об идеальном общественном устройстве. Общей чертой всех программ стало особое внимание к воинскому миру и особая забота о нем. Конечно, функциональный момент в такой заботе обязательно присутствует. Однако, главным является сохранение платоновской установки на отождествления этого мира с лучшими чертами человеческой личности как в нравственном, так и в физическом плане. Итак, мир воинский представляет собой особый мир с выделенным статусом.

Мир воинский, обладая особым статусом, должен иметь собственное пространство и собственное время, либо собственные представления о них. Такие черты в этом мире явно просматриваются. В особенности, это касается пространства. Существует специализированный язык, включающий пространственные термины, где горы становятся высотами, пейзаж – пересеченной местностью, реки и дороги – транспортными артериями и т.д. Источником такого языка являются термины географии, используемые для описания местности, но смысловое значение военного языка только частично совпадает с языком географии, ибо включает и другую тематику. В любом случае, существует особое пространственное восприятие и видение мира, характерное только для данного мира. Здесь сдача Москвы Наполеону в 1812 г. называется фланговым маневром, причиной начала операции на Курской дуге выступает угол в расположении фронтов, отступления под ударом неприятеля носят название выравнивания фронта.

Словом, пространственный фактор является существенным фактором для военной науки с древнейших времен. Изучение военного искусства и военной истории невозможно без карты местности. Развитие картографии является еще одним доказательством наличия собственного представления о пространстве. Военная карта – это модель военного видения мира. Кстати, открытость или закрытость доступа к картам местности является любопытным показателем отношения государства к войне: повышение уровня секретности при доступе к картам означает готовность к началу военных действий, в СССР практически все карты, начиная с 30-х годов XX века, были засекречены. Собственное вре-

мя также формируется в воинском мире, хотя и не в столь явной форме, как собственное пространство. В основном, имеет место применение жестких шкал времени, связанных с началом и проведением военного мероприятия. В целом, пространственно-временная специфика военного мира связана со стремлением к его формализации, к устранению реального содержания пространства и времени, к представлению военных действий как некоего механизма, который должен работать в заданных условиях. Под заданными условиями чаще всего имеется в виду человек. Солдат – это вечная проблема любой армии, ибо его надо одевать, кормить, оплачивать его труд, учитывать его иные потребности и т.д. Недооценка человеческого фактора, излишняя пространственно-временная формализация военного мира приводят к трагическим последствиям, в качестве примера которых можно назвать советско-финскую войну 1939-1940 гг., начатую, кстати, из-за необходимости выравнивания границы.

Необходимость существования воинского мира связана со спецификой человеческой истории, а именно – с необходимостью поддерживать обороноспособность государства. Поэтому, единожды возникнув, воинский мир стал существовать всегда. Его существование перестало быть непосредственно связано с ведением военных действий, он не стал самодостаточным миром, но приобрел существенную степень самостоятельности. Он функционирует по своим собственным законам и является реально существующим альтернативным миром нашей реальности. В отличие от жреческого мира, воинский мир не имеет экономической самостоятельности, а в силу специфики своей деятельности имеет возможность диктовать обычному миру свои условия. Эти условия обычно оказываются достаточно жесткими, с ними связана проблематика, которая, помимо социального аспекта, имеет пространственно-временную конкретику.

На протяжении всего XX века значение воинского мира продолжало возрастать. Сложилась определенная иерархия миров, среди которых основным являлся мир воинский вплоть до установления военной диктатуры, затем слой, так или иначе с ним связанные, – военизированная наука, техника и промышленность, и только потом мир гражданский, его население и промышленность, снабжавшиеся по остаточному принципу и имевшие второстепенный статус. Неадекватность такого положения дел была четко осознана во второй половине XX века, когда благодаря деятельности Римского клуба, благодаря популяризации идей, связанных с глобальными проблемами современности, была доказана невозможность победы в современной ядерной войне. Медленные процессы в области ядерного разоружения стимулировали и обычное разоружение. Эти и другие общественные процессы подрывали высокий статус воинского мира, а на практике выливаются в сокращение армий, которое происходит во многих странах. Пока об этом можно говорить как о тенденции, ибо по-прежнему население большинства стран проходит армейскую службу по призыву. Новым фактором, существенно сдерживающим сокращение воинского мира, стала постоянная угроза и практика терроризма. Однако общемировая политика инноваций и создания инновационных технологий направлены на повышение качества жизни именно гражданского населения, а не на создание новых видов вооружений. Мир воинский при этом может обрести свои реальные границы, а не те, на которые он постоянно претендовал в ходе истории. Преобладание воинского мира над гражданским означает прямую дорогу к тоталитаризму, ибо мир воинский притягивает к себе людей тоталитарного сознания, он сам есть иное средоточие тоталитаризма.

3. Мир художественного творчества имеет возможность воплотить в наглядной и образной форме самые диковинные и фантастические представления о времени. Машины времени, путешествия во времени, изменения будущего путешественниками во времени представляют собой сюжеты многих художественных произведений. Хотя, как это ни странно, количество таких произведений очень невелико, как если бы тема путешествия во времени представляла собой некое табу, запрет. С другой стороны, именно тема будущего, воплощенная в художественном творчестве, служит источником для деятельности человека в настоящем времени. Кроме того, мир художественного творчества, представленный в новых информационных технологиях, дает возможность наглядного изображения мира прошлых событий, делая его практически реальным.

Дублирование миров, создание повторяющихся миров можно считать основной задачей литературного творчества. Главное здесь – это возможность повтора, вторичного переживания происшедшего. Реальная невозможность такого повтора всегда воспринималась человеком как трагедия, как проявление жестокости времени. Ведь, основным свойством времени человечество всегда считало его необратимость. Именно с необратимостью времени напрямую связывается конечность человеческого существования и невозможность возвращения в прошлое. Идея путешествия во времени во все века успешно реализовывалась с помощью художественной литературы. Можно предположить, что ее расцвет, а также появление киноискусства, компьютерного воспроизведения реальностей и их мировой триумф связаны с непреодолимым желанием человека еще раз прожить свою и чужую жизни. Такое стремление к ремейку есть еще один архетип человеческого сознания. Каким образом художественная литература реализует идею возврата? Это путь умножения миров: дублирования реально существующего или существовавших ранее, или создания альтернативных реальностей.

Какова связь идеи умножения миров в литературном творчестве с проблемой времени? Время является основным параметром физической науки, именно физика сделала больше всего успехов в изучении времени. В интересующем нас аспекте необходимо отметить гипотезу множественности миров, созданную Х.Эвереттом и Д.А.Уилером. Согласно этой концепции, вселенная в каждый момент времени расщепляется на бесконечное число вселенных. Благодаря этому ветвлению в различных вселенных реализуются все возможности, предусмотренные квантовой теорией. Идея умножения миров нашла реализацию и в области философии: в частности, логики занялись изучением времени и построением формальных теорий, где время выступает в качестве оператора, подобно операторам необходимости и возможности в модальной логике. Такие формальные системы пользуются для своей интерпретации семантикой возможных миров. В содержательном плане семантика возможных миров как раз и предполагает ветвление времени в каждой точке и появление миров с различными свойствами и событиями. Среди таких миров возможны и повторяющиеся миры, и миры с похожим набором событий, и миры альтернативной истории. Именно такие ситуации чаще всего реализуются в художественной литературе.

4. Мир Интернета и виртуальности представляет собой развитие мира художественного творчества, давая ему новые невиданные ранее возможности. В качестве самодостаточного явления мир Интернета есть часть создающего-

ся ныне информационного общества, существенной чертой которого является решение пространственных и временных проблем человечества в общении и коммуникациях. Мир Интернета съедает пространство и удлиняет индивидуальное время личности.

На сегодняшний день именно эта программа наиболее полно отвечает проблемам, связанным с человеческим существованием в целом. Ее можно обозначить как культурологическую программу. В рамках этой программы необратимость времени может рассматриваться как неотъемлемое свойство субъективности, привносимое человеком в процесс изучения и освоения времени, а также как развитие нестандартных свойств времени, представление о которых было сформулировано в неклассической науке и неклассической рациональности, – проблема измерения и принцип дополнительности в квантовой механике, а также антропный принцип в космологии. Культурологическая программа хорошо вписывается в концепции постнеклассической науки и постнеклассической рациональности, а также в формирование общества, основанного на инновационных технологиях. Она помогает человеку справляться с необратимостью времени, ибо, как писал Рассел: «И в мышлении, и в чувствах осознать незначительность времени, даже если бы оно было реальным, означает войти во врата мудрости» [5].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Молчанов Ю.Б. Развитие и время // Материалистическая диалектика как общая теория развития. – М.: Наука, 1982. – С. 229.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 18. – С. 181.
3. Рассел Б. Мистицизм и логика // Почему я не христианин. – М., 1987. – С. 51-52.
4. Антология мировой философии. – М., 1969. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 294-295.
5. Рассел Б. Мистицизм и логика // Почему я не христианин. – М., 1987. – С. 52.

ПРОГРАММА ПОСТИЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ. МЕТОДОЛОГИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ*

Аннотация. На определенных стадиях развития человеческого общества человеческая познавательная деятельность стала оформляться в виде программ. Такие программы появлялись в области познания, однако цель имели практическую. Появление их по времени хорошо увязывается с появлением философии. Каждая из первых философских онтологий и была такой программой онтологического типа. Программа – это совокупность теоретических, методологических и практических установок, направленных на достижение некоторой четко оговоренной цели. В зависимости от сферы применения программа может быть мировоззренческая, методологическая, гносеологическая, эпистемологическая и практическая. Большинство программ, сформированных в области философии, представляют собой мировоззренческие, гносеологические и эпистемологические программы. Большой интерес представляет вопрос о соотношении альтернативных программ и о причинах приоритета той или иной программы.

Ключевые слова: методология, онтология, познавательная деятельность, феномен времени, эпистемологическая программа.

O. Malyukova

THE PROGRAM OF COMPREHENSION OF TIME. METHODOLOGY OF
EPISTEMOLOGICAL PROGRAMS

Abstract. At enough developed stages of development of a human society human informative activity began to be made out in the form of programs. Such programs appeared in the field of knowledge, however the purpose had the practical. Their occurrence on time well co-ordinates with the advent of philosophy. Each of the first philosophical ontologies also was such program of ontologic type. The program is a set of the theoretical, methodological and practical installations directed on achievement of some accurately stipulated purpose. Depending on sphere of application the program can be world outlook, methodological, gnoseological, epistemological and practical. The majority of the programs generated in the field of philosophy, represent world outlook, gnoseological and epistemological programs. The great interest represents a question on a parity of alternative programs and on the reasons of a priority of this or that program.

Key words: methodology, ontology, cognitive activity, phenomenon of time, epistemological program.

На определенных стадиях развития человеческого общества, в период античности, когда стали формироваться такие личностные особенности, как самосознание и способности к правильному рассуждению, человеческая познавательная деятельность стала оформляться в виде программ. Такие программы появлялись в области познания, однако цель имели практическую. Появление их по времени хорошо увязывается с появлением философии. Собственно говоря, каждая из первых философских онтологий и была такой программой онтологического типа. Поэтому и авторы таких программ хорошо известны.

* © Малюкова О.В.

Можно предложить следующее определение программы: программа – это совокупность теоретических, методологических и практических установок, направленных на достижение некоторой четко оговоренной цели. В зависимости от сферы применения программа может быть мировоззренческая, методологическая, гносеологическая, эпистемологическая и практическая. Большинство программ, сформированных в области философии, представляют собой мировоззренческие, гносеологические и эпистемологические программы. В зависимости от успеха в достижении цели, все программы можно разделить на удачные и неудачные, законченные и незаконченные. Именно незаконченные программы представляют особый интерес для исследования: к ним относятся программы, не достигшие своей первоначальной цели, но достигшие иного значимого положительного или отрицательного познавательного результата, в результате чего они существенно повлияли на создание иных программ или вошли в их состав.

В историческом плане можно утверждать, что ни одна программа никогда не оказывается полностью удачной или неудачной, а также никогда полностью себя не исчерпывает и не завершается. Такова принципиальная особенность человеческого целеполагания. В качестве наиболее известных примеров мировоззренческих программ можно привести философские системы всех античных философов, за исключением тех, кто не ставил себе такой цели. К первым относятся все представители милетской школы и Гераклит, элеаты и пифагорейцы, представители античного атомизма и, конечно, Платон и Аристотель. Ко второй группе можно отнести софистов и Сократа, представителей сократических школ, создателей систем эллинистической философии – стоиков и скептиков, – никто из них не ставил своей целью создание собственной системы онтологии.

Программы мировоззренчески практического типа появлялись на всем протяжении человеческой истории. К числу самых примечательных программ можно отнести марксистско-ленинскую философию и философию фрейдизма. Обе эти программы всерьез внедрялись в общественную практику, обе оказались неуспешными в своей основной области, обе продолжают существенно влиять на положение дел в соответствующей сфере и смущать умы. В качестве убедительного примера можно привести программу построения коммунизма в одной, отдельно взятой стране. Хорошо известно, что она основывается на материалистическом понимании истории или теории исторического материализма, которая была сформулирована Марксом и Энгельсом [4] и существенно дополнена Лениным. Основным тезисом этой теории является положение о соотношении общественного бытия и общественного сознания. Они соотносятся следующим образом: общественное бытие определяет общественное сознание, а общественное сознание отражает общественное бытие, обладая по отношению к нему определенной самостоятельностью. На первый взгляд, в этом соотношении отсутствует формально-логическое противоречие.

Однако в ходе раскрытия степени «определенной самостоятельности», которая формулируется очень подробно и на большом количестве теоретических примеров, это «отсутствующее» противоречие появляется в чистом виде. Теория оказывается противоречивой на уровне общих постулатов. Как известно, аналогичная ситуация существует в математической теории множеств и при соблюдении некоторых условий не приводит к катастрофическим последствиям. В теории исторического материализма дело обстоит другим образом.

Впервые выявленное противоречие дублируется на более конкретных уровнях рассмотрения. В частности, это касается соотношения базиса и надстройки, понятий, которые непосредственно связаны с государственным строительством. Базис определяет надстройку, но надстройка обладает определенной самостоятельностью по отношению к нему. Степень этой самостоятельности такова, что можно говорить о полной самостоятельности. В результате перед нами системно противоречивая теория, из положений которой, как известно, следует все что угодно в теоретическом плане или все что угодно может быть построено в плане практическом. На этом противоречивом теоретическом фундаменте осуществлялась программа построения социализма в СССР. В 1991 г. был констатирован практический крах этой программы. Страна перешла на программу построения социального общества и государства. Эта программа представляет собой некоторое ослабление исходных принципов марксистско-ленинской теории общества с сохранением базового противоречия исходной теории. С этим, скорее всего, и связаны слабые успехи нашей страны в реализации программы построения социального общества. В любом случае, исходная программа продолжает существовать и действовать в переформулированном виде, оказывая существенное влияние на судьбы и поведение людей. Коммунистический идеал, будучи целью базовой программы, оказался тем ориентиром, который преодолевается с большим трудом. Западное общество, где реализуется аналогичная программа построения социального общества, никогда не ставило себе подобной цели, вследствие чего программа оказалась более успешной.

Однако для нас особый интерес представляют гносеологические и эпистемологические программы. Первой программой этого типа стала программа Зенона Элейского. Его программа теоретического доказательства невозможности описания движения является примером успешного достижения цели в рамках самой программы. Сами доказательства Зенона так никогда и не были опровергнуты. Другое дело, что его доказательства не обосновали невозможность самого движения, но такой цели он и не ставил. Апории Зенона стимулировали развитие физики в аспекте изучения механического движения, что, собственно говоря, и является основной задачей этой науки.

В качестве следующей программы гносеологического типа выступает программа изучения понятия истины, начатая софистическими течениями, продолженная Платоном и завершенная в творчестве Аристотеля путем создания силлогистики, как первой системы формальной логики. Именно в ходе реализации “истинности” программы было установлено, что применение понятия истины ведет к появлению парадоксов, что особую сложность в изучении истины представляет собой свойство её самоприменимости.

В качестве последней мощной гносеологической программы античности выступила программа Платона, имеющая целью построение жестко иерархической структуры понятий в мире идей. Несмотря на очевидный крах этой установки, очевидный даже для самого Платона, сама программа стимулировала создание и развитие логики понятий, легла в основу многих философских систем, в том числе неоплатонизма и августицизма. Эта программа является частью даже современного мировоззренческого пространства.

Становящееся естествознание генерировало собственные познавательные программы. Первой естественнонаучной программой стала физическая программа. Ее цель состояла и состоит в изучении материальной структуры мира и построении на этом основании физической картины мира. Основным конк-

рентным предметом изучения физики является движение материальных объектов, в первую очередь, механическое движение. В целом, физика на каждом этапе своего существования успешно решала и решает свои основные задачи, связанные со строением вещества и движением. Эта тематика подробно рассмотрена целым комплексом соответствующей литературы. Однако в программе развития физического знания иногда явно, а чаще неявно входит целый ряд неосновных, производных, дополнительных, вспомогательных, инструментальных и других программ.

Одной из таких программ является физическая программа постижения времени. Физика стала первой научной дисциплиной, всерьез обратившей внимание на время. Это связано с особым статусом времени для человеческого бытия. Собственно, человеческое существование протекает на пространственно-временном фоне. Поэтому, параллельно с процессом антропосоциогенеза, естественным образом реализуется мифологическая программа освоения времени и программа создания обыденных представлений о нем. Обе эти программы хорошо прослеживаются в общественном сознании до настоящего времени, именно они представляют собой проблемное поле для научного изучения времени, именно на их основе создано представление о реальном времени и его необратимости, которое принципиально для человеческого существования.

Представление о реальном времени является тем объектом, из которого появляется собственно научная проблематика, с этим же представлением о времени сравниваются результаты научных исследований этого феномена. Физика не могла пройти мимо такого явления, тем более, что основной предмет становящейся физики – механическое движение – изучается с помощью пространственно-временных параметров. Однако, сам статус программы постижения времени для физики – дополнительный, вспомогательный или более общего уровня, не основной. Определение этого уровня может представлять собой тему отдельного серьёзного исследования. Только одно обстоятельство не подлежит сомнению: достижения физики в изучении природы времени оказались очень скромными, иными словами, физика не справилась с постижением природы времени.

Причинами этой неудачи являются следующие факторы: 1) изучение времени приводит к появлению парадоксов; 2) не совсем ясно, что за объект скрывается под этим именем; 3) к изучению времени хорошо применима теорема Геделя о невозможности изучения объекта, средствами, существенно связанными с самим объектом; 4) время есть комплексное образование, которое не может быть изучено средствами одной науки, это философский объект изучения.

В результате этого, достижения физики в изучении времени не очень далеко ушли от классического определения Аристотеля о том, что «время есть число движения», и его понимания времени [2]. Физика успешно формализовала естественные геометрические свойства времени, следствием чего стала утрата физическим временем свойства необратимости. В ходе создания и развития основных физических теорий, среди которых необходимо назвать классическую механику, специальную и общую теорию относительности, квантовую механику, стандартную теорию электрослабых взаимодействий, теорию Большого взрыва, были получены принципиальные результаты, которые способствовали созданию физических представлений о природе времени. Однако, необратимость времени стала для физики эмпирическим фактом и послужила при-

чиной создания так называемых «стрел времени». Представление о «стрелах времени» связано с появлением в физическом знании XIX века иных объектов, кроме движения и иных областей знания – классической электродинамики, классической термодинамики, релятивистской космологии и т.д. И все-таки реальная необратимость времени так и не стала предметом изучения физической науки, что резко снизило ее достижения в изучении времени в восприятии общества.

Проблемы физической программы изучения времени стали причиной появления альтернативных программ. К их числу относятся временные программы Августина [1], Канта, Бергсона [3], Мак-Таггарта [5]. Они фиксируют свое внимание на тех свойствах времени, которыми не занимается физика, а именно на становлении и психическом переживании событий во времени, на выделенном статусе настоящего времени. Серьезным фактором изучения времени стало появление логической программы его изучения и временной логики. Временная логика является одной из разновидностью модальной логики и в качестве интерпретации использует семантику «возможных миров», которая сама возникла на фоне изучения времени.

Программы изучения времени стали появляться и в других естественно-научных дисциплинах – имеются в виду биология и геология. Здесь необратимость времени приобрела фундаментальный статус, однако не получила необходимого обоснования. Кроме того, и биологическое, и геологическое время в теоретическом плане базировались на концепции Энгельса о формах движения материи, научный статус которой является спорным. Основное различие между физическим, химическим, биологическим и иным временем лежит в области применения различных «шкал времени», т.е. в области измерения, а с этой задачей программа физического изучения времени успешно справилась.

В качестве обоснования фундаментального статуса необратимости времени в середине XX века выступил один из разделов теоретической химии. Возникла новая наука, синергетика, имеющая в рамках химии фундаментальное значение. Неравновесная термодинамика Пригожина, имеющая хорошее математическое обоснование, легла в основу тезиса о необратимости времени на примере конкретных изучаемых и моделируемых процессов. Дальнейшее бурное развитие синергетики, к сожалению, лишено строгой математической базы. Ее выход за пределы химии, создание социальной синергетики пока не стало предметом методологического анализа, однако у социальной синергетики наблюдаются серьезные претензии на то, чтобы стать третьей после марксизма и фрейдизма нефальсифицируемой дисциплиной. Другой естественнонаучной дисциплиной, существенным элементом которой является необратимость времени, стала экология. Можно сформулировать представление об экологической стреле времени. Экология как научная дисциплина представляет собой удачный синтез знаний о природной и социальной действительности. Однако статус экологии как науки до сих пор не является однозначным. Повсеместно наблюдается трансформация социальной экологии и ее проблематики в новую дисциплину - глобалистику, естественнонаучный статус которой либо не просматривается, либо является вторичным и производным.

Самая удачная программа постижения времени на сегодняшний день есть программа, связанная с человеческой культурой. Определение это не совсем корректное, поэтому данную программу легче представить в виде примеров. Это, как минимум, четыре сферы человеческой культуры, которые образуют

своеобразные пространственно-временные острова, локусы; их время, необратимое, по сути, имеет свою специфику, выраженную в разнообразных попытках преодоления этой фатальной необратимости. В качестве таких “миров” выступают следующие культурные образования:

1. Мир жреческий, церковный, религиозный во всем его многообразии. В различных религиозных культах сформированы самые необычные представления о времени. В качестве примера уместнее всего взять пространственно-временные представления христианства. Во-первых, именно христианская религия впервые представила время в виде временной оси, однородной в математическом смысле и неоднородной в силу религиозной конкретики. Во-вторых, индивидуальное существование человека в христианстве считается бесконечным, ибо за краткой земной жизнью следует жизнь вечная. Качество вечной жизни существенно связано с личными заслугами человека. Смерть представляет собой переход из одного состояния в другое. В-третьих, качество загробной жизни каждого человека существенно связано с деятельностью Церкви, именно поэтому Церковь и ее служители занимают особое место в земном мире.

2. Мир воинский появляется примерно в то же время, что и мир жреческий. Однажды возникнув, он сопровождает человеческую историю на всем ее существовании. Как и жреческий мир, он не является самодостаточным и существует за счет обычного мира. В отличие от жреческого мира, воинский мир не обещает вечной жизни, но статус его в любом обществе крайне высок, что далеко не всегда связано с воинскими успехами. В этом мире действует своя шкала времени, связанная с присвоением воинских званий и зачетом одного года службы за два и т.д. Человек, закончивший военную карьеру, возвращается в повседневный мир в достаточно молодом возрасте и получает возможность прожить в нем «вторую» жизнь, которая часто оказывается удачнее жизни воинской, благодаря отсутствию в ней воинского образа жизни. Оба мира, жреческий и воинский, реально существуют и обладают аналогичными чертами, к которым относится производность их хозяйственной деятельности и отсутствие проблем, связанных с институтом семьи.

3. Мир художественного творчества имеет возможность воплотить в наглядной и образной форме самые диковинные и фантастические представления о времени. Машины времени, путешествия во времени, изменения будущего путешественниками во времени представляют собой сюжеты многих художественных произведений. Хотя, как это ни странно, количество таких произведений очень невелико, как если бы тема путешествия во времени представляла собой некое табу, запрет. С другой стороны, именно тема будущего, воплощенная в художественном творчестве, служит источником для деятельности человека в настоящем времени. Кроме того, мир художественного творчества, представленный в новых информационных технологиях, дает возможность наглядного изображения мира прошлых событий, делая его практически реальным.

4. Мир Интернета и виртуальности представляет собой развитие мира художественного творчества, давая ему новые невиданные ранее возможности. В качестве самодостаточного явления мир Интернета есть часть создающегося ныне информационного общества, существенной чертой которого является решение пространственных и временных проблем человечества в общении и коммуникациях. Мир Интернета съедает пространство и удлиняет индивидуальное время личности.

На сегодняшний день именно эта программа наиболее полно отвечает проблемам, связанным с человеческим существованием в целом. Ее можно обозначить как культурологическую, эта программа хорошо вписывается в концепции постнеклассической науки и постнеклассической рациональности. В этом случае, необратимость времени может рассматриваться как неотъемлемое свойство субъективности, привносимое человеком в процесс изучения и освоения времени, а также как развитие нестандартных свойств времени, представление о которых было сформулировано в неклассической науке и неклассической рациональности – проблема измерения и принцип дополнительности в квантовой механике и антропный принцип в космологии.

Методология эпистемологических программ представляет собой новый способ изучения сущности времени. В методологическом плане представляется необходимым его соотношение с другими методами изучения науки, в частности, с такими методами исторической школы, как парадигма и научно-исследовательская программа. Методология эпистемологических программ классифицирует науку и научную деятельность по иным основаниям. В результате этого подхода оказывается, что сама историческая школа изучения науки представляет собой пример не совсем удачной и незаконченной программы. Неудачность программы исторической школы связана, в первую очередь, с тем, что в ходе её эволюции наука оказалась такой же формой общественного сознания, как религия и церковь.

Следовательно, наука утратила свою специфику, на основании которой она была выделена, существует и выполняет особые функции в нашем мире. Сама методология эпистемологических программ нуждается в дальнейшем терминологическом развитии, однако она оказалась крайне удачной для концептуализации такого многопланового объекта, каким является время. Большое количество сформировавшихся теорий и концепций времени при помощи понятия эпистемологической программы можно существенно сократить и представить процесс изучения времени как результат научного поиска и взаимодействия двух или трех теоретических подходов. На эту роль в настоящее время претендуют физическая программа изучения времени и альтернативная ей культурологическая программа, дополненная экологической и синергетической проблематикой.

Большой интерес в этой связи представляет вопрос о соотношении альтернативных программ и о причинах приоритета той или иной программы. С этой целью имеет смысл рассмотреть некоторые технологические программы, например, программу авиационного строительства. На протяжении многих веков человечество мечтало о полетах, что хорошо отражено в античном мифе об Икаре. В рамках программы моделирования естественного полета птиц предпринимались множественные попытки создания аппаратов, имитирующих крыло птицы. Как известно, они закончились крахом: человек так и не полетел с помощью птичьего крыла, результате планер был снабжен мотором, началась эра авиации. Однако до конца 30-х годов XX века серьезно конкурировали две технологические программы – строительство самолетов и строительство дирижаблей. Обе они были достаточно равнозначны, имели свои преимущества и недостатки. На тот момент победила авиастроительная программа, причины этой победы до сих пор тщательно не проанализированы.

В наше время основной причиной победы той или иной технологической программы является финансирование. Именно в этих условиях в нашей стра-

не происходит развитие программы, связанной с нанотехнологиями. Именно финансирование стало существенным фактором успеха всех программ, связанных с информатизацией и информационными технологиями. А вот космическая программа, напротив, оказалась существенно свернутой. Новая, постнеклассическая рациональность и современные, постнеклассические науки снова поставили человека в центр своей деятельности, причем не в теоретическом, а в практическом плане. Программа освоения дальнего космоса свернута во многом потому, что она в практическом плане мало чем полезна человеку. На первый план выходят иные цели и программы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Августин. Исповедь. – М.: Паолине, 2008. – 464 с.
2. Аристотель. Физика. Соч. Т.3. - М.: Мысль, 1981 (Физика, 16, IV, 10, 218а). – 613 с.
3. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 464 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.13, с.8.
5. Никоненко С.В. Современная западная философия. – СПб., 2007. – 433 с.

РАЗДЕЛ II. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 342.7:341

Баринова Н.Г.

ВЛИЯНИЕ ЭТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА *

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния этических установок современного общества на формирование концепции прав человека в глобальном правовом пространстве. В результате взаимовлияния и взаимообогащения международной нормативной системы и социокультурных особенностей отдельных регионов, права человека как важнейший критерий «человеческого измерения» противоречивых процессов современного мира, с одной стороны, определяют собственное многовекторное развитие, а с другой стороны - намекают ориентиры развития права вообще.

Ключевые слова: культурные традиции, глобализация, этика, международное право, права человека.

N. Barinova

INFLUENCE OF ETHICS ON INTERNATIONAL LAW CONCEPTUALIZATION OF HUMAN RIGHTS

Abstract. The article analyses the influence of modern society ethics on conceptualization of human rights conception in international law. As a result of interaction and mutual influence of international legal system and sociocultural features of different regions, human rights being the major measure of human dimension of modern world's contradictory processes, on the one hand, determines its own multiple-vector development, and, on the other hand, shapes the direction of law evolution.

Key words: cultural traditions, globalization, ethics, human rights, international law.

Глобализация всех сфер жизни мирового сообщества, взаимодействие и взаимовлияние культур не могло не затронуть такой важнейший элемент современной социальной системы, как право. Распространение институтов права и правовой культуры, их выход за пределы отдельного государства, международное взаимодействие национальных правовых систем - глобальное социально-культурное явление, которое с необходимостью вытекает из современной динамики общественного взаимодействия. «Жизнь народов, - писал Р.Иеринг, - не есть изолированное стояние друг подле друга; но - как жизнь отдельных личностей в государстве - есть общение, система взаимных соприкосновений

* © Баринова Н.Г.

и влияний – дружественных и враждебных, отдача и присвоение, заимствование и сообщение, короче – громадный обмен, охватывающий все стороны человеческого бытия» [Иеринг Р., 1875, 4-5].

Универсалистские притязания современного права находят свое выражение не только в распространении правовых норм и институтов в сфере международных торгово-рыночных отношений, но и в создании международной правовой системы, призванной объединить мировое сообщество в созданный на длительный срок альянс, «постоянный конгресс государств» (И.Кант), установить общепризнанные социокультурные, моральные, правовые стандарты, которые способны организовать социальное взаимодействие и общение культур на основе справедливости и равенства.

В условиях глобализации осуществляется активная многоплановая интернационализация национальных правовых систем. «Из природы договорных обязательств и из обычного права, - указывает Я.Броунли, - возникает общая обязанность государства привести внутреннее право в соответствие в обязательствами по международному праву» [Броунли Я., 1977, 71]. Обеспечение соответствия правовых систем государства согласованным моральным, правовым, культурным стандартам осуществляется на основе принципа добровольного исполнения обязательств: государства при принятии правовых положений и осуществлении суверенного права должны согласовывать их с обязательствами, принятыми в рамках глобальной правовой системы. Этим добровольным согласованием определяется приоритет гармонизации норм внутреннего права с нормами глобальной моральной и правовой систем, что неизбежно ведет к социокультурному сближению разных общественных систем.

Однако универсалистские притязания современного права не означают, что все правовые сферы подлежат универсальному регулированию в рамках общих представлений, выработанных различными культурами, нациями, цивилизациями. Национальное право каждой страны и в условиях глобализации сохраняет свои особенности, особые зоны, где превалируют специфические способы правового регулирования. В наш век они призваны соответствовать демократическим социально-политическим принципам и нормам морали, однако специфика каждой национальной правовой системы сохраняется с учетом уровня экономического развития, традиций, обычаев общества, его культуры, исторической преемственности.

Права человека, как мощный пласт человеческой культуры, как результат длительного и конфликтного общественного развития, занимают в настоящее время центральное место в моральных и правовых системах, что, в свою очередь, влечет важные последствия. Прежде всего, утверждение прав человека в качестве краеугольного камня общественного и культурного развития трансформирует ряд принципиальных характеристик права. Выдвижение и акцентирование внимания на правах и интересах отдельной личности (европейского социально-культурного процесса, начатого в Новое время) превращает право в гомоцентричную систему.

Изначально пафос прав человека был направлен на ограничение тоталитарных притязаний всякой государственности, на утверждение сознания, что люди не являются достоянием бюрократии, что заставлять человека служить государству как органу, в который входят эксперты в области общественного порядка и благосостояния, есть «политическое извращение» [Маритен Ж., 2000, 21].

Сегодня права человека как социальное явление основательно изменились, приобрели новые черты. Они вышли за пределы взаимоотношений личности только с государством, превратились в конструктивный элемент социально-правовой системы, стали общечеловеческой ценностью, признаваемой и поддерживаемой государством и правом. Права человека упорядочивают и координируют общественные связи, пытаются совместить свободу и уважение достоинства каждого члена общества с общим благом и стабильностью социальных отношений. Благодаря правам человека осуществляется модернизация общественных отношений и корректируются соответствующим образом правовые отношения.

Появление и утверждение прав человека в качестве моральных и правовых норм положило конец представлениям о них как некой идеализации возможностей человека, оторванных от реальной жизни. Положения о приоритетах прав человека демонстрируют институализированные при помощи норм и органов государства связи человека с обществом, а также ведут к смягчению противоречий между нравственными общественными ценностями и политической властью. Тем самым появление моральных и правовых норм о приоритете прав человека демонстрирует парный характер и дополнительность естественно-правовых и позитивных начал в праве, снимает крайности двух разных подходов - «незащищенность естественных прав человека вне государственного закрепления и дистанцирование позитивистского учения от нравственных, личностных, социальных ценностей» [Лукашева Е.А., 1996, 17].

Права человека являются важнейшим критерием «человеческого измерения» противоречивых социальных процессов, происходящих сегодня в мире, и служат ориентиром в оценке существующих политических режимов, гуманитарной и социальной деятельности государств, мирового и национального общественного сознания, способствуют созданию единого пространства глобальной правовой системы. Выраженные в форме этических норм и принципов, права человека претворяют в жизнь императивы добра и справедливости. Как этическая конструкция, права человека, с одной стороны, провозглашают моральный стандарт поведения, т.е. предполагают установление общественных отношений, основанных на взаимопомощи, толерантности, долге, ответственности и т.д., с другой, - они ориентируют внутреннее самоопределение личности, воспитывают духовность и гражданственность (И.Кант, «Каким надо быть, чтобы быть человеком?») [Кант И., 1964, 206].

В «век подорванного доверия» [Фукуяма Ф., 2003, 13] и негативных социальных тенденций права человека пытаются заново переистолковать и насытить новым содержанием важнейшие ценности эпохи Просвещения, такие как демократия, гуманизм, справедливость, равенство. Права человека называют сегодня «современной гражданской религией» [Хеффе О., 1994, 248], желая подчеркнуть веру и надежду людей при помощи этой земной, лишенной святости идеи решать свои практические многочисленные и постоянно возникающие проблемы.

В настоящий момент в социально-правовых системах идет активный процесс международного заимствования норм, механизмов и процедур, нарастают процессы правового синтеза. В условиях глобализации возрастает скорость распространения общих стандартов прав человека, интенсивнее начинают действовать законы правовой аккультурации, становится очевидным, что правовое развитие сферы прав отдельного государства подчиняется законам пра-

вового движения в глобальном масштабе. В то же время процесс глобализации и универсализации в области прав человека происходил и сегодня происходит отнюдь не безболезненно. В своем развитии он сталкивается с противодействием и сопротивлением, прежде всего, в силу различной моральной, религиозной и культурной ориентации народов разных цивилизаций и регионов.

Социально-культурное и правовое развитие в области прав человека идет в нескольких направлениях. С одной стороны, получает развитие линия унификации и гармонизации, т.е. происходит процесс некоторого обобщения и упрощения, формирования каталога всеобщих прав, отражающих общий опыт и общее социально-культурное наследие народов, фиксирующих общечеловеческие вневременные ценности. Увеличение общих черт, усиление сходства в нормах о правах, а также механизмов и процессов их обеспечения и защиты, ориентиры на международно-правовые принципы сближает национальные правовые системы, формирует унифицированное моральное и правовое пространство.

Параллельной линией развития прав человека является усложнение и увеличение многообразия их форм: формируются национальные и региональные модели правовых систем, которые отражают социально-правовую поликультурность мира.

Становление национальных и региональных моделей во многом стало реакцией на политику евроамериканского центризма, результатом стремления к сохранению своей национальной, социально-культурной самобытности. Принудительный импорт права из метрополий не раз подвергался критике со стороны политических деятелей бывших колоний. Рассуждая о том, что интернационализация права происходила под решающим влиянием западных держав без должного уважения к особенностям национальных правовых систем, руководитель Сомали М. Сиада Баре писал: «По большей части мы импортировали законы, которые не вытекают из нашей культуры, наших ценностей и нашего процесса. Такие законы, справедливо говоря, никогда не смогут соответствовать менталитету и социальной структуре нашего народа, независимо от того, насколько совершенными или общепризнанными они могут быть. Также является фактом, что наши занятые в правовой сфере чиновники и судьи получили образование в иностранных государствах и находятся под влиянием чуждой культуры, что затрудняет им осуществление правосудия должным образом при решении существующих проблем страны. Чтобы найти решение этой острой проблемы, нам следует прежде всего осознать ее значение. Коль скоро мы осознаем это, нам следует немедленно принимать законы, которые будут соответствовать нашей религии, обычаям и нашему образу мыслей» [Siad Barre M., 1973, 103].

Общества, культуры могут заимствовать друг у друга правовые нормы, институты, отрасли права, но не правовую систему целиком. А.Милн указывает, что преамбула Всеобщей декларации прав человека, призывающая все страны встать на путь либерально-демократического развития к индустриальному обществу, «как раз нарушает права незападных стран выбрать свой, особенный путь развития, отвечающий их историческим и культурным стандартам» [Miln A., 1986, 105]. Общество невозможно усовершенствовать извне, путем навязывания или накладки чужой модели, если при этом не будет существовать обратной связи. Любые социально-культурные нововведения в общественной жизни, в том числе принятие прав человека, должны исходить из внутренних потребностей современного общества, опирающегося в своем развитии, помимо прочего, и на свои вековые устои, традиции. Уникальное действие среды,

генерального стереотипа существования социума, культурно-исторического наследия, традиционного статус-кво индивида неизбежно накладывают отпечаток на привнесенные извне правовые элементы. В результате, включаясь в иную моральную и правовую систему, нормы права обретают национальную специфику. В результате можно говорить о таком явлении, как относительная самостоятельность правовых систем.

Форсирование западными странами процессов восприятия и заимствования международно-правовых норм о правах человека всеми странами и регионами мира вызывает со стороны незападных стран ответную реакцию: западный образ прав человека подвергается сомнению, возрастает стремление к культурному и национальному самоутверждению, вырисовываются контуры и самоопределяются социокультурные модели прав человека. В результате, если в начале XX века международное право было «...западным международным правом, основанным на традициях Г.Гроция», а международная система состояла из «...утвержденной Вестфальским миром системы суверенных, но «цивилизованных» национальных государств и контролируемых ими колоний», то конец XX и начало XXI веков ознаменовались эрой Востока: «...эра «экспансии Запада» кончилась и начался «бунт против Запада»...Некоторые общества далеки от того, чтобы быть простыми объектами истории западного типа, все больше превращались в мотор и творца как собственной, так и западной истории» [Хантингтон С., 1998, 514]. П.А.Сорокин считал, что со временем вместо разлагающегося чувственного строя на Западе и устаревшего идеационального строя на Востоке появится интегральный социокультурный строй, что будет связано с перемещением центра творческого лидерства на Восток, с взаимопроникновением и смещением западных и восточных культурных ценностей, идей, институтов, образцов и нравов [Сорокин П., 1997, 98]. Отказ от культурного эгоизма, нахождение компромиссов и договоренностей, совместного решения трудностей на основе альтернативного потенциала западных и восточных правовых традиций - задача нового проекта прав человека.

Права человека сегодня находятся на этапе трансформаций, под напором глобализации и более тесного взаимодействия разных народов они стремятся найти более адекватное содержание. Активно складываются альтернативные западным меркам варианты, идет нарастание числа национальных и региональных моделей прав человека, которые имеют различные оттенки. С учетом всех этих изменений складывается новая универсальная модель прав человека, в которой, с одной стороны, есть общее ядро, а с другой - присутствует множество векторов развития, качественных сторон, свойств и особенностей.

Современное международное право исходит из того, что законодательное закрепление правового положения личности в любом обществе относится к внутренней компетенции государств. Национальные, социокультурно ориентированные системы прав человека, поддерживаемые мощным потенциалом суверенных государств, имеют на сегодняшний момент наибольшие шансы для претворения в жизнь. Принятие легальных норм по правам человека и создание соответствующих гарантий со стороны государственных структур являются, по сравнению с другими обеспечительными механизмами, пока самым эффективным средством для обладания индивидами (их коллективами) благами и возможностями, следующими из содержания прав. Национальные моральные и правовые нормы и принципы являются непосредственным регулятором поведения в сфере прав человека. Именно в них перечислены возмож-

ные действия (бездействие), прописаны способы, условия, порядок и т.п. их выполнения; благодаря им физические и юридические лица могут требовать от властей фактического обеспечения прав и привлечения к ответственности субъектов, нарушающих их права. Европейский Суд по правам человека в своих решениях неоднократно отмечал, что система защиты, учрежденная Европейской конвенцией, «признает первоначальную юрисдикцию и обязанность государства эффективно защищать своими внутренними правовыми средствами основные права и свободы»; по отношению к национальным системам «европейская система является субсидиарной»^{*}.

В то же время, широкое привлечение неправительственных, общественных организаций для решения вопросов прав человека на международном уровне, наделение надгосударственных органов и лиц правом принимать решения от имени международного сообщества - свидетельство приобретения институтом прав человека новых, интернациональных качеств. Особым образом был поставлен вопрос о реальности прав, поскольку теперь появился новый мощный механизм, с помощью которого можно публично и активно решать проблемы притеснения граждан национальными государствами. Интернационализация укрепила механизмы защиты прав, сместила акцент публичного мирового обсуждения и принятия решений с вопроса их признания в сторону вопроса их обеспечения.

Наличие глобальной нормативной системы, сложившейся на базе целей и принципов Устава ООН, становление современной правовой системы с приоритетом защиты прав человека как специфического комплекса, которому присущи черты национальных, региональных и универсальной систем, является неотъемлемой чертой современного общества начала XXI века. О глобализации национальных правовых систем свидетельствуют приобретенные ими в современности новые качества: открытость системы, нарастание общности содержания в мировом масштабе, взаимозависимость и взаимосвязанность с другими локальными социально-культурными системами.

Международные нормы прав человека отличаются высокой степенью пластичности, податливостью дефиниций, вот почему их чаще всего называют стандартами^{**}, «резиновыми параграфами» или «эластичными концептами» [Roubier R., 1951, 13]. Это и понятно, поскольку нормы подобных конструкций позволяют охватить различные правовые ситуации, отличающиеся ценностным, историческим и социокультурным своеобразием, и предложить применительно к каждой из них надлежащую трактовку. Они оставляют «за национальным законодателем право уточнять и детализировать положения, вписывая их в уже существующую систему национального права» [Бахин С., 1998, 6], открывают возможности для государств, участвующих в одних и тех же международных соглашениях, максимально учитывать специфику собственного социально-правового бытия, создавать формальные институциональные конструкции для прав человека, отвечающие национальным условиям.

^{*} См. дело Хэндисайд против Соединенного Королевства от 7 декабря 1976 г. (п. 48), дело Летелье против Франции от 26 июня 1991 г. (п. 35) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. - Т. 2. - С. 235.

^{**} Слово «стандарт», которое с 1990 г. появляется в документах ОБСЕ, используется в связи с идеей не создавать новых положений международного права, но просто выделить и сгруппировать нормы и принципы, лежащие в основе существующих положений международного права // Review of the International Committee of the Red Cross. December. 2000, Vol. 82. No. 840. - P. 531.

Под влиянием международных норм внутреннее право государств трансформируется в направлении всеобщей унификации (важной для сферы прав человека), что позволяет избежать противоречий в оценках прав на разных уровнях человеческого измерения (универсальном, региональном или национальном).

Все это ставит вопрос о переосмыслении дальнейших ориентиров социально-культурного развития права, его задач и целей, форм и институтов. Французский ученый-юрист Н.Рулан совершенно справедливо полагает, что общее развитие права должно двигаться в направлении его «более тесной связи с моралью, быть менее императивными, более гибким и менее объемным» [Rouland N., 1991, 29]. От регулирования посредством миллионов частных и узких норм следует перейти к регулированию посредством более общих, но в четких границах норм-принципов (один из них - уважение прав человека). Эти нормы-принципы должны быть взаимообусловлены с другими социальными регуляторами, прежде всего, моралью и социокультурными традициями, а также с общечеловеческими ценностями. Акцент и усилия с экстенсивных форм законодательства (нормотворчества) необходимо перенести в область правового образования и формирования правовой и гражданской культуры, культуры прав человека с тем, чтобы каждый был способен к самоуправлению в системе организованной социальности. Право и правовая система в целом должны обладать интегративными качествами гуманитарности (т.е. включать права человека) и социальности (т.е. увязывать права человека с правами различных сообществ и государства в целом).

Права человека лежат в основе гуманистического правопонимания, служат базисом современных моральных и правовых систем, во многом являются общепризнанным центром сближения и диалога разных культур. Права человека трансформируют право властей в право людей, благодаря им решается проблема достижения в легальных нормах баланса индивидуальных и общественных потребностей, они ориентируют правотворческий процесс и право-реализацию. Права человека сдерживают прагматизацию права и правовых отношений, поскольку внедряют нравственно-духовные начала. Это позволяет обеспечить более тесную связь права и морали, приостановить набирающую обороты тенденцию силового и предельно формализованного развития правовой системы. Пробелы в праве и неопределенности норм преодолеваются благодаря непосредственному действию идеи прав человека как правового принципа. Это оказывается возможным посредством обращения к шкале тех этических и социально-культурных ценностей, которые практически управляют обществом в конкретный исторический период. основополагающей моральной и правовой ценностью современного периода является человеческое достоинство, оно и обосновывает содержание всех норм о правах человека. Суды, толкуя нормы о правах человека, не только применяют «букву» закона, то есть обращаются к праву, но и выступают интерпретаторами «духа» закона, то есть морали, проводя в жизнь главный смысл, заложенный в них - удовлетворение насущных потребностей личности в гармонии с культурными, общественными и государственными интересами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахин С. Всеобщая декларация 1948 г.: от каталога прав человека к унификации правового статуса личности // Правоведение. - СПб., 1998.
2. Броунли Я. Международное право. Кн. 1-2. - М., 1977.

3. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. - СПб., 1875. - Ч.1.
4. Кант И. Соч. в 6т. Т.2. — М., 1964.
5. Маритен Ж. Человек и государство. Пер с англ. - М., 2000.
6. Общая теория прав человека / Отв. ред. Е.А.Лукашева. - М., 1996.
7. Сорокин. П. Главные тенденции нашего времени. - М., 1997.
8. Фукуяма Ф. Великий разрыв. Пер. с англ. - М., 2003.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост. Б.С.Ерасов. - М. 1998.
10. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. Пер. с нем. - М., 1994.
11. Milne A.J.M. Human Rights and Human Diversity: An essay in the philosophy of human rights. Basing-stoke. - London. Macmillan, 1986.
12. Roubier R. Theorie Generale du droit. - Paris, 1951.
13. Rouland N. Aux confines du droit. - Paris, 1991.
14. Siad Barre M. My Country and My People. Vol. III. - Mogadshu, 1973.

ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО СУБЪЕКТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

Аннотация. Проблема идентичности всегда была насущной для общества, поскольку во все времена люди идентифицировали себя тем или иным образом. Одним из исследователей, кто занимался проблемой идентичности, был З. Фрейд, основатель психоанализа. Другие исследователи высказывают различные мнения по этому поводу. Автор статьи делает вывод, что идентичность личности – это сложное и меняющееся явление, которое в современных условиях определяется многими факторами, в том числе языком, социальным статусом и т.д.

Ключевые слова: идентификация, идентичность, психоанализ, «спутанная идентичность», подлинная самоидентичность, культурный образец, потеря корней, чужак, принимать чьи-либо ценности.

Y. Kuznetsova

IDENTITY OF MODERN SUBJECT: STATEMENT OF QUESTION

Abstract. The problem of identity has been always essential for our society. Every person identifies himself in some way. Z. Fried founded one of the approaches to the problem of identification – psychoanalysis. Other explorers investigate this problem from different positions. The author of the article comes to the conclusion that personal identity is a very difficult and changing phenomenon nowadays. It's evident that we have deal with confusion of identity which is determined by language, social status and many other factors.

Key words: identification, identity, psychoanalysis, confusion of identity, true self-identity, cultural pattern, loss of roots.

Проблема идентичности актуальна для общества, где есть персона, агент социального действия. Человек – сложный субъект, как сложно все общество, он разнообразен в своих проявлениях, ему присущи многие способы самовыражения и активности. Меняется общество, меняется и человек. Обратимся к одному из основных подходов к проблеме идентификации – психоанализу З. Фрейда.

В психоанализе З.Фрейда идентификация понимается как бессознательный процесс отождествления субъекта с другими людьми либо с каким-либо литературным, воображаемым, вымышленным образом. [2] В самый ранний период развития личности Фрейд выделяет самую важную, с его точки зрения, идентификацию – идентификацию с отцом. Такая идентификация не является следствием или результатом привязанности к объекту, «она прямая, непосредственная и более ранняя, чем какая бы то ни было привязанность к объекту». [1] Развитие культуры и общества, безусловно, ведут к расширению спектра самоидентификации. Фрейд считает, что «Я» индивида состоит из нескольких инстанций, одна из которых «...беспрерывно наблюдает, критикует и сравнивает действительное Я и его деятельность с неким Я-идеалом, созданным в процессе своего развития». Эта инстанция (Я-идеал) имеет теснейшую

* Кузнецова Е.В.

связь с филогенетическим достоянием, архаическим наследием индивидуума. Я-идеал соответствует всем требованиям, предъявляемым к высшему началу в человеке. То, что в индивидуальной душевной жизни принадлежало глубочайшим слоям психики, становится благодаря образованию Я-идеала самым высоким в смысле наших оценок достояния человеческой души. В Я-идеале содержится некое зерно, из которого выросли все религии. Суждение о собственной недостаточности при сравнении «Я» со своим идеалом вызывает то религиозное ощущение, то чувство смиренности, на которое опирается истинно верующий. Фрейд пишет, что Я-идеал – это та же роль отца, перешедшая уже к учителям и авторитетам; «их заповеди и запреты сохраняют свою силу в Я-идеале, осуществляя в качестве совести моральную цензуру». Несогласие между требованиями совести и действиями «Я» ощущается как чувство вины или угрызения совести. Таким образом, в концепции Фрейда находится место и социальным чувствам, и идентификация в данном случае выступает как отождествление себя с другими (учителями, авторитетами), откуда проистекают противоречия, когда сталкиваются Я и Я-идеал (совесть).

Проблемой идентификации личности с точки зрения психоанализа занимались многие последователи Фрейда, но уже с других точек зрения, в чем-то соглашаясь с основателем психоанализа, в чем-то (и часто достаточно во многом) расходясь с ним во мнениях.

Так, Фромм считает, что развивается новая стадная идентичность, в которой чувство тождественности основывается на чувстве принадлежности к толпе [2]. То есть имеет место желание не отличаться от других. Подлинное чувство самоидентификации нередко подменяется имиджем, искусственно сконструированным для того, чтобы выделиться из толпы. Но это отнюдь не является подлинной идентичностью, что может привести к психическому расстройству, то есть, очевиден кризис самоидентичности. Но Фромм считает, что он вполне преодолим. Для этого человеку необходимо быть более активными в плане бытия, а не имения. Желание «быть» должно возобладать над желанием «иметь». Самоидентичность достижима, если человеку удастся справиться с отчуждением от всего внешнего мира, вызванным стремлением к материальному богатству, удастся утвердиться именно в плане бытия как творческой личности, которой свойственно не только получать и брать, но и отдавать.

Очень тесно проблемой идентичности занимался Э.Эриксон. Наиболее известна в этом плане его работа «Детство и общество». Книга посвящена проблемам возрастных кризисов, в том числе «кризису идентификации», который характерен для периода юности.

Э.Эриксон считает, что изучение идентичности очень важно на текущем отрезке времени. Далее он объясняет почему: «... мы предпринимаем это в той стране, которая пытается создать суперидентичность из всех идентичностей, привносимых населяющими ее иммигрантами; и, к тому же, делаем это в то время, когда быстро нарастающая механизация угрожает этим, в основном, аграрным и аристократическим идентичностям на их родине» [5, 168]. Таким образом, исследование идентичности становится на данный момент здесь такой же стратегической задачей, какой было исследование сексуальности для Фрейда.

Истоки идентичности Эриксон видит в динамично развивающемся телесном Я и присутствии родительского образа, когда им придаются культурные коннотации. Появляющаяся в подростковом возрасте идентичность соединяет

мостом стадии ранней взрослости, когда множество социальных ролей становятся доступными, с одной стороны, и все более принудительными – с другой. Возникающий в этом возрасте параметр связи с окружающим колеблется между положительным полюсом идентификации «Я» и отрицательным полюсом путаницы ролей. Перед подростком встает задача объединить все, что он знает о себе, как о школьнике, сыне, брате, друге и т.д. Все эти роли он должен собрать в единое целое, осмыслить его (это целое) и спроецировать на будущее. Правильная психосоциальная идентификация в данном случае зависит от успеха именно этой операции. Причем влияние родителей здесь уже косвенное, а не прямое. Неудачное детство, тяжелый быт, неправильное поведение родителей в предыдущие фазы жизни и развития ребенка способствуют тому, что подросток не в состоянии определить свое «Я», у него начинается путаница ролей. Такая путаница, как правило, чревата возникновением преступности в подростковом возрасте. В некоторых случаях молодежь стремится к негативной идентификации, то есть отождествляет свое «Я» с образом, противоположным тому, который хотели бы видеть родители, родственники и друзья. Но идентичность такого рода в юности еще не означает, что впоследствии подросток никогда не осознает своего «Я».

Свою теорию идентичности Эриксон раскрывает также на различных исторических примерах, взятых из истории США, Германии и России. Так, анализируя ситуацию с Гитлером, возникшую в Германии, Эриксон считает, что это не случайность, а закономерность, вытекающая из немецкого менталитета. Налицо полная идентификация вождя со своей нацией и полное поклонение нации своему фюреру. Таким образом, через поведение отдельной личности можно понять поведение целых народов, этнических образований, наций. И Эриксон анализирует наравне с ситуацией с Гитлером в Германии ситуацию с Максимом Горьким, возникшую в России на материале фильма-легенды.

Эриксон сравнивает судьбы и характеры Гитлера и Горького. «В некоторых знаменательных отношениях эти две легенды обладают известным сходством. Обе они показывают растущего своевольного начальника в ожесточенной борьбе с отцовской фигурой, главой рода – беспощадным тираном» [5, 170]. И Гитлер, и Горький в подростковом возрасте перенесли психическое потрясение от бессмысленности существования. Оба обрели известность в полицейских досье своих стран как «бумагомаратели». После революции в октябре 1917 года Горький стал легендарным в новой стране – стране Советов. Легенда же, созданная и развиваемая, олицетворяет традиции прошлого и идеалы прежней крестьянской жизни. Но не только!

По мнению Эриксона, моральная и национальная идентичность имеет функцию коллективного эго. На примере идентичности американцев он показывает составляющие их индивидуальной инициативы: протестантизм, индивидуализм, рациональную адаптацию к трудностям и опасностям жизни. На примере жизни Максима Горького ученый вскрывает уже совершенно иные механизмы идентификации личности, выросшей и сформировавшейся в совершенно иной культуре, нежели американская, европейская или азиатская. Таким образом, можно сделать вывод, что механизмы идентификации формируются по-разному у представителей различных групп и наций в зависимости от исторических, географических, климатических условий. Эриксон справедливо резюмирует: «Для согласования исторической и психологической методологии нам, прежде всего, нужно научиться сообща иметь дело с теми обсто-

ятельствами, что различные психологи подвластны историческим законам, а историки и исторические летописи – законам психологии» [5, 325].

Эриксон считает, что на идентичностях очень пагубно могут сказаться следующие факторы современной цивилизации: промышленная революция, глобальные коммуникационные сети, процессы стандартизации, централизации и технологизации «человеческого образа жизни». При разрушении своей подлинной идентичности, продолжает Эриксон, люди склонны искать спасение в псевдоидентичностях. Именно псевдоидентичность характерна для тоталитарных государств. Между тем, чувство идентичности должно быть основано не на страхе и тревогах, а на опыте социального здоровья и культурной солидарности, что способствует чувству гуманности. В противном случае подлинная идентичность утрачивается, целостность и полнота уступают место отчаянию и отращиванию, генеративность – стагнации, интимность – изоляции, а сама идентичность – смешению ролей. Подлинная идентификация, по мнению Эриксона, возможна только при условии сохранения целостности личности и при условии реализации этой целостности в реальности.

Идентичность, разумеется, не полностью зависит от реакции общности, но последняя существенно влияет на нее. Некоторые общности столь гетерогенны, дезорганизованы и столь бессистемно изменяются, что они могут снабдить своих членов достаточно последовательными поддержкой и признанием, необходимыми для развития их идентичности. Эриксон считает, что в современном обществе необходимо развивать новый тип характера – производящего, порождающего человека – и основывать его на новом идеологическом фундаменте. Наконец, Эриксон вводит такое понятие, как спутанность идентичности (*confusion*), которое представляет собой не что иное, как ощущение отсутствия или потери своих корней. Таким образом, исследователь вводит понятие чрезвычайно важное для всех иммигрантов. Учитывая очень мощную миграцию населения во всем мире, мы не можем не признать, что проблема «спутанной или спутанности идентичности» чрезвычайно актуальна и интересна на данном этапе общественно-цивилизационного развития.

Исследованием проблемы идентификации личности в среде иммигрантов занимается австрийский философ и социолог, последователь Э. Гуссерля, основатель социальной феноменологии А. Шюц. Этой проблеме посвящен, в частности, его очерк «Чужак» [4, 533]. Он рассматривает ситуацию, когда взрослый индивид пытается истолковать для себя культурный образец (*pattern*) новой социальной группы, к которой ему предстоит адаптироваться. Хотя Шюц оговаривается, что в подобного рода ситуации могут оказаться не только иммигранты. Претендент на вступление в члены закрытого клуба, предполагаемый жених, входящий в семью своей потенциальной невесты, городской житель, поселяющийся в деревне – это все «чужаки».

Чужак знает, что культура этой новой группы имеет свою историю, но эта история никогда не станет частью его биографии, какой была для него история его родной группы. «Могила и воспоминания невозможно ни перенести, ни завоевать», – пишет Шюц. Чужак готов разделить со своей новой группой ее настоящее и будущее, но не прошлое. «С точки зрения принимающей его группы, он – человек, у которого нет истории» [4, 556].

Шюц считает, что рано или поздно чужак начинает интерпретировать новую социокультурную среду в привычных для него категориях мышления и находит в новой группе какие-то близкие представления. Однако эти представ-

ления все равно в скором времени становятся неадекватными.

Социальное взаимодействие и живой опыт требуют более глубокого осознания чужаком паттернов (образцов) неродной культурной группы. И чужак вынужден считаться с фундаментальными расхождениями между пониманием вещей и поведением в реальных ситуациях. Только после того, как у чужака накопится определенное знание нового культурного образца, он может принимать его как собственное самовыражение, как часть своего мира. Последовательность в основании новых культурных образцов Шюц показывает на примере изучения иностранного языка, когда происходит сначала пассивное понимание, а затем идет активное употребление новых языковых конструкций в речи. В целом, можно перевести все лексические единицы с одного языка на другой или понять грамматические конструкции, если соотнести с родным языком. Но есть и другое содержание в языке, неперебиваемое на другие языки. Сюда включаются следующие особенности [4, 558]:

1) наличие так называемых «окаймлений» (У.Джемс) – иррациональных импликаций, которые можно положить на музыку и использовать в поэзии;

2) наличие множества коннотативных значений, не всегда приводимых в словаре, но значимых с точки зрения обстоятельств их употребления;

3) наличие идиом, жаргона, диалектов, понятных только тем, кто участвовал в общих прошлых переживаниях;

4) наличие всех других элементов групповой жизни, то есть различных артефактов, связанных с языком, в которых отражается история той или иной социокультурной группы.

Все вышеперечисленные тонкости доступны только членам «моя-группы», их невозможно освоить, выучить, и именно их знание, понимание, интерпретация становится определяющим фактором в определении новой идентификации. Если данный процесс пройдет успешно, эти образцы станут для человека «своими», в таком случае мы можем говорить о полной адаптации к новой группе и новой идентификации. «В таком случае чужак перестает быть чужаком» [4, 569].

Итак, мы делаем вывод, что персональная идентичность – это нечто постоянное меняющееся. Современный культурный и политический ландшафт крайне разнообразен, поэтому проблема идентификации личности требует совершенно иного прочтения и включает другие факторы, кроме языка, происхождения или профессии. Мы считаем, что на современном этапе общественно-цивилизационного развития нецелесообразно говорить о какой-либо определенной идентичности субъекта. Очевидно, что мы имеем дело со «спутанной», «смешанной» идентичностью, детерминировать которую достаточно сложно и которая отличается динамикой на протяжении всей жизни социального субъекта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.
2. Фрейд З. Толкование сновидений. – Киев: Здоровье, 1991. – 384 с.
3. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Наука, 1993. – 283 с.
4. Шюц А. Чужак // А.Шюц. Избранное: мир, священный смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 533-560.
5. Эриксон Э.Г. Детство и общество. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб.: Ленато, АСТ, Университетская книга, 1996. – 592 с.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ СИСТЕМЫ КАК ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ*

Аннотация. Необходимость исследования альтернативных ценностных систем как феномена общественной жизни продиктована ее значением по отношению к преобразованиям, протекающим не только в России, но и во всем мире. Ценностные системы выступают как одно из основных условий и как результат экономических, политических, социальных и духовных трансформаций в социуме. Они призваны конструировать наиболее эффективные условия для становления демократии, патриотизма, индивидуализма, национализма, феминизма, фундаментализма и т.п., а также формирования среды, в которой происходят изменения базовых общественных институтов и адаптация институциональных нововведений. Проявляющаяся через многообразные социальные процессы, трансформация ценностных систем зависит от глубокой и разнонаправленной модификации ценностно-нормативных структур массового сознания и моделей политического и социально-экономического поведения людей. В статье рассматривается проблема выявления альтернативных ценностных систем, которые представляют собой результаты гносеологического осмысления социальной действительности и способствуют определению сущности и содержания данного социального явления. Предлагаются различные основания по выделению альтернативных ценностных систем, дается авторское определение ценностной системы, предлагаются проводники альтернативных ценностных систем.

Ключевые слова: консьюмеризм, феминизм, неолиберализм, система, ценности, ценностные системы, противоборство ценностных систем, фундаментализм.

A. Laktionov

ALTERNATIVE VALUE SYSTEMS AS THE PHENOMENON OF PUBLIC LIFE: ESSENCE, THE CONTENT, BASIC FEATURES

Abstract. The indispensability of research of alternative valuable systems as phenomenon of a public life is dictated by its value in relation to the transformations proceeding not only in Russia but also all over the world. Valuable systems acts as one of the basic conditions and as result of economic, political, social and spiritual transformations in society. It is called up to design the most effective conditions for development of democracy, patriotism, individualism, nationalism, feminism, fundamentalism, etc. As well as formations of environment in which there are variations of base public colleges and adaptation institutional innovations. Shown through diverse social processes, transformation of valuable systems depends from deep and differently modifications of value -normative structures of mass consciousness and models of political and social and economic behavior of people. In article the problem of revealing of alternative valuable systems which represent results of gynecological judgments of the social validity is considered

* © Лактионов А.Л.

and assist definition of essence and a content of the given social phenomenon. The various bases on allocation of alternative valuable systems are offered, author's definition of valuable system is given, conductors of alternative valuable systems are offered.

Key words: consumerism, feminism, неолиберализм, system, values, valuable systems, an antagonism of valuable systems, fundamentalism.

Российское общество, вступив в третье тысячелетие, переживает сложный переходный период своей истории, который сопряжен с глубокими и всеохватывающими изменениями в основных сферах жизни. Определение и укрепление необходимых ценностных систем становится все более актуально в жизни отдельного индивида, судьбе каждой страны и народа и оказывает непосредственное влияние на будущее всего человечества. Внедрение новых информационных технологий и глобальная информатизация ускоряют социальные процессы во всех сферах человеческой деятельности, что ведет к негативным тенденциям в нравственной культуре.

Резкое снижение уровня нравственной культуры населения и социальная апатия, проникновение в общественное сознание сомнительных ценностей ведут к негативным тенденциям в социокультурных системах Российского государства [4, 35], а глобальная информатизация, тесно связанная с мировоззренческими трансформациями, в которых происходят кардинальные перемены во взглядах на устройство мира и место в нем человека, по сути, ведёт к приобретающему глобальный характер ценностному противоборству. В этой связи исследование природы ценностного противоборства, определения сущности основных ценностных систем, условий и факторов противоборства, приобретает исключительно важное теоретическое и практическое значение.

Ценностные системы можно выделить по следующим основаниям: а) *духовно-философскому*, б) *цивилизационному*, в) *национальному*.

1. Духовно-философское основание.

Консьюмеризм (англ. *consumerism* от *consumer* – потребитель) – движение граждан или государственных организаций за расширение прав потребителей и усиление их воздействия на продавцов и производителей, обеспечение качества потребительских товаров (услуг) и честной рекламы.

В современном мире потребление становится своего рода пагубной зависимостью, развивается ониомания. Для человека, страдающего такой зависимостью, товары теряют собственную значимость и становятся лишь символом причастности к некой общественной группе. Человеческое счастье ставится в зависимость от уровня потребления, потребление становится целью и смыслом жизни. Консьюмеризм эксплуатирует и поощряет страсти, эмоции, пороки, в то время как все основные религии призывают к их обузданию, ограничению.

Феминизм (от лат. *femina*, женщина) – общественно-политическое движение, целью которого является предоставление женщинам всей полноты гражданских прав.

Радикальный феминизм рассматривает в качестве определяющего фактора угнетения женщин контролируемую мужчиной капиталистическую иерархию, которая описывается как сексистская. Сторонники этого течения считают, что женщины смогут освободиться только тогда, когда избавятся от патриархальной системы, которую они считают изначально угнетательской и доминантной. Радикальные феминистки полагают, что в обществе существует

основанная на мужском начале структура власти и подчинения, и эта структура является причиной угнетения и неравенства, и пока вся эта система и ее ценности продолжают существовать, никакие значительные реформы общества невозможны [9, 416].

2. Цивилизационное основание.

Запад как систему ценностей можно охарактеризовать следующими основными чертами: индивидуализм, неолиберализм, миссионерство, либеральная демократия.

Индивидуализм - характерная особенность Запада в XX веке. Культурологический анализ также выявил преобладание индивидуализма на Западе и господство коллективизма в других культурах, из чего следует, что «ценности, наиболее важные для Запада, для всего остального мира не столь существенны» [10, 53]. Современный Запад отличается от других цивилизаций приверженностью идее свободы личности.

Неолиберализм – жесткая, фундаменталистская версия универсалистской доктрины о существовании единой для всего человечества лучшей модели жизнеустройства.

Запад – в особенности, США, которые всегда были миссионерской нацией, – убежден, что другие народы должны присягнуть на верность западным ценностям демократии, свободного рынка, ограниченной власти, отделения церкви от государства, прав человека, индивидуализма и верховенства закона и воплотить все эти принципы в своих институтах.

В настоящее время демократическое правление обычно «носит» форму западной европейской представительной демократии, получившей название «либеральная демократия».

Либеральная демократия является разновидностью представительной демократии, что вызывает критику со стороны приверженцев прямой демократии. Реальная же власть сосредоточена в руках очень небольшой группы представителей. С этой точки зрения, либеральная демократия ближе к олигархии. Только весьма состоятельные граждане могут позволить себе политические кампании и распространение своей платформы через СМИ, так что избранной может быть только элита или те, кто заключают сделки с элитой.

Такая система узаконивает неравенство и облегчает экономическую эксплуатацию. Кроме того, продолжают критики, она создаёт иллюзию справедливости, так что недовольство масс не приводит к бунтам. В то же время, «вброс» определённой информации способен вызвать прогнозируемую реакцию, что приводит к манипулированию сознанием масс со стороны финансовой олигархии.

Вводя нравственные критерии добра и зла в отношения между людьми, система ценностей служит своего рода сеткой координат, без которой любая цивилизация утрачивает свою идентичность, если не сам смысл существования.

Процесс формирования общей системы европейских ценностей прошел ряд последовательных этапов, каждый из которых оставил после себя глубокий след. Важным компонентом в формировании системы ценностей современной Европы стало право Древнего Рима. «Нередко говорят, что римское право является одним из устоев европейской цивилизации. Это действительно так», – констатирует британский историк Европы Норманн Дэвис [11, 821].

В истории европейского христианства было немало мрачных страниц

– жестокие преследования еретиков, охота на ведьм, костры инквизиции, иступление крестовых походов и кровавых религиозных войн, обскурантизм и фанатичное мракобесие. Они послужили суровыми уроками, включив в систему ценностей европейцев такое фундаментальное понятие, как *веротерпимость* (которой ныне не хватает, к сожалению, многим другим великим монотеистическим религиям).

Характерной чертой психологии западноевропейцев является индивидуализм. Под этим термином, имеется в виду отнюдь не просто равнодушие к окружающим людям, а готовность жертвовать чужими интересами ради собственных. Речь идет о чувстве собственного достоинства, независимости от чужих милостей, инициативе и готовности к риску, личной ответственности за свои поступки.

На рубеже XX века европейская цивилизация достигла апогея своего расцвета. Европа, население которой составляло четверть человечества, далеко превосходила все остальные континенты по развитию науки, экономики, культуры, военной мощи. «Именно в европейских странах были сделаны величайшие открытия, перевернувшие представление людей о законах мироздания – теория относительности, квантовая механика, радиоактивность. Европейские державы разделили планету на колониальные империи и сферы влияния» [12, 255].

Вместе с тем именно в тот момент внутри прочно сложившейся, казалось, системы европейских ценностей появились все более глубокие скрытые трещины. Идеология либерализма, включавшая парламентскую демократию и свободу торговли, столкнулась не только с сопротивлением вчерашнего противника – традиционалистских авторитарных монархий в преимущественно аграрных странах, но и с *вызовом нового в лице социализма*. Более того, как одной, так и другой идеологии угрожала волна воинствующего национализма, все более выходявшая из-под контроля.

Восток, в свою очередь, можно охарактеризовать как мощную религиозную систему и выделить наиболее сильные и развитые цивилизации: китайско-дальневосточная конфуцианская, мусульманская, индо-буддийская.

Китайско-дальневосточная конфуцианская, в основе своей даже не имеет развитой религии. Стержнем всей цивилизационной культуры является этико-политическая система, восходящая к доктрине Конфуция с ее культом добродетели, сыновней почтительности, патернализма старших и постоянного самоусовершенствования в сочетании с соревновательностью [3, 308]. Что же касается остального населения, то оно находилось под патронажем старших и всегда отличалось высокой культурой труда и социальной дисциплиной.

Вторая цивилизация – мусульманская, возникшая в VII веке и структурно гораздо более жесткая. Предписания Корана и шариата несравнимы по их запелляционности с конфуцианским церемониалом. Иная ментальность, которой близки фатализм и фанатизм, насильственный прозелитизм, вплоть до религиозных войн под знаменем джихада, сводит к минимуму роль самоопределения личности, ее волю.

Третья из великих цивилизаций Востока – индо-буддийская, с ее отчетливой ориентацией на приоритет внефеноменального существования. Сильные самоуправляющиеся социальные институты в Индии (община и каста) обусловили относительную слабость государства – при сохранении им его основных уже охарактеризованных выше типичных для Востока функций. Ценностные

ориентации – типичные для индо-буддизма, с поисками спасения во внефеноменальном мире, в небытии.

Очевидно, что цивилизационные различия между восточными странами были весьма и весьма ощутимыми. Однако все страны традиционного Востока близки друг другу по структуре и неизменной склонности к консервативной стабильности.

3. Национальное основание.

Национализм – идеология и направление политики, базовым принципом которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства и её первичности в государствообразующем процессе. Отличается многообразием течений, некоторые из них противоречат друг другу [7, 559].

В своей основе национализм проповедует верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, объединение национального самосознания для практической защиты условий жизни нации, её территории проживания, экономических ресурсов и духовных ценностей. Он опирается на национальное чувство, которое родственно патриотизму. Эта идеология стремится к объединению различных слоёв общества, не взирая на противоположные классовые интересы.

Нельзя не заметить, что системы ценностей у разных людей неодинаковы, различны они и у разных социальных групп, наблюдаются различия между системами ценностей, преобладающих в разные исторические периоды. Один из самых глубоких процессов изменения преобладающей в обществе системы ценностей на наш взгляд начался в конце двадцатого века и продолжается сейчас [1, 29].

В основе существования и развития любой культуры, общества лежат *базовые системы ценностей*, выступающие связующим ядром культуры, а также связанные с ними традиции, нормы, правила, стандарты поведения, культурные коды, символы и образцы. Тесно связанные между собой, они формируют единое поле культуры, которое делает социальные взаимодействия понятными, упорядоченными и предсказуемыми; среди прочих, ценности определяют приоритеты и векторы дальнейшего развития.

Итак, что такое ценности?

Во-первых, ценностями являются вещи, их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны) в качестве средств удовлетворения потребностей и интересов [8, 11].

Во-вторых, ценности могут представлять собой положительную или отрицательную значимость предметов и явлений для жизнедеятельности субъекта. Таким образом, предполагается, то понятие ценности отражает весь спектр жизненных значимостей.

Таким образом, *ценность есть* всегда нечто положительное с точки зрения удовлетворения позитивных материальных и/или духовных потребностей. Значение же может быть разным – не только идеалом знания, добра, красоты, но и проявлением зла, невежества, безобразного со множеством степеней и оттенков.

Под *системой* в широком смысле понимают совокупность сильно связанных объектов, обладающая свойствами организации, связности, целостности и членности.

Система (греч. σύστημα - «составленный») – множество взаимосвязанных объектов и ресурсов, организованных процессом системогенеза в единое целое

и, возможно, противопоставляемое среде. Система в системном анализе – совокупность сущностей (объектов) и связей между ними, выделенных из среды на определённое время и с определённой целью.

На основе представленного здесь анализа под *ценностной системой* мы будем понимать иерархию ценностей, которая выступает в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции, в которой зафиксированы критерии социально признанного (данным обществом и социальной группой), на основе которых развёртываются более конкретные и специализированные системы нормативного контроля, соответствующие общественные институты и сами целенаправленные действия людей – как индивидуальные, так и коллективные.

Основными чертами ценностных систем являются:

- социальные ориентации: «либерализм» (западные ценности), «социализм» (советские ценности), «традиционализм» (традиционно-русские ценности);
- повседневный гуманизм (жизнь человека, семья);
- предприимчивый нонконформизм (инициативность);
- потребительский конформизм (традиционность);
- властолюбивый эгоизм (благополучие, авторитарность, вольность).

Для отдельного человека или социальной общности утрата положительной системы ценностей означает потерю культурного ориентира, в ряде случаев – маргинализацию и выпадение данного субъекта из поля социокультурных взаимодействий. Утрата единой базисной системы ценностей общества как целостного образования повышает его фрагментацию [5, 173], расколу социокультурного пространства на отдельные, не интегрированные между собой, разнородные сегменты.

Процессы глобализации способствуют распространению культурных моделей, которые подаются как общезначимые в рамках единого информационно-коммуникативного поля. Сокращение роли государства проявляется при этом в том, что многие ценностные ориентации формируются за пределами традиционного культурного наследия [2, 5]. Подобные процессы нарушения и смены ценностных систем, утратившие свою положительную значимость, наблюдались, например, в особенностях субкультур бывшего СССР, вбивавших более привлекательные западные стили образа жизни.

Границы своего и чужого постепенно стираются, среди различных групп распространяются однообразные стандарты и символы. СМИ, миграционные потоки, глобализация распространения культурного продукта приносят альтернативные стили, образы, символы, ценности, стандарты поведения, сформировавшиеся как элементы чужеродных культур. В процессе заимствования они вытесняют многие традиционные элементы культуры, кажущиеся непривлекательными и невостребованными. Закономерно происходит стирание различий не только в одежде или пище, но и в культурных и поведенческих стереотипах, которые нередко навязываются чужеродной культурой [6, 5]. Ориентация на инородные образцы изменяет культурный облик отдельных социальных групп и общества как целостности. Само общество при этом распадается на множество слабо интегрированных групп, отличающихся различными критериями идентичности.

Исходя из того, что у людей есть базовые материально-физические и/или духовные потребности и интересы, которые навязываются значительной час-

ти населения и постоянно распространяются, тиражируются влиятельными средствами массовой информации, - в условиях глобализирующего мира, развитие информационных технологий создает возможность по направленному формированию ценностей массового сознания. Данные действия в итоге ведут к глубокому идейно-ценностному кризису, к потере многими людьми понимания происходящих в обществе перемен, и даже смысла их собственной жизни. Таким образом, целенаправленная подмена ценностных систем ведет к проблеме выбора индивидом базисных, основополагающих ценностей.

А поскольку предметом настоящего исследования являются *противоборство ценностных систем* как феномен общественной жизни современности, необходимо рассмотреть, какие цели преследуют носители альтернативных ценностных систем, а также средства реализации ценностных систем; выделить субъекты и объекты ценностного противоборства.

Проводниками альтернативных ценностных систем являются различные социальные движения (экологическое, феминистское, консервативно-религиозное течения, коммунитарное и т.д.), которые несут в себе собственные цели.

Экологические движения (Гринпис, Зеленая волна, Родники, и т.д.) способны оказывать давление на правительство и корпорации и оставаться при этом независимыми общественными организациями. Так, например, «Гринпис» - это мощная международная сила, опирающаяся на поддержку более 2.5 млн. человек, из них около 10 тысяч - в России.

Целями экологического движения являются:

- формирование экологического мировоззрения, пропаганда знаний о состоянии природной и культурной среды, опыте и принципах деятельности по предотвращению экологических кризисов локального и глобального масштаба;
- развитие экологической гласности, обеспечение населения информацией о состоянии природной среды и здоровья населения;
- содействие предотвращению деятельности, угрожающей экологической безопасности, здоровью людей, сохранению биологического разнообразия и условий для устойчивого развития общества;

Для феминной системы ценностей и типа мышления, характерно следующее: во-первых, женщинам присуще целостное восприятие мира. «Феминность определяется через единение», - пишет Кэрол Гиллиган. Во-вторых, для феминной этики характерны ценности взаимозависимости, сопереживания, заботы. Цель - культурная и институциональная независимость женщин от мужчин.

Фундаментализм (от лат. *fundamentum* - основание) - общее наименование крайне консервативных религиозных течений. Основными его идеологическими положениями являются: необходимость строгого следования предписаниям, установленным в религиозных священных книгах; недопустимость критики, либо либерального толкования указанных текстов.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Исследование сущности альтернативных ценностных систем показывает, что, при всем многообразии подходов к исследованию, их объединяют общие критерии: ценностные системы представляют собой иерархию ценностей, которая выступает в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции, в которой зафиксированы критерии социально признанного (данным обще-

ством и социальной группой). На основе этих критериев развёртываются более конкретные и специализированные системы нормативного контроля, соответствующие общественные институты и сами целенаправленные действия людей – как индивидуальные, так и коллективные.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арзамасцева А.М. Ценности интеллигентного мира: Сб. материалов научной конференции. – Магнитогорск: МГТУ, 2004.
2. Богатырева Т.Г. Государство и культура в условиях глобально-локальной динамики // Вестник Московского университета. - 2002.
3. Васильев Л.С. История Востока. Т.1. - М.: 1997. – С. 308.
4. Лекторский В.А. Духовность и рациональность// Вопросы философии. - 1996. - №2.
5. Павлович М.А. Философия как актуализация духовной идентичности человека. - Бишкек, 2004.
6. Сергеева О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем. - М., 2002.
7. Соловьёв А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. – М.: 2001.
8. Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. - Л., 1968.
9. Echols, Alice. Daring to be bad: radical feminism in America, 1967–1975. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989.
10. Geert Hofstede. National Cultures in Four Dimensions, International Studies of Management and Organization, 1983.
11. Norman Davies. Europe. A history. Oxford University Press, Oxford-New-York, 1996.
12. Paul Kennedy. The Rise and Fall of the Great Powers. Fontana Press, London, 1988.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СИСТЕМА*

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и прикладные аспекты массовой коммуникации как явления и процесса. Дается обоснование понятий «коммуникация», «средства массовой информации» и «масс-медиа» как взаимосвязанных явлений. Раскрывается системная организация массовой коммуникации и перспективы ее развития в связи с социальными запросами современного общества.

Ключевые слова: коммуникация, СМИ, массовая коммуникационная система, коммуникатор, коммуникант, повестка дня, канал, обратная связь.

S. Lisova

MASS COMMUNICATION AS A SYSTEM

Abstract. Theoretical and applied aspects of a mass communication as phenomenon and process are considered. The substantiation of concepts “communication”, “mass communication” and “mass media” as interconnected phenomena is given. The system organization of a mass communication and prospects of its development in connection with social inquiries of a modern society is studied.

Key words: communication, the mass media, mass communication system, communicator, communicant, agenda, channel, feedback.

Анализ контента массовой коммуникации в различных источниках выявляет терминологическую несогласованность в определении данного понятия. Феномен массовой коммуникации рассматривается то как особый способ формирования и общения урбанизированной массы (Ч.Х. Кули, У. Липпман); то как форма повседневной дегенерации духовной жизни (Т. Адорно, М. Хоркхаймер); то в качестве особой среды формирования, распространения и функционирования социально значимой информации, целями которой является воздействие на социальные группы и отдельные личности (Д.В. Ольшанский). По-разному трактуется и позиция массового реципиента, который может быть и пассивным участником, только воспринимающим информацию, и актором, инициирующим информационные обмены. По мнению Т. Беннетта, разнообразие взглядов обусловлено «новыми подходами к изучению медиа, в рамках которых связь между медиа-процессами и более широкими социальными отношениями истолковывается на языке, отличным от языка традиционной социологии массовых коммуникаций» [8, 32].

На наш взгляд, массовая коммуникация может рассматриваться в узком и широком значениях. С одной стороны, она представляет собой механизм распространения информации и социального воздействия. В данном контексте наиболее часто используется определение, принадлежащее М. Яновицу: «Массовая коммуникация охватывает институты и технику, с помощью которых специализированные группы используют технологические средства для распространения информации на большие, гетерогенные и чрезвычайно рассеянные аудитории» [9, 41]. В этом смысле массовая коммуникация соотносится с термином mass media (в русскоязычном варианте - масс-медиа, или средства

* © Лисова С.Ю.

массовой информации), и это, отчасти, обоснованно, поскольку предпосылкой массовой коммуникации стало создание технических устройств, позволивших реализовать массовое тиражирование больших объемов вербальной, образной и музыкальной информации. Однако синонимичность данных терминов спорна. СМИ, являясь каналами распространения информации, обеспечивают лишь техническую возможность массовой коммуникации. В историческом контексте СМИ определяются как социальные институты, основной задачей которых является воздействие на аудиторию посредством информирования*.

Научное понятие *массовой коммуникации* сформировалось в связи с исследованием способов коммуникации и построением ее моделей. Главной функцией массовой коммуникации является воздействие на общество через коммуникативную составляющую, что требует изучения компонентов, средств, ситуаций коммуникации. Маркировка коммуникативных процессов как массовых возможна не только при наличии массовых каналов, но и в случае потребления информации массовой аудиторией. Кроме того, Д. Мак Куэйл, подчеркивая абстрактность, нереальность массовой коммуникации, указывал: «Там, где массовая коммуникация существует в действительности, она оказывается менее массовой, менее технологически детерминированной, чем представляется на первый взгляд» [11, 12].

Включение в понятие массовой коммуникации, помимо технологического фактора, также участников коммуникационного процесса, их интересов и различные формы социального общения позволяет расширить рамки исследования. На наш взгляд, необходимо применение системного подхода к определению массовой коммуникации и введению термина «*массовая коммуникационная система*» (далее - МКС). Рассмотрение массовой коммуникации как системы позволяет выявить ее онтологическое свойство упорядоченности множества элементов, в основе которой лежат взаимообусловленные принципы их тождества и различия. Системность коммуникационных процессов вытекает из основных характеристик данного явления. В теории систем основополагающими признаками любой системы являются: 1) объектность, т.е. наличие объекта, сущности, элементов; 2) структура, т.е. иерархия элементов и связь, отношения между ними; 3) целостность, обеспечивающая функционирование всех составляющих как единого явления [2, 65-78]. Рассмотрим массовую коммуникацию с точки зрения обладания указанными критериями.

Объектность. К элементам системы массовой коммуникации следует отнести:

- коммуникатора – субъекта, инициирующего информационные процессы;
- событие/псевдособытие – реальные/виртуальные факты, информация о которых может стать общественно значимой;
- информационный повод – часть событий, приобретающих статус социально значимых;
- селектора информации – структуры, проводящие отбор необходимых сведений для передачи массовой аудитории;
- банки актуальной и неактуальной информации – результат функционирования селектора, сортировки информации;
- формирование повестки дня как функцию социального конструирования

* Не зря в советской терминологии использовалось понятие «средства массовой информации и пропаганды».

ния реальности, благодаря которой в социуме вырабатываются совместные, всеми разделяемые представления о смысле общественных явлений;

- каналы передачи информации – различные социальные институты, занятые распространением социально значимых сведений;
- коммуникантов – аудитории, воспринимающие информацию;
- обратную связь.

Каждая составляющая выполняет определенные задачи, способствуя функционированию системы в целом и обуславливая процессуальный характер МКС. Массовая коммуникация – это процесс, предполагающий достижение однозначного восприятия коммуникационного сообщения субъектами, его посылающими и получающими. Основными компонентами в этом случае выступают те механизмы и факторы, которые управляют рецепцией и пониманием информации, ее воспроизводством, обработкой и т.д. Данная модель представляет собой сложную схему связей между механизмами и блоками. Так, Г.Я. Узилевский включает 31 компонент в модель обработки информации в процессе общения, среди них выделяются такие специфические механизмы, как выявление намерений коммуникатора, поддержание общения, выразительная речь, а также ряд блоков знаний о средствах коммуникации, рефлексии, самопознании, психологической защите, организации совместной деятельности и др. [6, 30-32].

Активность указанных механизмов влияет на результативность МКС. Однако следует отметить, что критерии эффективности массовой коммуникации не всегда поддаются объективному исследованию, поскольку высок уровень субъективного фактора и присутствует ситуативная обусловленность. В роли отправителя коммуникатор стремится проинформировать, убедить, побудить и предпринять действие, соответствующее его интересам. Как получатель, коммуникатор прислушивается к сигналам «извне» для того, чтобы адаптировать эти сообщения к меняющимся условиям и выявить новые коммуникации, что зависит от уровня его компетентности. В свою очередь, связи различных коммуникантов с базовыми компонентами коммуникативного акта неустойчивы, разнонаправлены, связаны с окружением, количеством участников, временными и пространственными характеристиками.

Структура. Разнородность элементов МКС позволяет выделить в ее составе три взаимосвязанные коммуникативные подсистемы: административную, техническую и социальную. Административная подсистема отвечает за координацию социальных действий посредством коммуникативной рациональности. Техническая подсистема включает в свою структуру способы и средства манипуляции информацией, в частности, отбор, хранение, кодировку/раскодировку, уничтожение, трансляцию. От технической составляющей зависят такие свойства МКС, как оперативность, масштабность, результативность. Чем более развита техническая сторона коммуникативного процесса, тем эффективнее функционирует система в целом. Контекст социальной подсистемы наполнен совокупностью различных общественных отношений, складывающихся в процессе коммуникации. Плюрализм коммуникативных подсистем обусловлен их целевым назначением, разнородностью коммуникативных средств и способами их актуализации. В настоящее время властные и экономические рычаги составляют главный инструментальный воздействия на технические и социальные составляющие МКС. Однако необходим примат социального над административным. По суждению Ю. Хабермаса, интегрированные

системы (к ним следует отнести, прежде всего, властные структуры) должны занимать подчиненное положение по отношению к социальной целостности, в противном случае - будет происходить «колонизация жизненного мира» и сокращение его пространства [7, 124-136].

Для того чтобы система массовой коммуникации представляла собой не идиосинкразическую совокупность разнонаправленных компонентов, а архитектуру взаимосвязанных частей, важно выделить ее основные *свойства-принципы*, обеспечивающие возможности нормального функционирования и развития. К ним, в частности, следует отнести транспорентность, децентрализацию, вариабельность, когерентность, креативность.

Транспорентность предполагает открытость и прозрачность коммуникационной системы, наличие свободного обмена информацией между различными субъектами, их активное взаимодействие и взаимовлияние. Транспорентность МКС зависит от таких показателей, как: 1) сложность механизма организации и порядок деятельности общественных структур; 2) уровень конкуренции публичных и частных СМИ; 3) открытость власти перед СМИ; 4) форма политического участия масс-медиа. Степень транспорентности отражает специфику отношений, складывающихся между государством и обществом, и служит индикатором соответствующего политического режима: чем выше степень транспорентности МКС, тем более развиты демократические институты, и наоборот.

Децентрализация предусматривает отсутствие жесткой иерархии составляющих систему компонентов. Каждая подсистема МКС может вести относительно независимое существование. Однако децентрализация не означает ризомного характера системы, которая должна быть сбалансированной, т.е. сохранять иерархию функций и единый центр управления. Административная подсистема, представленная, прежде всего, государством, в виду концентрации больших ресурсов принимает на себя роль такого центра. Придание государству статуса управленческого центра МКС отнюдь не означает, что оно призвано выполнять все без исключения управленческие функции и контролировать систему в целом, предопределяя тем самым действия субъектов других уровней. «Нарушение меры централизации ведет к перегрузке управляющего центра, парализующей процесс управления системой. Эффективное управление основано на соблюдении меры централизации и децентрализации, которая для разных условий может быть различной» [3, 174].

Вариабельность, или разнонаправленность, МКС обеспечивает баланс интересов, потребностей и учет позиций всех участников коммуникационного процесса. По нашему мнению, не должно быть приоритета как государственных, так и общественных интересов, поскольку гиперболизация воли коммуникатора или коммуниканта в конечном итоге приводит к кризису. Так, абсолютизирование роли государства влечет трансформацию его функций, поскольку государство начинает существовать ради себя, а не для общества. Сакрализация общественного интереса, в свою очередь, хотя и способствует развитию самопроизвольных, саморегулируемых процессов, также может иметь негативный потенциал*.

Когерентность направлена на обеспечение единства целей и задач путем согласованности действий всех уровней МКС. Базовой функцией коммуника-

* В качестве примеров негативных последствий процессов самопроизвольного развития в разные периоды истории могут выступать охота на ведьм, фашизм, терроризм и т.д.

ционной системы является поддержание целостности, прогрессивного развития и взаимодействия с другими системами, что обеспечивается достижением социального согласия. Процесс «согласования воли» (И.А. Ильин) активизирует область коммуникативного поведения и дискурса, поскольку повышается роль общественных дискуссий, а в отдельных случаях - и обязательных обсуждений, при принятии социально значимых решений. По оценке Ю. Хабермаса, «вопрос тогда будет состоять не в том, какие решения должна принимать такая коммуникативно-рациональная общественность, а в том, чтобы важные для общества решения принимались после рациональных дискуссий, где восторжествовавшая точка зрения побеждала только благодаря силе лучшей аргументации» [5, 339].

Креативность обеспечивает поиск новых вариантов коммуницирования, альтернативной методологии анализа ситуаций и нестандартных путей решения проблем в условиях конфликтов и кризисов. Свойство креативности МКС задает новую матрицу видения объекта как сложного, динамичного явления и способствует более глубокому пониманию механизмов общественного развития.

Целостность, как свойство системы массовой коммуникации, имеет носительный характер. Это обусловлено вариативностью коммуникативных целей, ситуаций, средств и способов. В реальных условиях взаимодействие коммуникативных элементов не является стабильным и может изменяться в зависимости от мотивационных факторов. Это позволяет говорить об условности границ массовой коммуникации как системы и взаимопроницаемости всех уровней коммуникации (интраперсональной, межличностной, внутригрупповой, массовой). С точки зрения структурного функционализма (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон), целостность системы обеспечивается выполняемыми функциями, связывающими структуру и процесс в содержательном плане. Функция (лат. *functio* – «исполнение», «совершение») – это роль или назначение элемента, которые он выполняет как компонент системы. В.П. Конецкая функциональные требования для массовой коммуникации маркирует как знание и принятие установки коммуникации в целях воздействия, интеграции и выражения социально значимой информации [1, 32]. Следовательно, целостность МКС определяется, во-первых, способностью функционировать в конкретных ситуациях, обеспечивая передачу информации и ее перцепцию; во-вторых, наличием вариативности коммуникативных средств; и, в-третьих, их онтологической однородностью.

Перечисленные признаки массовой коммуникации позволяют интерпретировать ее как открытую информационную систему, находящуюся в отношениях постоянной взаимосвязи, взаимопроникновения и взаимовлияния с другими системами. Столь обобщенное определение обладает динамичностью, поскольку отражает прямые и обратные связи, и эвристичностью, так как учитывает онтологический, гносеологический и методологический аспекты исследования массовой коммуникации; позволяет выделить ключевые механизмы, актуализирующие массовую коммуникацию как особый тип. Такое широкое определение обеспечивает возможность дополнения его впоследствии новыми, более точными, характеристиками.

Подобная трактовка снимает исследовательскую монополию, раздвигая границы предметного поля, что позволяет исследовать новые типы социального взаимодействия. Сегодня мы все чаще сталкиваемся не с линейным, а с

сетевым способом трансляции информации*. Сетевой подход меняет структуру коммуникационного пространства. Любой индивид может одновременно сотрудничать с большим числом коммуникантов, быть и коммуникатором и реципиентом одновременно. Изменяется и форма передаваемой информации (графика, звук, анимация), что, по образному выражению Г.М. Маклюэна, дает субъекту возможность «обойти язык» [10].

В данных условиях раскрываются более широкие перспективы анализа массовой коммуникации. В соответствии с этим актуализируется теоретическое и методологическое развитие научных дисциплин и областей знания о формах и технологиях организации различных коммуникационных систем (язык, искусство, культура и др.). Интенсивное исследование информационно-коммуникационного пространства, в свою очередь, способно смягчить кризисные, «стрессовые» (по Д. Истону) состояния общества, обеспечивая устойчивость политической системы в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конецкая В.П. Социология коммуникации. – М.: МУБиУ, 1997. – 304 с.
2. Кузьмин В.П. Системный подход в современном научном познании // Вопросы философии. – 1980. – № 1. – С. 65-78.
3. Кулинченко А.В. Государственная власть и общественная самоорганизация // Политические системы России и послевоенной Германии. Волгоград, 2005. С. 174.
4. Политические системы России и послевоенной Германии / Финансовая академия при Правительстве РФ; отв. Ред. Я.А. Пляйс, В.М. Долгов. – Волгоград: Принт, 2005. – 352 с.
5. Современная западная социология. Теории, традиции, перспективы / П. Монсон, А. Боглинд, М. Бекк-Виклунд и др.: Пер. со швед. – СПб.: Нотабене, 1992. – 443 с.
6. Узилевский Г.Я. Взаимодействие естественных и искусственных языков в современных лингвистических процессах. – М.: АДД, 1996.
7. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. – Вып. 2. – С. 124-136.
8. Bennett T. Theories of the Media, Theories of Society // Gurevitch M. Culture, Society and the Media. – London, 1994. – P. 28-56.
9. Janowitz M. The Study of Mass Communication // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 3. New York, 1968. P. 41.
10. McLuhan M. City as Classroom. New-York, 1977.
11. McQuail's D. Mass Communication Theory. London, 2000.

* См., например: Бакулев Г.П. Гиперперсональная коммуникация: вызов традициям? // Коммуникация и конструирование социальных реальностей. - СПб., 2006; Бондаренко С.В. Особенности символично-смысловых взаимодействий в рамках молодежной субкультуры мобильной коммуникации // Молодежь Юга России: положение, проблемы, перспективы. - Ростов-на-Дону, 2005. - Вып. 31; Гуманитарные исследования в Интернете. - М., 2000.

РИСК И СПЕЦИФИКА ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

*Если бы люди договорились об определениях,
то споров бы не существовало.
Демокрит*

Аннотация. В статье представлено современное социально-философское толкование понятия *риск* и его специфические особенности в политической сфере, с использованием статистических исследований положения в Российском обществе. Рассмотрен вопрос о недостаточном учете основной детерминанты риска современной России – «исторический» менталитет.

Ключевые слова: философия, политика, риск, детерминанты, менталитет, исследования, кризис, гражданское общество.

A. Naumenko

RISK AND SPECIFICITY OF ITS DISPLAY IN POLITICAL SPHERE OF A
LIFE OF THE RUSSIAN SOCIETY

Abstract. In article modern socially-philosophical interpretation of concept risk and its specific features in political sphere, with use of statistical researches of position in the Russian society is presented. The question on the insufficient account the basic determinants of risk of modern Russia – «historical» mentality is considered.

Key words: philosophy, a policy, risk, determinants, mentality, researches, crisis, a civil society.

Данный эпиграф не случайно предопределяет статью. Достаточно сложно осмыслить и подытожить, собрав воедино, все теории, взгляды или точки зрения, учесть междисциплинарный подход в области риска как такового и политического в частности, учесть и разобраться в его специфике, форме его проявления. Категоричность суждения Демокрита воодушевляет, но это может иметь значение, скорее, с теоретической точки зрения. Дальнейшее развитие науки требует введения новых понятий и терминологии, наполнения новым содержанием, либо отказа от старых, как морально устаревших, несоответствующих современным реалиям. С другой стороны, давая определение понятию «риск» и предмету «политика», мы позволяем себе предметно обсуждать, теоретизировать, анализировать, причем достаточно корректно. Изучение специфики проявления риска применительно к разным сферам деятельности человеческого сообщества – есть несомненная прерогатива конкретных (частных) наук, в конкретной (частной) области, но общество не есть набор неких механизмов и средств (инструкций, документов, законов) их управления. Необходимо понять, и что более важно, принять, как бы мы ни складывали и ни исчисляли результаты исследований, поисков решений, наработок в областях отдельных наук, – целостной картины модели риска (в частности, в области политики) нам не получить. Мы получим мозаику целого, без возможности вли-

* © Науменко А.П.

яния, управления, реконструкции механизма риска в общественном, социальном, политическом процессе, увидим лишь конкретные элементы и детали.

Именно социально-философский подход важен не только тем, что позволяет анализировать, но и управлять риском, имеет исторически общее понимание основополагающих ценностей, принципов, аксиом и постулатов в разных областях деятельности человека и устройстве окружающего мира в широком понимании этого слова. Риск сочетает в себе вероятность (появление) неблагоприятного события и объем (последствий) этого события (потери, ущерб, убытки). Эти две, на первый взгляд, простые, но взаимосвязанные меры определяют действия субъекта (личности, партии, объединения или другой формы и сочетания) в условиях неопределенности или опасности. Перебирая различные комбинации (сочетания), адекватные сложившейся ситуации, субъект оценивает степень неопределенности (риска), принимает решение о необходимых действиях, корректируя количественные и качественные составляющие этих действий. Принятые меры воздействия на критическую (неудовлетворительную, с точки зрения субъекта) ситуацию вынуждают субъекта делать новый выбор, создавая цикличность неопределенности, уровень которой определяется субъектом как мера уровня опасности (риска) в его понимании. В этой связи можно предположить три ситуации (идеальные), которые прозрачны, логически непротиворечивы суждениям субъекта об опасности (риске), ее степени:

- вероятность возможного события весьма большая, но ущерб субъекту, связанный с этим событием, равен нулю (или бесконечно мал): в этой ситуации субъект ясно понимает, что он не подвергается опасности (риск равен нулю);
- ущерб от возможного события велик, но вероятность его появления равна нулю: следовательно, опасности нет (риск равен нулю);
- вероятность события и ущерб от него равны нулю: ситуация характеризуется как достоверное отсутствие опасности (абсолютная безопасность).

Во всех других случаях, когда и вероятность, и ущерб принимают конечные значения, субъект оценивает сложившуюся ситуацию как опасную, характеризуемую соответствующим риском [12]. С другой стороны, отмечая неопределенность (вероятность) возникновения рискованной ситуации, и как следствие, нанесение ущерба (возможной неудачи, опасности, материальных или других потерь) субъекту от этого события, необходимо отметить другую сторону риска (до некой степени положительную): «с другой стороны – риск отождествляется с предполагаемой удачей, благоприятным исходом» [1].

В рамках данной статьи, когда вероятность и ущерб принимают конкретные значения, субъективно оценивая сложившуюся ситуацию как опасную (неудовлетворительную, не соответствующую целям и задачам), мы вводим дополнительное определение «политический», тем самым конкретизируя одну из граней мозаики философской категории «риск». Специфика развития современного научного знания создает не только возможность, но и необходимость проведения социально-философского исследования политического риска в России, особенности (специфики) его проявления, оценки количественной и качественной составляющей, и, как следствие, появления возможности прогнозирования и управления, имеющей прикладное значение. В этой связи необходимо определиться с понятием «уровень риска». *Уровень риска* – это количественная оценка ситуации (отражающая степень неопределенности в принятии решения) с учетом ущерба, обусловленного возможными нежелательными последствиями принимаемых решений. Практически уровень риска характеризует

степень ответственности или безответственности того, кто выбирает пути решения задачи. На практике оценки политического риска даются для различных временных горизонтов, выбор которых определяется спецификой решений, требующих учета оценок риска. Оценка проводится на различных уровнях: «глобальном, региональном (по группам стран), национальном, по отдельным регионам внутри страны (по краям, областям, республикам)» [5].

Политический риск обусловливается множеством факторов неопределенности, вызванных, в первую очередь, недостаточной рациональностью политики, сложностью и обширностью этой области. Условно их можно подразделить на следующие типы:

- информационные, возникающие при отсутствии четкой и полной информации обо всех протекающих политических процессах, некачественного анализа политической ситуации в целом, неадекватного реагирования властей на нее, отсутствием четкого подсчета приобретений и утрат, непониманием и игнорированием интересов других участников политических действий и т.д.;

- социальные, вызванные нестабильностью, агрессивностью и радикализмом проводимого политического курса, деятельностью отдельных политических институтов, низкой поддержкой населения проводимой политики, политическими, этническими и другими конфликтами, безработицей, тяжелым экономическим положением, наличием множества нерешенных социальных проблем;

- персональные, связанные с личностью политика, неустойчивостью его поведения, склонностью к автономии без учета коллективного характера политических действий, повышенной склонности к риску. Правда, необходимо отметить, что некоторые политики более эффективны именно в необычных и опасных ситуациях, ощущают удовольствие в них и иногда их сами же и создают;

- правовые: зачастую, политический риск возникает вследствие правового и морального нигилизма, невыполнения принятых условий политических взаимодействий и коммуникаций, нарушения требований закона и норм соглашений, имеющих морально-политический характер;

- экономические: причиной политического риска могут также стать: отсутствие необходимых денежных ресурсов для проведения тех или иных реформ, отсутствие развитой и стабильной экономической инфраструктуры, неликвидность государственных акций предприятий, отсутствие четкой экономической программы, отсутствие прямых инвестиций в страну, непродуманная валютно-кредитная политика и т.д.;

- случайные: наряду с вышеперечисленными факторами, одним из источников политического риска выступает непосредственная случайность политики, которая ведет к появлению непредвиденных и нежелательных событий, (болезнь, отставка политических деятелей, несчастные случаи, природные катастрофы и так далее), рождающих всевозможные угрозы и опасности [4, 140].

При анализе политической ситуации необходимо выявить сущность и противоречивость, черты и элементы, их свойства, определяющие целостное представление о политическом риске в России, как комплексного и многогранного явления, имеющего свои исторические, культурные и национальные корни. Исследуя и оценивая политическую ситуацию современной России, будем руководствоваться следующими критериями:

- наличием и позицией основных партий и объединений, обладающих реальным влиянием на принятие государственных и политических решений;

- динамикой влияния политических партий и объединений в докризисный и кризисный период, реакцией общества;
- личностная позиция и политика руководства партий и объединений.

Для проведения условно объективного количественного и качественного анализа воспользуемся данными мониторинга ИСПИ РАН, ВЦИОМ. Исследования в вопросе отношений между властью (администрация и политическая элита) и общества России показывают, «большая часть российских граждан вообще считают, что политическую систему страны необходимо изменить: радикальным образом (16%) или устранить многие недостатки (50%)» [9, график 2]. Это говорит о том, что, несмотря на положительную динамику и характер отношений общества к политическим и социальным институтам [9, таблица 9, 10], продолжают сохранять высокий уровень «риска» проведения политического, социального, административного преобразования России. Существующая структура количественных предпочтений такова: «только 33% респондентов отдадут предпочтение «Единой России», 11% — КПРФ, 9% — ЛДПР, 7% — «Справедливой России», что позволяет делать вывод о наличии основного признака демократического государства — многопартийность. С другой стороны: «четверть опрошенных (22%) не отдадут предпочтения ни одной из партий, 19% затрудняются ответить» [9], значительная часть общества не участвует в процессе политического преобразования, имеет пассивную, а иногда — негативную позицию в отношении них. Это лишь следствие, причины же — в исторических, национальных, религиозных и других особенностях России. Вывод «пока рано говорить о создании в стране партийно-политической системы, устойчиво функционирующей, органичной социальной структуре общества» [9, таблица 11]. По проведенным исследованиям ВЦИОМ, «чуть меньше 40% россиян не смогли сориентироваться с выбором наиболее близкого для себя идеологического направления», что подтверждает выводы других исследований в отношении партийного предпочтения. Динамика изменения взглядов, их идейно-политических ориентаций, в докризисный период и в условиях начавшегося кризиса, казалось бы, должны претерпеть если не радикальные, то хотя бы существенные изменения. Однако, «левые» по своим взглядам россияне, отдающие приоритет социалистическим идеям, социальной справедливости, равенству, защите интересов людей труда составили 18% (в ноябре 2008 г., при первых симптомах кризиса, эта цифра поднялась до 24%). «Правые», отдающие приоритет либеральным идеям, экономической свободе, правам человека, политической демократии, сближению с Западом, набрали 13% (в ноябре — 14%). А самую большую поддержку получили «национал-консерваторы», отдающие приоритет традиционным русским ценностям, независимости и самостоятельности России, укреплению ее как сильной державы — 31% (в ноябре — 33%)». И вновь мы видим российскую специфику и особенность реакции поведения и отношения, имеющим исторические, национальные корни. По возрастной специфике ориентации, мы вновь сталкиваемся с российской исторической (период 1985-2009 гг.) реальностью. «Левые» взгляды в несколько большей степени характерны для старшего поколения россиян, перешагнувших 60-летний рубеж (24% из них — «левые», тогда как среди молодежи до 35 лет эта цифра составляет 14%). «Либеральная» идеология, напротив, в большей степени привлекает молодежь (17% в возрасте до 35 лет — «либералы», а в группе 60-летних — только 8%) [2]. Вывод: старшее поколение имеющее опыт жизни при другой форме государственной власти (точнее, радикальное изме-

нение как территориальной, так и политической составляющей), составляет значительную группу «либералов», затем следует количественный провал (связан с периодом жестких социальных потрясений 1990-2000 гг.) и вновь постепенное нарастание «левых» взглядов (среди молодежи). Но и здесь мы сталкиваемся с российской особенностью: «Национал-консерваторы же практически равномерно распределены по всем возрастным группам» [2], а что еще более, то «самую большую поддержку получили «национал-консерваторы», отдающие приоритет традиционным русским ценностям, независимости и самостоятельности России, укреплению ее как сильной державы – 31%» [2]. Можно предположить, что мотивирующей силой в создании мощной коалиции в самом центре политического спектра, вне зависимости от политической окраски (левые, правые, патриоты), является необходимость «сплочения общества вокруг самых базовых, жизненно необходимых ценностей укрепления государственности страны» [2], что ««политическое единomyслие» – совершенно не повод обвинять россиян в особой сервильности и невысокой гражданственности». Понятно, что политические битвы отложены на «лучшие времена». Подобная реакция показывает, что общество не против предлагаемых и проводимых реформ, сколько руководствуясь ментальными установками подоснания за сохранение существующего образования (государства, этноса и т.д.), готово поступиться ими (реформами) ради сохранения в целом. Массовое сознание социального общества руководствуется не целями реформ, но формой и средствами их проведения. Современное гражданское общество в России моноцентрично вокруг единичной политической фигуры (В. Путин (45%)) [9] и, как следствие, слабо структурировано по партийно-политическим предпочтениям. Исторический путь России всегда предполагал наличие единовластного лидера, диктатора или иной политической фигуры, сочетающей в себе право административного действия; общество, «объединившись» с ним, становилось носителем идей, политического образа и подхода действий. При этом выпадало срединное звено (демократические институты власти, общественные или профсоюзные организации т.д.), что приводило к росту риска, неопределенности (непредсказуемости) последствий принятых политических и прочих решений. Подобное состояние относится к субъективной [11] группе факторов. Рассматривая политическую ситуацию современной России, нам необходимо внести на рассмотрение вопрос о целепологании в политике. Исходным пунктом любой политической технологии является формулирование основных задач, установок, конечных результатов, ради достижения которых предпринимаются те или иные действия. Являясь важнейшим элементом в теории политики, целепологание помогает объяснить действия субъектов политики через цели, которые они ставят перед собой, и знание ими условий и средств реализации этих целей.

Категории действия следующие: а) формирование политических целей посредством создания политических программ, идеологических установок; б) принятие политических решений субъектами с учетом сформированных целей и социально-политических условий; в) реализация поставленных политических целей путем осуществления определенных политических действий. По теологическим идеям Гегеля, «средство выше, чем конечные цели внешней целесообразности». Проблема сложности осуществления, по Гегелю, заключается не столько в самой по себе субъективной и деятельной цели, сколько в объективном ее осуществлении, а, значит, в средстве, в реальной деятельнос-

ти. Лишь они дают цели определенное содержание и переводят ее в результат. Цель, поставленная кем-либо, не соответствующая социально-экономическим, политическим условиям данного общества, не реализуема, но делает это общество односторонним, неполным, неистинным; такое общество начинает разрушаться. Все основные партии: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» (и их политическая элита), имеющие определенное влияние на процесс формирования и реализации поставленных целей и задач в спектре средств их выполнения, мало чем отличаются. Цели поставлены излишне обобщенно, не сформулирована национальная идея в рамках современной многонациональной России (не учтены особенности этносов), не проработан конкретный механизм реализации и исполнения. Фактически, имеет место быть столкновение накопленных исторических ментальных репрезентаций общественного сознания с новыми представлениями общечеловеческих идей (демократия, свобода слова и др.), социальных проблем (налоги, земельная рента и др.) политическим реалиями (либералы, демократы, гражданское общество, политическая ментальность и т.д.). В результате государственных, политических, территориальных преобразований, социальные последствия становления и развития рыночных отношений следующие:

- появление нетрадиционных источников роста доходов;
- завоевание гражданами нового статуса в обществе – структурная модернизация экономики;
- расширение хозяйственных и культурных связей с другими странами и народами предопределило появление противоречий в гражданском обществе;
- рост политических последствий – социальные конфликты.

Наличие противоречивых тенденций на политическом поле современной России усиливает политизацию общественной жизни, приводит к дисбалансу групповых отношений. Столкновение разнообразных политических потоков вызывает серьезные кризисы и способствует ценностному расколу общества, инициирует протест широких социальных слоев населения [6]. Причины этих кризисов кроются в тысячелетней российской истории, в особенностях массового сознания россиян, наработанных ментальных ценностях и представлении, что «ментальность обеспечивает связь времен и преемственность поколений» [8]. Массовое сознание – один из видов общественного сознания, реальная форма практического существования и воплощения, особый и специфический вид, свойственный значительным неструктурированным множествам людей (массам). Совпадение в какой-то момент исторической реалии (яркое эмоциональное переживание социальной проблемы, вызывающей озабоченность), основных (или наиболее значимых) компонентов сознания, большого числа разнообразных общественных групп, однако оно не сводимо к ним. По структуре массовое сознание включает эмоциональный и рациональный уровни. Проявление массового сознания в основе стихийное и неорганизованное, ситуативное и временное, связанное с конкретными обстоятельствами. Массовое сознание всегда конкретно, несмотря на эмоциональность, мозаичность, изменчивость и подвижность.

Общественное мнение и массовое настроение в определенные периоды развития выступают как макроформы массового сознания. Общественное мнение содержит скрытое или явное отношение к происходящим событиям и действует во всех сферах жизни общества. В основном, массовое сознание содержит быстроизменяющиеся компоненты, что связано с необходимостью быстрой адапта-

ции «масс» к быстроизменяющимся условиям (природным, экономическим, политическим и т.д.). Часть, сравнительно небольшую, но жизненно необходимую, занимает «менталитет как способ осознания людьми своего природного и социального окружения» и является «фундаментом массового и общественного сознания» [8]. В понимание менталитета входят особо важные надындивидуальные составляющие, такие как традиции, культура, транслируемые из поколения в поколение. Скрытые в сознании образы и представления позволяют сохранять свою идентичность даже при смене идеологической, социальной платформы общества в результате внутреннего или внешнего воздействия (революция, переворот, выборы и т.д.). «Менталитет не философская, научная или эстетическая системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания» [5]. В полемическом понимании существует определение условно называемое «политический» менталитет. Это понятие можно трактовать по-разному, но большинство исследователей склонны наделять это понятие общими признаками, такими, как: «совокупность мироустановок, привычек мышления, нравственных ориентаций, верований, манер поведения, характерных для общности людей или конкретного индивида, обусловленных отношением к властным структурам и их оценкой; совокупность установок, эмоций и настроений разнообразных политических субъектов, проявляющихся непосредственно в политической активности; совокупность повседневных осознанных и неосознанных представлений, ценностей, характерных для той или иной социальной общности» [9]. Менталитет – это глубинное основание индивидуального и коллективного, мировосприятия и мировоззрения человека и общества. Вбирая опыт определенной нации, менталитет создает в сознании «память о прошлом», становясь не системой ценностей, а системой правил выработки ценностных суждений, определяет способы мышления и поведения конкретных людей (лидеров, вождей и т.д.) и общества в целом. В ходе длительного исторического процесса общественное образование (нация или некоторая общность этносов) создают определенную модель, оценки и восприятия политического, экономического и социального поведения, становясь «детерминантой поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические» [9]. Менталитет двойственен по своей сути: с одной стороны, он занимает активную позицию, побуждая этнос к дальнейшему историческому развитию, с другой – пассивен, инертен, выступает в качестве барьера, отталкивающего все, что чуждо накопленному историческому опыту (либо в силу новизны, либо отсутствия оценки). Главная задача менталитета в массовом и общественном сознании не в механизме изменения, а в обеспечении безопасности и стабильности этноса. Значительная роль до принятия и выполнения решения (программы, каких-либо реформ т.д.) отводится на разработку этого проекта. В условиях современной России, быстро меняющейся политически, экономически и социально, этапы разработки и внедрения крайне малы, что повышает требовательность к качеству этих проектов. В этой связи этапы разработки и внедрения протекают практически одновременно. Разработчики реформ находятся в зоне неопределенности, когда попытка решения первой неопределенности рождает новую неопределенность, и так происходит вновь и вновь. В этом случае приходится лишь сдерживать рискованную ситуацию (уровень риска) на «приемлемом» и «допустимом» уровне. Присутствие неопределенности предполагает наличие

различных факторов, «при которых результаты действий не являются детерминированными, а степень возможного влияния этих факторов на результаты неизвестна» [13]. Примером этих факторов могут быть: это а) неполнота или неточность информации, б) информированность о риске и его последствиях, в) преднамеренное (умышленное, в интересах определенной социальной группы) сокрытие информации, или, наоборот, распространение заведомо неточных (ложных) сведений и т.д. В процессе теоретического обоснования и продвижения реформ «новоявленные реформаторы» Гайдар, Чубайс, (видимо, не знакомые с основополагающими трудами теоретиков), опустили, пожалуй, важнейшую ипостась человеческого бытия – культуру, ее влияние на отношение и поведение человека (группы, общества и т.д.), на принятие или отторжение курса реформ. Разрыв между теоретическим обоснованием и практическим преломлением оказался так велик, что реформы принесли не столько пользы, сколько вреда во всех сферах, как то: политика, экономика и т.д. Еще в начале прошлого века антрополог Б. Малиновский писал: «...форма всегда определяется функцией, и пока такая зависимость остается неустановленной, мы не можем оперировать элементами формы в научных рассуждениях» [2]. В своей работе о функционализме он предлагает руководствоваться ясным пониманием природы культурных феноменов, культурной реальностью взглядов на политическую систему, экономическое предприятие. Только установив причинно-следственные связи, определив механизм взаимодействия и взаимовлияния, можно переходить к теоретическому обоснованию тех или иных реформ, разработки проектов решений. В своем исследовании Б.Малиновский определил пять аксиом проявлений организованного человеческого поведения:

- культура представляет собой, по существу, инструментальный аппарат, благодаря которому человек получает возможность лучше справляться с теми конкретными проблемами, с которыми он сталкивается в природной среде в процессе удовлетворения своих потребностей;
- это система объектов, видов деятельности и установок, каждая часть которой является средством достижения цели;
- это интегральное целое, все элементы которого находятся во взаимозависимости;
- виды деятельности, установки и объекты, организующиеся вокруг жизненно важных задач, образуют такие институты, как семья, клан, локальное сообщество, племя, а также дают начало организованным группам, объединенным экономической кооперацией, политической, правовой и образовательной деятельностью;
- с динамической точки зрения, т.е. в зависимости от типа деятельности, культура может быть аналитически разделена на ряд аспектов — таких, как образование, социальный контроль, экономика, системы знаний, верований и морали, а также различные способы творческого и артистического самовыражения [12].

Дав определение менталитета (как политического, исторического наследия этноса, нации) и теоретическое обоснование для рассмотрения культуры с точки зрения функционализма, попытаемся провести короткое исследование, с небольшим экскурсом в Российское историческое прошлое.

Дискуссии, основанные на отождествлении культурных (этнических) и социальных свойств людей и групп, играют важную роль как в общественных дискуссиях и идеологических программах власти, так и в повседневном мыш-

лении самых различных категорий населения. Несмотря на то, что в фокусе изучения находятся теоретические и практические аспекты современного периода, для понимания его природы необходимо: изучение предшествующего этапа складывания традиции, теоретизирования по поводу «национальных проблем» в советский период, а также выяснение особенностей советского периода в общественной жизни, как среды для формирования этнизированных моделей социального развития и анализ их наиболее характерных черт, выявление степени распространенности в академическом и массовом сознании и влияние их на практические программы в рамках реализуемой государственной политики. «В советский период, к задачам «пробуждения» народа прибавилась необходимость «вписать» его в категории, которыми руководствовалась национальная политика. То сеть создать эти самые нации, но под эгидой единого советского национального государства [10]. Дальнейшее проведение советских национальных реформ привело к этническому, а не гражданско-территориальному представлению понятия «нация». Эта двойственная трактовка понятий привела к тому, что возник интерес к «славному» историческому прошлому, к выявлению выдающихся предшественников на национальном и государственном поприще. Вследствие к компонентам, составляющим господствующий в науке и общественной жизни понятию «нация», прибавился еще один элемент: «смутное, но явно ощущаемое стремление обрести полную независимость от союзного диктата» [13]. Это стремление осмысливалось в виде «ухода в прошлое» из «неудовлетворяющего» настоящего, тем самым происходила попытка навязать представление, что «люди, обладающие несомненными отличиями в антропологическом облике, специфическими чертами «традиционного» (но несуществующего уже) уклада жизни и т.д., имеют настолько глубоко противоречащие социальные потребности и политические интересы, что нуждаются в «своих» собственных национальных государствах». Логика подобных рассуждений прямо противоречит теоретическим [2] наработкам. Антропологические или культурные особенности какого-либо этноса, находящегося в составе других этносов (возможно, имеющих больший исторический, культурный опыт), не определяют явно необходимость создания национальных государств. Тем не менее, процесс «культурного» расслоения на территории современной России, не остановлен, и яркий пример – незатухающие конфликты на Северном Кавказе, не явно выраженные территориальные притязания на приграничных территориях. Мы видим, как возникают некие «этнические общности», хотя на самом деле – это группа людей, объединенная осознанием того факта, что общие для всех них культурные признаки означают общие для всех них социальные потребности, но, что более важно – у этой общности уже существует идеология, то есть целенаправленно формируемые массовые представления. Дальнейшее развитие событий достаточно предсказуемо: рост неопределенности (риска как такового, а также политического или экономического или иного), ощущение нестабильности (неустойчивости), непредсказуемости результатов проводимых реформ. Результаты исследований политических, экономических, социальных преобразований показывают дальнейший рост неопределенности (риска), а также то, что при проведении реформ недостаточно учтены следующие условия:

- непродуманность и несовместимость властных инноваций и стратегий трансформации массового сознания без учета российской «исторической» ментальности;

- использованы чуждые на этом этапе для России западные политические

и экономические модели устройства и трансформации, натолкнувшиеся на сопротивление ментальной специфики массового сознания;

- не учтено многообразие культурных, идеологических и политических платформ, экономических, религиозных форм, представляющих современную Россию и имеющих собственную историческую ментальную репрезентацию на эти преобразования;

- транстерриториальные границы (приграничные споры, окружение, имеющие историческую, политическую, националистическую и т.д. окраску).

В результате мы видим, что при проведении преобразований политическая и экономическая элита недостаточно учитывала средовые и субъективные факторы, идеологические и социальные преобразования натолкнулись на инертность архетипов менталитета (люди не смогли принять и адаптироваться), имел место быть не комплексный подход к детерминантам риска современной России. В дальнейшем движении по пути преобразования необходимо более пристально рассматривать и учитывать исторический и современный материал, соотнести динамичность и инертность массового сознания и признать, у России нет будущего без учета прошлого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989. – С. 7.
2. Антология исследований культуры. – Т. 1: Интерпретации культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. (B. Malinowski. The Functional Theory // A scientific Theory of Culture and Other Essays. Chapel Hill, 1944. – P. 147-176.
3. ВЦИОМ Пресс-выпуск №1147 Кризис и идейно-политические взгляды Россиян: левый поворот или объединение вокруг власти?
4. Горшкова А.А. Политический риск и методы его оптимизации // Актуальные проблемы политологии: Сборник научных работ студентов и аспирантов Российского университета дружбы народов / Отв. ред.: д.ф.н., проф. В.Д. Зотов. – М.: МАКС Пресс, 2001.
5. Гуревич А.Я. Изучение ментальностей – социальная история и поиски исторического синтеза. Советская этнография. – 1988. – № 6. – С. 18.
6. Караткевич А. Новые подходы к социальным противоречиям. Наука-Культура-Общество. – № 2. – 2009.
7. Кузнецова Н.В. Управление рисками. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2004.
8. Ореховская Н.А. Самобытность массового сознания россиян. Научное сообщение. Социально-гуманитарные знания. – № 4. – 2009.
9. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.
10. Савин И.С. Этнический аспект современной социальной экономической ситуации в Казахстане (1993-1995) (Ethnic Dimension of Social-Economic Situation in Kazakhstan). Этнографическое обозрение. – М.: ИЭА, 1996. – Н. 5.
11. Толстухин О. «Политический риск: Основные детерминанты» Наука-Культура-Общество. – № 2. – 2009.
12. <http://www.filosofy.vuzlib.net/> Книга, подготовлена коллективом специалистов из МЧС России, занимающихся управлением риском, и исследователями из Академии наук, в частности, из Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Института проблем управления РАН, Института машиноведения им. А.А. Благонравова РАН, Международного института математической геофизики и теории прогноза землетрясений РАН, Московского физико-технического института, Московского и Ярославского государственных университетов, работающими в области нелинейной динамики, синергетики, компьютерного моделирования.
13. Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. New York, 1936 (русский перевод: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 1978. – Прим. ред.). – С. 202.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ИСТОРИОЛОГИИ*

Аннотация. Значение цивилизационной парадигмы в историологии, демонстрирует автор, – в корректировке унитарно-стадиального подхода, который не отличает разные типы обществ от общества вообще, являющегося «единственным субъектом истории». Между тем необходимо принимать в расчет, что человечество как агент исторического процесса подразделяется на множество исторических единиц, заслуживающих специализированного изучения. Трактую цивилизацию в качестве эффективного инструмента воспроизводства существования, автор высказывается за единство продуктивного контура человечества, базирующегося на деятельностных инвариантах.

Ключевые слова: социальная сбалансированность, эффективность, оптимальность, цивилизация, формация.

A. Pronin

CIVILIZATIONAL PARADIGM OF HISTORYLOGY

Abstract. The author shows the significance of civilizational paradigms in historylogy in updating unitary-phased the approach which doesn't distinguish different types of societies from a society in general, being «the unique subject of history». Meanwhile it is necessary to take into consideration that the mankind as the agent of historical process is subdivided into set of the historical units deserving specialized studying. Interpreting a civilization as the effective tool of existence reproduction, the author supports the unity of a productive contour of the mankind which is based on active invariants.

Key words: social equation, efficiency, optimality, a civilization, a formation.

Термин «цивилизация» (от лат. «civilis» - «гражданский», «государственный», «общественный») появился в Др. Риме. В научный оборот введен в середине XVIII в. во Франции. Цивилизацию изучает ряд гуманитарных наук (история, этнография, социология, социальная философия).

Первоначально под «цивилизацией» понималось общество, основанное на началах разума и справедливости. Сегодня содержание понятия изменилось. В самом общем смысле «цивилизация – стадия в развитии человечества, когда социальные связи начинают доминировать над природными и когда общество развивается и функционирует на своей собственной основе» [4, 66]. При таком подходе начинают отсчет цивилизации с рабовладельческого общества.

В узком смысле, используемом при типологизации прошлого, «цивилизация», как утверждают авторы «Краткой философской энциклопедии» (1994 г.), имеет следующие значения. Во-первых, особое состояние общества, характеризующееся высокой степенью упорядоченности социальной жизни на основе морали и права, значительного развития образования, науки и техники, технологий деятельности и общения. Во-вторых, «то, что обеспечивает «комфорт», удобства, предоставляемые в наше распоряжение наукой и техникой, политикой и социальной организацией общества». С этой позиции, цивилизация существовала с момента обособления человека в животном мире.

* © Пронин А.С.

Важная особенность цивилизации – цикличность становления. Как отмечает Ю. Яковец, цивилизация – «определенная стадия в циклическом развитии общества» [15, 36]. А. Тойнби выделил периоды ее внутреннего становления: 1) генезис; 2) рост; 3) надлом; 4) распад. На новом уровне воспроизводится идея тождественности эволюции цивилизации циклическим стадиям развития организма, который рождается, живет, гибнет.

Другая особенность – дифференциация цивилизаций. Каждая из них формируется на базе специфических оснований, а потому они не похожи друг на друга.

Учитывая разнообразие толкований базового понятия, изберем в качестве «рабочего» (и наиболее общего) определение Г. Овчинникова: «цивилизации – это большие, длительно существующие самодостаточные сообщества стран и народов, выделенных по социокультурному основанию, своеобразие которых обусловлено ...естественными, объективными условиями жизни ... Эти сообщества в процессе своей эволюции проходят ... стадии возникновения, становления, расцвета, надлома и ...гибели. Единство мировой истории выступает как сосуществование этих сообществ в пространстве и во времени, их взаимодействие и взаимосвязь» [12, 390].

Таким образом, категория «цивилизация» давала создателям типологий истории возможность опираться не на один, а на ряд факторов: культуру, язык, религию и т.д. и демонстрировала циклический (обособленный) характер подобных субъектов исторического процесса.

В становлении цивилизационного подхода к типологизации истории существуют два базовых направления. Одни – это плюралисты, которые выделяют цивилизации, стремясь максимально объединить все имеющиеся основания. Другие – монисты, которые осуществляют цивилизационную типологию истории исходя из одного основания. Между этими двумя крайними позициями и шло развитие цивилизационного подхода в XX в. и ранее.

Плюрализм предполагает соединение (чаще всего – механическое) нескольких критериев выделения цивилизаций: географического, политического, религиозного. Ф. Бэгби выявил в истории человечества девять сменяющих друг друга цивилизаций: египетскую, вавилонскую, китайскую, индийскую, классическую (древнегреческая и римская), перуанскую, среднеамериканскую, западноевропейскую, ближневосточную. Первые пять цивилизаций выделены по политическому признаку, остальные три – по географическому.

Подобную картину встречаем у С. Хантингтона, который рассматривал восемь цивилизаций (синская, японская, индуистская, исламская, западная, православная, латиноамериканская, африканская) [13, 54-60]. Формально, по его оценке, именно «религия является центральной, определяющей характеристикой цивилизаций» [13, 59]. В предложенной им самим классификации на этом основании выделены только две цивилизации – исламская и православная. Кроме того, критерием выделения цивилизаций выступают: география (западная, африканская, латиноамериканская), наличие государственности (японская, китайская). Вследствие этого универсальной схемы периодизации прошлого у Хантингтона при таком плюрализме критериев выделения его этапов не получилось.

Наиболее крупная попытка обоснования цивилизационной типологии истории на базе плюралистического подхода была предпринята А. Тойнби [10]. Однако и в его случае целесообразно говорить о нескольких периодизациях

истории. Сначала Тойнби выделил (на базе доминирующей религии) четыре современных цивилизации: православно-христианскую, исламскую, индусскую, дальневосточную. В прошлом их существовало тринадцать: эллинская – сирийская – китайская – минойская – шумерская – хеттская – вавилонская – индийская – андская – мексиканская – юкатанская – майянская – египетская.

Обратим внимание, что цивилизации выделены на базе опять-таки ряда признаков: государственности (сирийская, вавилонская), общности культур (эллинская), географической принадлежности (юкатанская). Не имея единого критерия типологизации истории, Тойнби постоянно изменяет количество цивилизаций. В 12 томе «Постижения истории» мексиканская, юкатанская, майянская цивилизации превратились в среднеамериканскую, шумерская и вавилонская – в шумеро-акадскую и т.д. Подобных примеров произвольного создания новых «цивилизаций» немало. В итоге ученый останавливается на 23 цивилизациях.

Однако среди «работающих» в рамках цивилизационного подхода на базе плюрализма проявилась тенденция к уменьшению количества выделяемых объектов типологии. Ш. Эйзенштадт выявил исламскую (господствующая религия) и западную, европейскую (тип культуры), цивилизации. Мотивировка такой классификации: «В Средние века и в начале эпохи Нового времени в мусульманском мире и в Европе сформировались две заметно отличающиеся друг от друга модели соотношения между особенностями культурных ориентаций, характером связи центра и периферии, составом институциональных организаторов, с одной стороны, и типами изменений – с другой» [14, 187]. Таким образом, в цивилизационном подходе в рамках плюралистического направления в типологизации истории возникло стремление к монистическому видению действительности.

При рассмотрении позиций сторонников плюралистического направления в цивилизационном подходе становится ясно, что оно заводит в тупик. Очевидно, что отсутствие единого критерия выделения цивилизаций не позволяло ученым создать их полную, лишенную внутренних противоречий типологию, давало возможность разделять исторический процесс на бесконечное число периодов. Следует согласиться с оценкой труда Тойнби, относящейся к заявленному направлению в целом, сделанной Л. Февром: «Нам не преподнесли никакого нового ключа. Никакой отмычки, с помощью которой мы бы могли открыть двадцать одну дверь, ведущую в двадцать одну цивилизацию» [11, 96]. Становилось ясно, что для дальнейшего осуществления периодизации прошлого в пределах цивилизационного подхода ее следует осуществлять из одного основания, на базе единой «отмычки».

Однако в рамках цивилизационного подхода активно формируется монистическое направление, в рамках которого специалисты создают типологии истории, строящиеся на базе лишь одного основания. Рассмотрим наиболее известные попытки классифицировать цивилизации на основе выделения *единого критерия* их периодизации.

Первое основание цивилизационной типологии – климат. Такой подход проявился в работе Ш. Монтескье «О духе народов» (1755 г.). В основе выделения стадий социального развития – господствующий тип климата. Существуют: 1) северные (климат – холодный); 2) южные (жаркий); 3) умеренные (средний) страны.

Конечно, термина «цивилизация» у Монтескье нет, ибо в середине XVIII в. подобная категория еще не вошла в широкий научный оборот. Он выделяет: 1) группы стран по господствующему климату; 2) определяемой климатом ментальности людей. На каждой из таких стадий доминирует специфическая форма социальных отношений. Монтескье утверждал: «В холодных климатах чувствительность человека к наслаждениям должна быть очень мала, она должна быть более значительна в странах умеренного климата и чрезвычайно сильна в жарких странах. Подобно тому, как различают климаты по градусам широты, их можно было бы различать...по степени чувствительности людей». Более того, «есть страны, жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди там исполняют всякую трудную обязанность только из страха наказания» [1, 55].

Монтескье можно считать одним из тех, кто наиболее близко подошел к созданию цивилизационного подхода, ибо объединял государственные образования в группы на основе господствующей здесь ментальности, порожденной климатом. Однако он не использовал категорию «цивилизация», не придал выявленной закономерности (климат-ментальность людей) динамического (стадиального) характера. Поэтому его классификация прошлого не получила развития.

Л. Мечников предложил иной критерий выделения сменяющих друг друга цивилизаций. Это – близость к водоему, водному бассейну. Цивилизации возникли в долинах крупных рек: Египетская – Нила, Ассирио-вавилонская – Тигра и Евфрата, Китайская – Хуанхэ и Янцзы и т.д.

Затем речные цивилизации передают эстафету морским. Как отмечал Мечников, «по прошествии многих веков поток цивилизации спустился по берегам рек к морю и распространился по его побережью. Так наступила вторая эпоха в истории развития цивилизации, которую можно назвать морской или Средиземноморской, так как цивилизация охватила ...берега этого внутреннего морского бассейна, расположенного между Африкой, Азией и Европой» [6, 329].

После открытия Американского континента начинается закат «морской» цивилизации. Ее место занимают страны, расположенные на берегах Атлантического океана, – Португалия, Испания, Франция, Англия, Голландия. Начался океанический период человеческой истории.

Таким образом, в типологии Мечникова выявляются сменяющие друг друга цивилизации: 1) речные; 2) морские; 3) океанические. Критерий их выделения – близость ряда государственных образований (сообществ) к водоемам разной площади. Периодизация Мечникова оказала существенное влияние на последующих мыслителей и выступила предпосылкой формирования в конце XIX в. геополитики.

Недостаток такого подхода - преувеличение воздействия одного фактора на ход исторического развития. Не все государства вписывались в его классификацию. Отсюда - объяснить, например, к какой цивилизации относится Россия, имевшая крупные реки (Днепр, Волга), выходы к морям (Черному, Балтийскому), океанам (Северному Ледовитому и Тихому), - невозможно. Она и речная, и морская, и океаническая цивилизация одновременно.

Мечников пытался наложить собственную типологию на традиционную, включавшую Античность, Средние века, Новое время. С первым периодом он связывал речные, со вторым – морские, с третьим – океанические цивилиза-

ции. Это обстоятельство мешало универсализации, предложенной Мечниковым типологии прошлого.

Неудача выделения близости государств к водным бассейнам как критерия типологизации истории, привела сторонников цивилизационного подхода к мысли: на эту роль должна претендовать география, т.е. пространственное местоположение какой-либо территории на Земле. Наиболее часто по данному основанию стали выделять Восточную и Западную цивилизации. Подобная тенденция прослеживается у И. Гердера, Г. Гегеля и др. В XX в. работы, рассматривающие Запад и Восток как самостоятельные государственно-культурные образования (цивилизации), появились у Н. Конрада, А. Никифорова и т.д.

Западная цивилизация достаточно подробно изучена, ее выделение вызывает гораздо меньше критических замечаний. Как отмечает Л. Семенникова, «западный тип цивилизации можно обозначить как тип прогрессистского развития, при котором возникла самоподдерживающаяся экономика, демократическое общественное устройство, развитые системы жизнеобеспечения (здравоохранение и гигиена, социальная помощь и социальные гарантии, система распределения и перераспределения материальных благ и т.д.)» [8, 43]. С подобным определением и выделенными признаками Западной цивилизации (рыночная экономика, демократия, система справедливого жизнеобеспечения) согласно большинство ученых. К тому же, сюда можно добавить и иные (обобщенные В. Ильиным [5, 210]) свойства Запада: либеральность, правосознательность, самоорганизованность, децентрализованность, горизонтальность, индустриальность, мобильность.

Вызывает дискуссии вопрос об истоках и территориях, входящих в состав Западной цивилизации. Л. Семенникова считает, что ее отсчет надо вести с античных Греции и Рима. К Западу относятся: некоторые доколумбовы цивилизации Мезоамерики (ацтеки), современная Европа [8, 43]. Хантингтон начинает с более поздних времен: «Зарождение Западной цивилизации обычно относят к 700-800 гг. нашей эры. Ученые ...подразделяют ее на три ...составляющих: Европа, Северная Америка, Латинская Америка» [13, 56]. Ясперс отождествлял Запад с Др. Ираном, Палестиной, Грецией [16, 33].

С Восточной цивилизацией дело обстоит сложнее. Конечно, Восток как тип социальной организации отличает ряд характеристик: властность, волюнтарность, директивность, централизованность, вертикальность, аграрность, инерционность [5, 210]. Но ученые предпочитают отделять их от западных преимущественно не столько по способу общественного устройства, сколько по доминирующей ментальности. Как отмечает Семенникова, здесь «общественное мнение носит харизматический характер. Действительность воспринимается не только в реальности, через чувственный опыт, но ...через призму религиозной догматики. Цель существования таких обществ понимается как движение к ... божественному идеалу» [8, 34].

Достаточно разнообразен и список стран, которые относятся к Восточной цивилизации («миру»). Гердер включал сюда Китай, Индию, Персию, Вавилон, Иудею, Египет, Карфаген и т.д. [3, 290-344]; Ясперс относил к Востоку Индию и Китай [16, 32]. Современные ученые оставили от него лишь Индию, Китай, Вавилон [8, 33].

В результате Восточная цивилизация не имеет определенных пространственных и временных границ. Западная цивилизация однозначно связывается

учеными с конкретным типом общественного устройства (демократическим), экономического развития (рыночная экономика) и т.д. Однако перечисленные отличия – лишь внешние формы Западной и Восточной цивилизаций. Необходимо выявить и раскрыть глубинные причины создания такой типологии.

Запад развился из полисной организации социальных отношений, ориентированных на частную собственность, правовую, граждански - демократическую культуру. Его социальный базис – универсальные гарантии ответственному лицу, связанные с возможностью проводить, отстаивать собственные интересы. Отработка механизма подобных гарантий породила корпус прав, свобод, обязанностей, а с ними – систему социокультурных статусов, требующих существования человека как инициативного, правоприменительного, владеющего определенной собственностью субъекта социальных отношений. Сформировавшийся на этой основе порядок вовлечения, участия людей в такой социальной организации – генетическая основа существования западной цивилизации.

Восточная цивилизация создавалась на иной базе – посредством выработки политарной (кратократической) системы социальных отношений. Необходимость налаживания земледелия на мало приспособленных к этому почвах порождала высокую затратность сельского хозяйства, которая компенсировалась лишь возможностью получать несколько урожаев в год. Эта ситуация вела к усилению трудовой кооперации, а значит – государства. Доминирующим становилась управленческая сфера, бюрократический аппарат, возрастала роль правителя, обладавшего огромной бесконтрольной властью. На первый план выходили: деспотизм, централизм, администрирование, этатизм, общинность. Формируясь с течением веков, эти признаки воплотили сущностные черты Восточной цивилизации.

Рассмотрим основные черты Западной и Восточной цивилизаций, порожденные их социальной организацией [5, 214-215].

1. На Западе имеет место существование порожденных системой экономических отношений классов, на Востоке – правовых и бесправных слоев.

2. На Западе государство обеспечивает развитие экономики, выполняет роль «ночного сторожа» (А. Смит). На Востоке оно стоит над экономикой, собственностью. Приписываемый таким способом прибавочный продукт идет на содержание обширного аппарата чиновников, а также храмов.

3. Коммуникация на Западе обеспечивается взаимным интересом людей; на Востоке – надзором, при помощи полицейских мер.

4. Правящие группы на Востоке благодаря сопричастности к властным структурам господствуют и в экономике – владеют, распоряжаются, распределяют, перераспределяют прибавочный продукт. На Западе такие функции – удел собственников.

5. На Западе при наличии субъекта частного права жизнь регламентируется системой формальных кодексов (законов). На Востоке в отсутствии субъекта социальных прав социальное поведение предполагает административный произвол. Отсюда роль правителя в любом Восточном государстве чрезвычайно возрастала: «Нижестоящих чиновников назначали те, кто был рангом выше, тех, в свою очередь, — ещё более вышестоящие и т.д. Но где-то должен был существовать верховный назначающий, выше которого не стоял никто» [9, 211]. Таким образом, на Востоке логика развития социальной системы приводила к тому, что она нуждалась в сильном, авторитарном лидере.

6. На Востоке законы пишутся от имени и во имя государства, направленные на обеспечение его интересов. На Западе – во имя и от имени лица.

7. На Западе право – гарантия свободы, на Востоке гарантия свободы – статус, место во властной элите.

8. На Западе время представляется линейным (предполагает прогрессивное движение от низших состояний к высшим); на Востоке – инверсионным (циклическим), допускающим постоянное периодическое воспроизводство сходных состояний.

9. Для Запада характерна урбанизация, рост городов. Для Востока (вследствие доминирования сельского хозяйства) – их ограниченное количество.

Вместе с тем у географического варианта цивилизационного подхода есть недостатки. Категории «Восток» и «Запад» – крайне общие, не привязанные к конкретному месту, неопределенные, относительные. Как отмечает Хантингтон, «использование терминов «Восток» и «Запад» для обозначения географических районов является сбивающим с толку и этноцентрическим. «Север» и «Юг» имеют повсеместно принятые исходные точки – на полюсах. У понятий «Восток» и «Запад» такие базисные точки отсутствуют. Вопрос заключается в следующем: восток и запад чего? Все зависит от того, где вы стоите» [13, 58].

На базе подобных понятий формируются теории доминирования одного типа цивилизации над другим. Л. Мизес утверждал: «Что бы люди ни говорили о западной цивилизации, фактом остается то, что все народы с завистью смотрят на ее достижения, стремятся их воспроизвести и тем самым неявно признают ее превосходство» [7, 242].

В рамках цивилизационного подхода важным критерием выделения цивилизаций выступает и господствующая религия. Типологии строятся путем объединения стран в цивилизации по доминирующей в каждой из них системе религиозных верований. Типичный пример – периодизация А. Тойнби. Он выделял следующие типы обществ: 1) православно-христианское (византийское); 2) исламское; 3) западное христианское.

В настоящее время наиболее подробно идею классификации цивилизаций по религиозному основанию разрабатывает С. Хантингтон. Он не только вычленил исламскую и православную цивилизации, но и настаивал именно на таком критерии их выделения: «Сейчас термин «Запад» используется для обозначения того, что раньше именовалось западным христианством» [13, 58]. Более того, Хантингтон подкреплял подобные тезисы ссылками на исторические факты из 90-х гг.: «В югославском конфликте Россия предоставляла дипломатическую помощь сербам, а Саудовская Аравия, Иран, Турция, Ливия предоставляли финансовую помощь и оружие боснийцам не по причине идеологии, ...или экономических интересов, но из-за культурного родства» [13, 24-25]. Логика рассуждений ученого проста: Россия и Сербия – страны, относящиеся к православной цивилизации. Значит, должны помогать друг другу.

Достоинство периодизации прошлого, базирующейся на выделении цивилизаций по религиозному принципу – единый критерий разделения исторического процесса. Одновременно подобная классификация статична. Ученый только фиксирует существующие цивилизации, не дает прогноза их развития (как делали марксисты в рамках формационного подхода).

Недостаток типологии, построенной на базе доминирующей религии, – сложность ее вычленения, невозможность построения на такой основе надежных объяснительных схем. Даже такой форпост Западной цивилизации, как

США, ныне сложно считать христианской страной. Как с грустью отмечает П. Бьюкенен, «когда-то американцы были христианской нацией... Но нынешнюю доминирующую культуру правильнее назвать постхристианской, или даже антихристианской, поскольку ценности, ею прославляемые, суть анти-тезис древнего христианского учения» [2, 17].

Конечно, проще всего отождествить каждую мировую религию (христианство, ислам, буддизм) с отдельной цивилизацией. Но как быть с иными влиятельными религиями: например, иудаизмом? Почему ему не дать “отдельной” цивилизации, не выделить место в типологии истории?

На практике каждая мировая религия внутренне дифференцирована. Возникает вопрос: им тоже надо предоставить «отдельную» цивилизацию? В исламе существуют два направления: шииты и сунниты. У каждого из них есть тысячи сторонников, длительная история. Тогда надо выделить шиитскую и суннитскую цивилизации. Подобное положение верно и в отношении христианства. Не случайно Тойнби предоставил по цивилизации православным и католикам. К этому же склоняется и Хантингтон. Это правильно. А как быть с протестантами, которые имеют многочисленных последователей в Европе и на Американском континенте? Почему Тойнби и Хантингтон не включили их в свои периодизации истории? К тому же, есть и более мелкие религиозные направления, секты. Тогда не целесообразно ли говорить о «баптистской цивилизации», «цивилизации адвентистов седьмого дня», «цивилизации мунитов», «цивилизации Аум Сенрикэ» и т.д. ?

Здесь обнаруживается, что цивилизационный подход фактически уходит в бесконечность. Если принять, что все религии равны друг другу, каждую надо выделить в отдельную цивилизацию. Как нельзя строить историческую науку, суммируя истории отдельных индивидов, невозможно (оставаясь в поле научных рассуждений), выдвинуть версию цивилизационного подхода, учитывающую большинство существующих ныне на Земле религиозных верований.

Что делать? Можно вслед за В. Ильиным признать: «цивилизации не обособливаются по религиозному фактору» [5, 211]. Значит, следует прекратить развивать цивилизационный подход в этом направлении. Существует, однако, и другой вариант – ввести единый критерий дифференциации цивилизаций по данному признаку. Например, мировые религии – основание типологизации истории, остальные течения – нет. При таком допущении цивилизационный поход, типологизирующий историю на базе доминирующей религии, становится методологически корректным. Но тогда (при искусственном сужении объектов анализа) насколько адекватно он будет отражать разнообразие исторического процесса? Ответа на вопрос пока нет.

Эволюция поиска универсальных оснований цивилизационного подхода привела ученых к выделению в качестве такового экономики. Ю. Яковец выявил следующие сменяющие друг друга «циклы-цивилизации»: неолитическая (7-4 тыс. до н.э.) – восточно – рабовладельческая (3-е - первая половина 1-го тысячелетия до н.э.) – античная (VI в. до н.э.-VI в. н.э.) – раннефеодальная (VII – XIII вв.) – прединдустриальная (XIV-XVIII вв.) – индустриальная (60-е гг. XVIII – 60-70-е гг. XX в.) - постиндустриальная (80-е гг. XX в. – конец XXI в. - начало XXII в.) [15]. Итак, цивилизационный подход к типологии истории, пройдя ряд промежуточных этапов, вернулся к модернизированному, количественно расширенному, формационному, объединенному с постиндустриальным. Фазы исторического процесса выделяются на основе стадий эконо-

мического развития. От классического цивилизационного подхода Яковец оставляет только идею циклического становления каждого исторического этапа, определенное внимание к его культурной составляющей.

Итак, в XVIII – XX вв. цивилизационный подход к истории прошел длительную эволюцию. В его рамках создавались типологизации прошлого как плюралистического (Шпенглер, Тойнби), так и монистического характера. Последние базировались на: близости какой-либо территории к водоему (Мечников); географии (Гегель, Гердер и др.), господствующей религии (Тойнби, Хантингтон); экономике (Яковец). Примечательно, что монистическая версия цивилизационной типологии прошлого через ряд этапов и пришла к тому же основанию, что и формационный подход, – экономике. Отсутствие единого критерия внутри цивилизационной платформы привело к крайней поляризации существующих в его рамках периодизаций исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М.: Прогресс, 1993. – 608 с.
2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2003. – 444 с.
3. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 705 с.
4. Гобозов И. А. Введение в философию истории. – М.: Гуманитарное знание, 1993. – 543 с.
5. Ильин В. В. Философия истории. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 380 с.
6. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. – М.: Прогресс, 1995. – 464 с.
7. Мизес Л. Теория и история. Интерпретация социально – экономической эволюции. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 295 с.
8. Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – Брянск: Курсив, 1996. – 526 с.
9. Семёнов Ю. И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. — 1997. — № 1. — С. 156-217.
10. Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
11. Февр Л. Бой за историю. – М.: Наука, 1991. – 529 с.
12. Философия истории. /Под ред. А. Панарина – М.: Гардарики, 2001. – 432 с.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
14. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование сообществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
15. Яковец Ю. В. У истоков новой цивилизации. – М.: Дело, 1993. – 235 с.
16. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ МАТЕМАТИКИ В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ*

Аннотация. Математическое познание, по версии автора, предстает единством двух видов математической деятельности. Первый – разработка абстрактных, концептуальных схем, выраженных ресурсами формализованных языков. Второй – испытание, применение свободно созданных абстрактно-логических построений. Критерием адекватности продуктов математического познания служит не априорная интуиция, не опытное созерцание, а общая плодотворность свободно созданных абстрактных схем в научной деятельности.

Ключевые слова: математическое познание, эффективность, естествознание, изоморфизм, моделирование, формализация.

A. Pronin

PROBLEM OF MATHEMATIC EFFICIENCY IN NATURAL SCIENCES

Abstract. according to author's opinion the mathematical knowledge appears as unity of two kinds of mathematical activity. The first – working out of the abstract, conceptual schemes expressed by resources of formalized languages. The second – test, application of freely created abstract-logic constructions. As criterion of adequacy of mathematical knowledge products, not skilled contemplation, and the general fruitfulness of freely created abstract schemes the aprioristic intuition serves in scientific activity not.

Key words: mathematical knowledge, efficiency, natural sciences, isomorphism, modeling, formalization.

Вопрос о поразительной эффективности математики в естествознании всегда интересовал ученых и методологов. Однако отсутствие ясности в этом вопросе дало повод известной растерянности: факт эффективности математики в естествознании часто квалифицировался как непостижимый (Вигнер) [3, 192] или непознаваемый (Бурбаки) [2, 258]. Мы не разделяем подобные оценки и настроения: пессимизм никогда не был конструктивным. Глубокие причины эффективности математики в естествознании кажутся нам вполне познаваемыми и постижимыми. Они, если отбросить детали частных мнений, сводятся к следующему.

I. Не будучи скована границами предметной области, математика располагает большими эвристическими и исследовательскими возможностями. Условия деятельности математика сравнимы с условиями деятельности научного фантаста. Действительно, в чем причины поразительной реалистичности и исключительной достоверности многих научно-фантастических прогнозов? «Видение сквозь время» объясняется свободой деятельности: трудностей практической реализации идей не существует, имеет место нескованное условиями творческое моделирование более или менее правдоподобных ситуаций, ограничиваемое одним – требованием внутренней непротиворечивости, самосогласованности, когерентности процесса и результата конструирования. Подобное же наблюдается и в математике. Анализируя предмет в «чистом» виде как

* © Пронин А.С.

некую логическую возможность, математика предвосхищает потенциальное предметно-содержательное его исследование в соответствующих теориях. Скажем, геометрия Лобачевского возникла как итог обнаружения возможности построения геометрии на той же аксиоматике, что и евклидова, с видоизмененной аксиомой о параллельных. Полученная Лобачевским новая геометрия была «воображаемой», абстрактной математической структурой. Однако спустя некоторое время она нашла применение в СТО (пространство скоростей релятивистской механики является пространством Лобачевского), в космологии (во фридмановских открытых моделях пространственное сечение в сопутствующих материи системах отсчета описывается геометрией Лобачевского) и т.д.

Каковы причины этого? Чем объясняется существование тесной связи между математическими структурами и экспериментальными явлениями, иллюстрируемой, в частности, данным примером?

Сила математики – в абстрактно-универсальном (которое может быть только формальным) изучении предмета, что в свое время обосновали Грассман, Буль и др. Ставя вопрос о логической возможности чего-либо, математика анализирует предмет в максимально общем виде. Результатом анализа являются предметно недетализированные структуры, отвечающие критерию непротиворечивости. Будучи непротиворечивыми, математические структуры оказываются безразмерным резервуаром естественнонаучных интерпретаций: в зависимости от потребностей исследования они могут быть различным образом предметно, онтологически специфицированы. Реальная «безмерность» математических структур, их способность удовлетворять любым потенциальным интерпретациям часто порождает ощущение, что они «мудрее, чем мы, мудрее, чем их первооткрыватели, что мы получаем из них больше, чем в них было первоначально заложено» (Г.Герц) [6, 143].

Собственно, в чем магическая сила математических структур? В том, что они заключают в себе истину (это выясняется *post festum*) как бы раньше, до предметного знания того, истиной о чем является формально выраженная истина. Математика, таким образом, заготавливает истины как бы впрок, так как они воспринимаются как истины лишь спустя какое-то время (после нахождения подходящей интерпретации). Естественнонаучное познание складывается как бы из двух планов: общего – количественно-формального (математического) и особенного – качественно-предметного (естествоведческого). Они не синхронизированы во времени – этим и объясняется наличие «ножниц» между моментом генерации математических структур, которые могут быть положены в основу естественнонаучной теории, и моментом полного построения последней, связанного с нахождением интерпретаций математических структур. В этом, конечно, нет ничего мистического или непостижимого, в чем убеждает и пример геометрии Лобачевского.

Рассмотрим второй ранее поставленный вопрос о причинах связи математических структур с естественнонаучными явлениями. Эффективность математики в естествознании с этой стороны объясняется тем, что утверждения как математики, так и естествознания количественно детализируемы, так или иначе подводимы под категорию «числа» («величины»), поэтому, если математические структуры интерпретировать как количественные соотношения между величинами, которым соответствуют какие-то реальные свойства, они обретают референты, становятся приложимыми к действительности. Механизмом перевода математических структур на язык естественнонаучных экспери-

ментальных явлений, служат, как известно, правила соответствия, включающие операциональные определения. Отметим наличие опять-таки двух планов изучения «числа»: математического и естественнонаучного. Математика рассматривает «число» формально через призму аксиоматик либо Цермело, либо фон Неймана. Естествознание рассматривает «число» предметно через призму операциональных определений. Однако эти планы могут быть совмещены за счет естественнонаучного истолкования «чисел» посредством «меры», «величины», «измерения» и т.п.

Следовательно, нетрудно понять: тайна необычайной эффективности математики в естествознании скрыта в идентификации формализмов с величинами, в единицах измерения. Все это представляет собой, образно говоря, «гвозди», которыми математические структуры «приколачиваются» к естественнонаучным явлениям [4, 36]. В случае геометрии Лобачевского такими «гвоздями» были количественно детализированные утверждения теории метрики пространства отрицательной кривизны, которая, возникнув в абстрактно-математическом, предметно «раскрепощенном» плане, впоследствии нашла приложение в рамках СТО, ОТО и т.д., трансформируясь в онтологически специфицированный естественнонаучный план.

II. Математическое изучение предмета неотделимо от перевода проблемы с интуитивно-содержательного на формально-аксиоматический язык, что делает нестрогие качественные представления строгими и точными, и тем самым расширяет эвристические горизонты исследования. Афоризм Дарвина - «Математика, подобно жернову, перемалывает лишь то, что под него засыплют» – на наш взгляд, несколько легковесен. Математика – наука творческая, и ее творческая природа проявляется в естествознании в виде использования наработанных в математике идей и конструкций. В их числе:

1) *Формальные построения*, которые выступают буквально как архетипы будущих предметно-содержательных естественнонаучных конструкций и теорий. Так, спинорные представления были развиты Картаном как сугубо математические. Впоследствии, однако, Дирак нашел в них «полевые величины нового вида, простейшие уравнения которых позволили вывести свойства электронов» [8, 184]. Абстрактная математическая схема превратилась в конкретное естественнонаучное представление. Примеры такого рода неисчислимы. На базе теории групп, которую еще в начале века при пересмотре программы в Пристонском университете Джинс рекомендовал исключить из преподавания на том основании, что она якобы «никогда не найдет применения в физике», в 1961г. «восьмиричным» путем Гелл-Манн предсказал существование неизвестной частицы омега-минус, которую в 1964 г. открыли Фаулер и Сеймиос. Разработанная Коши и Риманом теория функций комплексного переменного внедрена в теорию электрических цепей. Развитый Гильбертом функциональный анализ, сформулированная Коши и Эрмитом теория матриц успешно используются в квантовой механике. Фактором прогресса статистической механики выступила математическая теория канонических систем дифференциальных уравнений Гиббса. Во всех этих и многочисленных подобных им случаях вопреки формуле Дирихле вычисления не заменяют, а вызывают идеи. Объяснимся подробнее.

Математика продуцирует онтологически неспецифицированные структуры; естествознание реализует только те из них, которые осмысленны с его позиций; возможная же переоценка естественнонаучной «неосмысленности»

некоторых математических структур, как правило, влечет проникновение идей в естествознание. К примеру, Дирак, поставивший цель сформулировать уравнение для частицы со спином, которые из уравнения с двойным решением: $E > E_0 = m_0 c^2$ (1) и $E < -E_0 = m_0 c^2$ (2). С физической точки зрения (2) – бессмысленно, как бессмысленны многие математически осмысленные корни уравнений n -степени. Однако Дирак не отбросил возможность – подчеркиваем: физически бессмысленную – отрицательного решения; поиск его интерпретации навел на мысль существования позитрона, который предсказан в 1931-м, а открыт в 1932 г.

2) *Представления о гармонически изящных отношениях*, отвечающих принципам симметрии. С этим, в частности, связаны исторически реализованные программы математизации естествознания. Среди них - выражающие идею количественной пропорциональности, гармоничности, концепции числа (Пифагор), правильных многогранников (Платон), совершенных геометрических фигур (Евдокс, Птолемей) и т.д., оказавшие заметное влияние на естественнонаучный поиск. Если считать, что неотъемлемым спутником математизации естествознания выступает уразумение приложимости математики к естественнонаучным явлениям, то общим для всех программ математизации естествознания будет признание того, что природа представляет собой реализацию простейших математически мыслимых элементов и что посредством чисто математических конструкций можно найти те понятия и закономерные связи между ними, которые дают ключ к пониманию явлений природы [8, 184].

3) *Формальные точки зрения*, которые в достаточной степени ограничивают бесконечное разнообразие возможностей.

Мир без ограничения разнообразия был бы полностью хаотическим (У.Р. Эшби). Инструментом упорядочения мира в науке является теория. Она огрубляет, схематизирует, идеализирует, по-разному интерпретирует мир, рассматривая его через призму конечного множества основоположений. В свою очередь, основоположения, используемые теорией образы и их закономерные связи, как правило, «могут быть получены в соответствии с принципом отыскания математически простейших понятий и связей между ними» [7, 185]. Эффективность математики в данном случае – в немногочисленности числа эвристических схем, возникающих в качестве моделей разнообразных явлений. С одной стороны, число математически возможных простых типов соотношений между явлениями природы и простых уравнений, возможных между ними, ограничено, – на этом основано применение математики как инструмента познания мира вглубь. С другой стороны, свобода от привязки математики к конкретной онтологической области позволяет вырабатывать предметно универсальные формализмы, единообразно описывающие свойства объектов различной природы, – на этом основано использование математики как инструмента познания мира вширь.

III. Язык математики, очень удобный в обращении, оптимизирует естественнонаучную деятельность. Всякой теории поставлен в соответствие свой особый математический язык. В классической механике это язык чисел, векторов; в релятивистской механике – язык четырехмерных векторов и тензоров; в квантовой механике – язык операторов и т.д.

Динамика смены математического языка, используемого, к примеру, в физике, является хорошим индикатором стадий роста этой науки. Классикомеханическая программа, принятая в физике до XX в., исходила из возмож-

ности редукции всей физики к механике. Однако применяемый в последней аппарат обыкновенных дифференциальных уравнений не позволял описывать тепловые, электрические явления и т.д. В связи с этим Фурье предложил использовать более «гибкий» аппарат дифференциальных уравнений в частных производных. Но, как показал опыт (и он оказался неуниверсальным), в рамки дифференциально-аналитического подхода не вписывались релятивистика и квантовая механика. В настоящее время математический фундамент физики многообразен. После доказательства невозможности редуцировать содержание физики к содержанию механики (соответственно показу невозможности редукции используемого в физике математического аппарата к обыкновенным дифференциальным уравнениям) этот фундамент образуют идеи не только дифференциально-аналитического, но и теоретико-группового (теоретико-инвариантного) (СТО), дифференциально-геометрического (ОТО) и функционально-аналитического (квантовая механика) подходов. Их многообещающий синтез лежит в основе программы построения физики будущего.

Свобода выбора математического аппарата для соответствующих теорий ограничивается давлением эмпирии, необходимостью принимать в расчет наличие объективной логики предмета, – в конце концов, именно она, а не математический аппарат определяет позитивное содержание теории.

Естествознание – ассоциация опытных наук, связанных с конкретными фрагментами действительности; обращению к тому или другому математическому аппарату здесь должен предшествовать тщательный анализ вопроса о его адекватности в смысле согласуемости с содержанием соответствующего действительности опыта. Для ученого-естественника важна идентифицируемость математического аппарата с величинами, – только в этом случае он способен выполнять описательную, генерализирующую, кодифицирующую, нормативную и другие функции, «утверждать» нечто об объективной действительности.

Непротиворечивый математический аппарат, будучи неприемлем для описания действительности в одной теории, вполне может оказаться приемлемым для той же цели в другой. Обоснованием этого в общем случае служит положение о предметной интерпретируемости непротиворечивых математических структур. Истоки же принципиальной применимости математического аппарата к описанию действительности заключаются в эмпирическом происхождении математических структур.

IV. Задавая принципы объективной фиксации результатов в виде требований инвариантности уравнений (формулировок, законов) теории относительно групп преобразований, математика выступает своеобразным «гарантом» объективности естественнонаучных знаний. Это положение требует разъяснений. Дело в том, что уравнения абстрактного математизированного естествознания не описывают непосредственно поведение материальных объектов. Будучи сформулированы применительно к реальности идеализированной, конструктивной, они описывают поведение идеальных объектов – математической точки (классическая механика), точки-события (СТО) и т.д., – имеющих модельный статус относительно их объективных аналогов. Совершенно ясно, что требование инвариантности уравнений, описывающих поведение идеализаций, относительно групп преобразований гарантировать объективность в смысле совпадения естественнонаучных знаний с действительностью не может. Гарантом их истинности и достоверности служит практика, эмпирическая апробация,

опыт. Тем не менее расценивать требование инвариантности уравнений естественнонаучной теории относительно групп преобразований как гарант их объективности можно и необходимо.

После перечисления, этих, как кажется, основных причин возможности и желательности использования математики в естествознании зафиксируем факторы, которые препятствуют или сдерживают процесс его математизации. К ним мы бы отнесли такие:

а) Математизация (в частности, квалификация, метризация, логификация) возможна лишь при наличии обратной связи, творческого диалога между математикой и естествознанием. Однако установление диалога – вещь не всегда осуществимая. В самом деле, формулировки и утверждения математики в естествоведческом плане бессмысленны, под чем понимается, в первую очередь, их опытная, экспериментальная, фактуальная и т.д. бессмысленность. Наделение естественнонаучным смыслом формулировок математики достигается через интерпретацию, операциональные определения. В одних случаях наделять математические утверждения естественнонаучным смыслом удается: таков, например, коэффициент аффинной связности в теории гравитации. В других случаях это оказывается невозможным, к примеру, естествовед не видит смысла аксиомы Архимеда, иррациональных и трансцендентных чисел, несоизмеримостей и т.д., – он не может работать с координатой X , имеющей «величину $X = \sqrt{2}$ дюймов или $X = \pi$ сантиметров» [1, 64]. В этих случаях очевидно: математизация естествознания неосуществима!

б) Математизация возможна лишь при совпадении возможностей естественнонаучного спроса и математического предложения. «Математик – приводит Эйнштейн афоризм друга-математика, – на что-то способен, но, разумеется, как раз не на то, что от него хотят получить в данный момент» [7, 14]. Ситуация, описываемая наиболее «обидной» частью этого афоризма, которая идет после «но», вовсе не обидна и имеет глубокие корни в практике функционирования математики и естествознания.

С позиций используемости математического аппарата в естествознании следует выделить три случая. Первый – аппарат математики актуально используется в естествознании. Второй – аппарат математики может использоваться потенциально. Здесь имеются две возможности. Существует материальная возможность потенциального применения математического аппарата в естествознании. Этот вариант описывает хорошо известные факты временного несоответствия двух планов естественнонаучной деятельности – получения формализма и его интерпретации. Зачастую, как отмечает Дирак, «легче открыть математическую формулу, необходимую для какой-нибудь основной физической теории, чем ее интерпретировать».

Это потому, что число случаев, среди которых приходится выбирать при открытии формализма, весьма определено, так как в математике не много основных идей, тогда как при их физической интерпретации могут обнаруживаться чрезвычайно неожиданные вещи» [5, 140]. Вспомним, насколько нетривиальной оказалась проблема нахождения материального носителя электромагнитных процессов в пространстве, свидетельствует тот факт, что теория Максвелла, казалось бы базирующаяся на признании поля в качестве объективной реальности, рассматривалась современниками как чисто феноменологическая теория – система уравнений Максвелла, – так и не получивших до создания СТО удовлетворительного толкования.

Существует формальная возможность потенциального применения математического аппарата в естествознании. Вариант описывает факт существования реально неиспользуемых в естествознании математических структур, которые не внедряются в теории по причине несоответствия требованиям «предметной логики», но которые все же могут быть внедрены в них по причине самонепротиворечивости.

Третий случай – требуемого естествознанию математического аппарата не существует. Возможность данного случая определяется, с одной стороны, реальным пресыщением естествознания потреблением наличных математических структур, которые уже не удовлетворяют его запросам, а с другой стороны, реальным отсутствием необходимого математического аппарата, который мог бы удовлетворить имеющиеся у естествознания запросы. Почему возникают «ножницы» в производстве и потреблении естествознанием математических структур? Ответ прост. Математика – не придаток естествознания, а автономная наука, вообще не производящая осмысленную в естественнонаучном плане продукцию: это не ее дело. Генерация результатов в математике подчиняется не внешним запросам, какими выступают и запросы естествознания, а внутренней логике изменения проблемной области. Математика удовлетворяет запросы естествознания в решении только тех вопросов, которые могут быть осознаны и поняты как вопросы математические. Наличие «ножниц», таким образом, есть следствие объективного взаимоотношения двух самостоятельных научных дисциплин. Естествознание применяет математику только тогда, когда оно способно спроецировать математические структуры на свою проблемную область, перевести формулировки математики на свой язык, и наоборот.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация. - М.: Мир, 1966. – 271 с.
2. Бурбаки Н. Очерки по истории математики. - М.: ИЛ, 1963. – 292 с.
3. Вигнер Е. Этюды о симметрии. - М.: Мир, 1971. – 320 с.
4. Смирнов Г. Числа, которые преобразили мир // Техника молодежи, 1981, №1. – С. 35-39.
5. Степин В.С., Елсуков А.К. Методы научного познания. - Минск: БГУ, 1974. – 152 с.
6. Терентьев М.В. Теория эфира. - М.: ФАЗИС, 1999. – 176 с.
7. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. - М.: Наука, Т. II. – 878 с.
8. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. - М.: Наука, Т. IV. – 600 с.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В РОССИИ*

Аннотация. В статье анализируется проблема степени влияния природно-климатического и геополитического факторов на социально-экономическое и политическое развитие России. На этой основе показаны различия основных параметров капиталистической эволюции в Западной Европе и в нашей стране, а также вытекающая из этих различий задержка генезиса гражданского общества в России и значительная власть аппарата.

Ключевые слова: климатические условия, географический фактор, капитализм, социальная эффективность, экономическая эффективность, гражданское общество.

K. Serdobintsev

GEOGRAPHICAL FACTOR AS A DETERMINANT OF SOCIETAL EVOLUTION AND A STATE IN RUSSIA

Abstract. The article focuses its attention upon the issues of the degree of influence of natural-climate factors on the socio-economic and political development of Russia. The key differences of the basic parameters of the capitalistic evolution in Western Europe and in Russia are shown. The delay of the civil society development and a strong power of a red tape are well analyzed.

Key words: climate conditions, geographical factor, capitalism, social effectiveness, economic effectiveness, civil society.

В настоящее время, когда Россия находится в поиске наиболее соответствующей ее состоянию социально-экономической и политической модели, необходимость глубокого понимания влияния природно-климатических и геополитических факторов на наше современное социальное бытие, наряду с изучением структуры и механизмов взаимодействия культур в исторической перспективе, являются важнейшими условиями построения такой модели. «К концу XX века русский народ переживает исторический упадок, а держава, впитав отчасти «дух народный» в годы войны, что дало ей временный взлёт могущества на мировой арене, вновь утратила его и пришла к распаду и краху, к кризису самосознания и нигилизму к своей истории» [6, 12]. В такой ситуации актуализируется проблема объективной оценки соотношения традиции и новаций в процессе взаимодействия культур.

Существуют два противоположных подхода её решения. В соответствии с одним, считается, что наличие традиционных норм и институтов является главным препятствием для восприятия новых культурных форм и одним из условий прогресса этого процесса считается отказ от традиции. Другой подход заключается в том, что именно наличие традиционных норм и институтов позволяет культуре–реципиенту наиболее безболезненно усвоить новые культурные формы, не нарушив при этом стабильности в обществе, которая является залогом сохранения внутренней сущности этой культуры, ее национальной идентичности. По нашему мнению, степень возможных трансформаций во

* © Сердобинцев К.С.

многим определяется географическими и геополитическими условиями, и в то же время - согласимся - «любая государственная стратегия, социально-экономическая доктрина или концепция внешней политики всегда имеет философскую основу» [6, 14].

Мы полагаем, что существуют базовые факторы, во многом определившие специфику российского социума и влияющие на протяжении всей российской истории. Значительная часть этих факторов связана с природно-климатическими условиями. Тяжёлые климатические условия в значительной степени определяли специфику генезиса и последующего развития российской государственности. «Достаточно сказать, что в России из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта составляли 50%, а, например, транспортные издержки во внешней торговле были в 6 раз выше, чем в США. Как это влияло на цену, рентабельность, зарплату, стоимость кредита и пр.? По сути, один лишь географический фактор заставлял в России принять хозяйственный строй, очень отличный от западного» [4, 8].

Можно, однако, указать, по крайней мере, ещё четыре фактора, затруднившие генезис древнерусского государства и продолжающие влиять на нашу жизнь сегодня.

Во-первых, тяжёлые климатические условия. Отрицательная изотерма января, короткий (три-четыре месяца) вегетативный период, бедные почвы. Отсюда – низкий прибавочный (избыточный) продукт, который может быть изъят в виде налогов.

Во-вторых, бедное и редкое население (суть естественное следствие из первого). Всё, кроме самого необходимого, изымалось в виде налогов. Холодный климат делал затратным содержание крупного рогатого скота и лошадей. Соответственно, удобрений было мало, а использовать плуг проблематично. Это делало почти невозможным хозяйственный прогресс и определяло структуру питания населения. Даже через несколько столетий после изобретения плуга он применялся крайне ограничено, равно как и другие эффективные сельскохозяйственные технологии. Низкая плотность населения делала почти невозможной экономическую интеграцию. Крестьяне в течение столетий вели, фактически, натуральное хозяйство.

В-третьих, большая территория. Этот фактор, наложенный на два предыдущих, затруднял процесс создания государства и экономическую интеграцию. Он оставлял невостребованным интенсивный путь развития экономики при наличии почти неограниченных ресурсов для экстенсивного развития.

В-четвёртых, полиэтнический состав населения. Славянский элемент, в целом, был ведущим, но не единственным. На этой территории жили финно-угорские, балтские, германоязычные этносы. Причём племена, относящиеся к разным языковым семьям, жили вперемежку. Этническая карта населения Восточно-Европейской равнины представляла собой картину сложную, мозаичную.

Эти факторы, наряду с перманентной внешней угрозой, вполне логично объясняют даже факт “призвания” Рюрика с дружиной. Процесс политической централизации в России всегда опережал процесс экономической интеграции. Отсюда и «двухэтажная» структура. Внизу население, рассыпанное, в основном, по сельскохозяйственным общинам-мирам, а наверху административно-властный аппарат. Низкая способность к самоорганизации за предела-

ми общины (внутри которой самоорганизация носит вынужденный характер) вполне естественна: население организуется сверху, аппаратом [2].

Закрепощение крестьянства, всевластие аппарата, сакрализация монаршей власти – следствия влияния данных четырёх факторов. Говорить серьёзно в такой ситуации о гражданском обществе не приходится, так как оно в более или менее развитом виде появляется только при капиталистическом способе производства.

Россия относится к странам так называемого *второго эшелона* развития капитализма. У стран второго и третьего эшелонов развития капитализма существуют общие черты: а) значительная роль внешнего импульса и неорганичность капиталистической эволюции; б) сосуществование буржуазных и докапиталистических структур; в) острые социальные противоречия и диспропорции; г) слабость местной буржуазии. Некоторые формационные предпосылки (например, социально-экономические) здесь выражены слабо, а какие-то (например, политические или правовые) могут долгое время вообще отсутствовать.

В основе, определившей основную специфику российского варианта буржуазной эволюции, лежат следующие факторы: а) бедное и редкое население; б) низкий уровень социально-политической автономии городов, большинство из которых было не столько торговыми центрами, сколько форпостами обороны; в) слабое развитие ремесла; г) огромная, но малопродуктивная территория. Сравнение природных условий России со странами Западной Европы и США не в пользу нашей страны. «В среднем по России выход растительной биомассы с 1 гектара более чем в 2 раза ниже, чем в Западной Европе, и почти в 5 раз ниже, чем в США. Сегодня лишь 5% сельскохозяйственных угодий в России имеют биологическую продуктивность на уровне средней по США. Если в Ирландии и Англии скот пасется практически круглый год, то в России период стойлового содержания - 180-212 дней. Однолошадный крестьянский двор в среднем мог заготовить только 300 пудов сена и продуктивного скота держать не мог. Внедрение капитализма и рынка заставило увеличить посевы хлеба на экспорт, так что количество скота с начала XX века стало быстро сокращаться, что, в свою очередь, привело к снижению плодородия почв» [4, 14].

Фактически те же факторы, которые затрудняли генезис древнерусского государства, детерминировали и специфику буржуазной эволюции. Их действие осложняло решение национальных задач и результатом явилось постепенное закрепощение и большое податное напряжение общества, затруднявшее накопление прибавочного продукта, а также рост военно-административного аппарата государства. Это были «непреодолимые ограничения, которые накладывали географическая и геополитическая реальность, доступность ресурсов и уровень развития страны» [5, 395].

В отличие от Запада, где рост капиталистических отношений шёл параллельно с разложением отношений феодальных, в России первым, и при этом уже весьма зрелым, росткам капитализма суждено было прививаться в условиях не отмирающего, а расцветающего феодализма. Российское феодальное государство укрепляло под собой почву пересадкой зрелых ростков капитализма Европы, развитых форм знания и технологий. Заимствуя технико-организационные формы производства и управления, оно тем самым продлеvalo своё существование. Безусловно, одновременно закладывались и предпосылки грядущих конфликтов – импортируемые элементы одной формации входили

в противоречие с общей системой другой формации; кроме того, инерция подражания подхватывала по пути что-то избыточное – стандарты потребления, идеи и прочее. Пересадка технико-организационных элементов европейской буржуазной формации (при развитии товарно-денежных отношений внутри страны в XVIII в.) сопровождалась в России усилением феодальной эксплуатации, ростом крепостнических отношений вширь. На протяжении XVIII в. помещичье землевладение выросло вдвое.

Российская буржуазия с самого начала была вынуждена подстраиваться к господствовавшим самодержавно-крепостническим порядкам. Узкокастовость, отстаивание сословных привилегий, преобладание форм феодальной монополии, правовая необеспеченность и социальная приниженность – такие черты отличали процесс складывания буржуазно-купеческих элементов в России в дореформенный период.

В пореформенный период (то есть после отмены крепостного права в 1861 г.) всесторонняя зависимость российской буржуазии от самодержавно-бюрократического аппарата не только сохранилась, но даже усилилась. Царизм приручал буржуазию путём гарантированных заказов, щедрых субсидий, передачи частным лицам рентабельных казённых предприятий, или, наоборот, взятия в казну предприятий убыточных. Следствие: а) прилив капиталов к казённым (государственным) поставкам; б) стремление к сверхдоходам вместо ориентации на среднюю прибыль; в) попытки посредством таможенных барьеров и всяческих льгот оградить себя от любой конкуренции [7].

Результат: а) сформировался слой близких к правительственному аппарату промышленных и финансовых богачей; б) выросшие «снизу» предприниматели добивались прибыли во многом ещё докапиталистическими методами; в) средний предпринимательский слой не мог играть решающей роли. Вплоть до начала XX в. торговый капитал преобладал над промышленным [1].

После октября 1917 г. ситуация, характеризующая систему отношений административно-властного аппарата и общества (населения), как это не кажется странным, изменилась не столь сильно, как можно было бы рассчитывать. «Коммунистическое общество, - читаем мы у А.А. Зиновьева, - есть единый социальный организм – органическое целое. В силу отсутствия в нём частного предпринимательства, классов частных собственников, свободного рынка, политического плюрализма и других явлений общества западного типа здесь система власти и правления приобретает особую роль. Она здесь пронизывает общество во всех измерениях, становится фактически фундаментом всего здания общества. Коммунистическое общество поэтому есть общество чиновников прежде всего, подобно тому как капиталистическое общество есть общество частных предпринимателей (капиталистов), а феодальное – земельных собственников. Огромное число учреждений и людей, занятых в системе власти и управления, является абсолютно необходимым атрибутом реального коммунизма. Он так же немыслим без этой системы, как капитализм без частных предпринимателей, денег, прибыли, конкуренции, банков» [3, 58].

В такой ситуации развитие гражданского общества было затруднено, так как (тут следует согласиться с К. Марксом) гражданское общество есть буржуазное общество. Западная Европа - это единственный регион мира, в котором буржуазное общество явилось итогом собственной длительной эволюции, а не возникло под влиянием действия внешних факторов. Страны Западной Европы относятся к странам первого эшелона развития капитализма, для которо-

го характерны были, во-первых, длительность и органичность буржуазного развития и, во-вторых, единство стран западноевропейского региона (географическое, экономическое, геополитическое, культурное). Длительное складывание экономических предпосылок заключалось и в раннем разложении феодального хозяйства, и в технологическом прогрессе, и в возникновении и совершенствовании буржуазных форм кредита и обмена.

Свободные договоры крестьян с феодалами повсеместны уже в XIV в. Первичные формы капиталистического предприятия (с раздачей сырья на дом) появляются во Фландрии в XV в. В XV в. возникают и первые торговые биржи (Венеция, Флоренция) и быстро распространяются на другие страны. В начале XVII в. появляются первые акционерные компании (Англия, Нидерланды) и быстро распространяются на другие страны.

На XVI–XVII в. приходится складывание не только национальных рынков, но и общеевропейского рынка, на котором уже достаточно чётко вырисовывается тенденция конкуренции (между английскими и голландскими суконными мануфактурами в XVI в., между лионскими и североитальянскими шелковыми предприятиями в XVII в. и т.д.). Сначала возникают отдельные элементы капиталистического производства и обмена, а затем они связываются в систему. При этом скачки промышленного роста в европейских странах осуществлялись по большей части на прочной основе подъёма сельскохозяйственного производства и создания рыночного излишка в аграрной сфере.

Кроме того, следует иметь в виду ещё один фактор (почти отсутствовавший в России), а именно «совершенно необходимым условием для возникновения и развития западного капитализма было *длительное изъятие огромных ресурсов из колоний*. Самый дотошный историк нашего века Ф.Бродель, изучавший «структуры повседневности» - детальное описание потоков и использования всех средств жизни, писал: «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики... Он вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда». По данным Броделя, в середине XVIII в. Англия только из Индии извлекала ежегодно доход в 2 млн. ф.ст., в то время как все инвестиции в Англии оценивались в 6 млн. ф.ст. Таким образом, если учесть доход всех обширных колоний Англии, то выйдет, что за их счет делались и практически все инвестиции, и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т.д. Еще более жесткие оценки значения ресурсов колоний и «третьего мира» дал К.Леви-Стросс, а в последнее время - экономисты ООН» [4, 8].

Постепенно складывались и социальные предпосылки. Во-первых, классовое расслоение в ремесленных корпорациях, купеческих гильдиях и сельском земледельческом населении; во-вторых, сближение торгового и мануфактурно-промышленного предпринимательского слоя; в-третьих, рост социального могущества третьего сословия в целом; в-четвёртых, рост количества освобождённой от средств производства рабочей силы. В XVI в. в Англии лица, работающие по найму, составляли 1275000 человек.

Правовые предпосылки. Во-первых, использование римского права; во-вторых, средневековый суд «пэров» эволюционировал в суд присяжных; в-третьих, в рамках средневекового обычного права формировалось представление о верховенстве закона, который нельзя игнорировать в угоду правительству и который может быть отменён только парламентом, а не единолично королём, – представление, реализованное в акте 1679 г. Тем самым закладывались осно-

вы юридического обеспечения буржуазной демократии: доступ к власти через систему выборов, правовая независимость индивида от власти, подчинение и самой власти праву.

Политические предпосылки складывались, прежде всего, в городах, где издавна функционировали различные общественные организации и формы самоуправления. Впрочем, надо подчеркнуть, что, хотя основные принципы буржуазной демократии (приоритет парламента как законодательной власти над королём, полномочность «ответственного министерства», разделение исполнительной и судебной властей) были провозглашены в конце XVII в., в полной мере политической реальностью они стали значительно позже – в той же Англии лишь в ходе парламентских реформ XIX в. (введение всеобщего избирательного права).

Более полутора веков уходит на утверждение свободы печати. От памфлетов Дж. Мильтона (конец XVII в.) и появления крупных политических газет во второй половине XVIII в. до полной отмены в 1855 г. гербового сбора на прессу, бывшего сильнейшим средством давления на печать со стороны властей.

Идейно-культурные предпосылки. Именно в сфере культуры вырабатывается система ценностных ориентаций, направляющих социально-трудовую деятельность человека. Во Флоренции в XVI в. практически всё население было грамотно. Значительную роль в культурной жизни Западной Европы играли университеты. Кроме того, Возрождение и Реформация во многом обеспечили единство стран европейского региона.

Соответственно в Западной Европе сложился буржуазный способ производства, развитое гражданское общество и механизм самостимулируемого экономического роста. Экономика детерминировала все стороны общественной и государственной жизни. Экономическая эффективность преобладала над социальной и определяла её. Критерием экономической эффективности была прибыль. Под социальной эффективностью мы понимаем относительное согласие со своим положением значительной части населения. Такой тип общества почти перманентно переживает процесс модернизации-инновации. Наука, как фактор развития техники и технологии, становится поистине производительной силой общества. Это характеристики так называемого современного общества. Именно такой тип организации экономики способствует генезису и развитию гражданского общества.

Россия до недавнего времени была обществом несовременным, или традиционным. Социальная эффективность преобладала над экономической. Модернизация была возможна только как модернизация-мобилизация, когда государство в лице руководителей ставит задачи и мобилизует для их решения соответствующие ресурсы.

Реальная экономическая интеграция различных регионов была незначительной вплоть до XX в., крестьянское хозяйство - почти натуральным, а относительно успешное развитие промышленности во второй половине XIX - начале XX в. стимулировалось голодным (производство зерна на душу населения в России было ниже, чем в европейских странах, покупавших его) экспортом российского хлеба и иностранными заимствованиями. Кроме того, в значительной степени промышленное развитие служило цели обеспечения обороноспособности страны. Несмотря на это, феодальная экономика (в целом несовместимая с развитым гражданским обществом) первой половины XIX в. обеспечивала развитие страны. Возможности развития феодальной формации

в России накануне реформы 1861 г. не были исчерпаны. С 1802 по 1855 г. посевная площадь в стране возросла при росте населения на 50% - с 38 до 58 миллионов десятин, то есть на 53%, а валовые сборы зерна увеличились на 50%. Кризис феодализма в России проявился, прежде всего, в сравнительно-историческом плане. Наблюдалось резкое, прогрессирующее отставание России от капиталистических стран Европы. Удельный вес России в мировом производстве составлял в 1860 г. 1,72% [2]. Влияние государства на экономическую жизнь страны оставалось преобладающим. Капитализм в России сохранял многие добуржуазные элементы. Россия оставалась традиционным обществом, в котором были перемешаны элементы старого и нового.

Революция 1917 г. привела к ликвидации буржуазных элементов и закреплению двухэтажной структуры «население–аппарат», и «...главным оказался вопрос, - сошлёмся вновь на авторитет А.А. Зиновьева, - не столько о взятии власти, сколько о создании мощной системы власти после разрушения аппарата власти прошлого общества. Именно создание системы власти такого типа оказалось главным делом революции, главным условием сохранения её результатов и выживания страны» [3, 264]. Да, всё это имплицитно присутствовало и в дореволюционный период, но именно в советском обществе достигло развитых форм. Ситуация начала меняться лишь с конца 80-х гг. XX в. Однако факторы, о которых говорилось выше, продолжают оказывать существенное влияние на все стороны жизни нашей страны и сегодня. Это, безусловно, заставляет считаться с ними при анализе социальной обстановки в стране и создании теоретических моделей её развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861 - 1892 годы). - М., 1960.
2. Дружинин Н.М. Социально-экономическая история России /Избр. труды. - М., 1987.
3. Зиновьев А.А. Катастрофа. - М., 2003.
4. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга 1. - М., 2001.
5. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга 2. - М., 2003.
6. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. - М., 2003.
7. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблема торгово-промышленной политики. - Ленинград, 1981.

«ВЕРТИКАЛЬНАЯ» И «ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ» ОСИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Аннотация. В статье рассматривается межкультурная коммуникация, реализуемая по «вертикальному» (мораль, традиции, ритуалы, вербальная и невербальная коммуникация) и «горизонтальному» (военные действия, торговля, туризм, научный обмен) направлениям исторического развития социума, анализируются особенности современного процесса межкультурной коммуникации в формате глобального преобразования общественной системы. Каждой культуре присущ механизм селекции, отбора, благодаря которому она как бы отфильтровывает общественную жизнь, практику, оставляя в качестве культурных образцов, стандартов, канонов только некоторые элементы, которые и становятся общими и в определённой мере обязательными для всех членов социальной общности. Культура формируется различными методами и способами, воплощающими ментальность, национальный дух, сущность человека и человечества. Культурные феномены различных этносов взаимодействуют, обогащаются, изменяются. Показательны попытки изменить культуру насильственным путём, помимо механизма селекции, без учёта самобытности культуры внедрить в нее новые «прогрессивные» элементы. Такой путь разрушает целостность культуры, её внутренние взаимосвязи. Это тоже подчеркнуто в статье.

Общественное воспроизводство включает воспроизводство личности, всей системы общественных отношений, в том числе технологических и организационных. Культура представляет собой процесс общественного воспроизводства и развития самого человека как субъекта разносторонней социальной деятельности и общественных отношений. С каждым типом общественного воспроизводства связан свой тип культуры, выражающий место и значение культуры в жизнедеятельности общества. Рассмотрение взаимодействия культурных типов по «вертикальной» и «горизонтальной» осям социального пространства и времени есть, таким образом, в некотором роде, новый подход в изучении межкультурной коммуникации в глобальном мире.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, развитие, человек, способ.

A. Sivkov

“VERTICAL” AND “HORIZONTAL” AXES OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS

Abstract. In article the intercultural communications realised on vertical (morals, traditions, rituals, verbal and nonverbal communications) and horizontal (military operations, trade, tourism, a scientific exchange) directions of historical development of society are considered. In this work features of modern process of intercultural communications in a format of global transformation of public system are analyzed. To each culture the mechanism of selection, selection thanks to which it as though filters a public life, is inherent in an expert, leaving as cultural samples, standards, canons only some elements. They become the general and in a

* © Сивков А.В.

certain measure obligatory for all members of a social generality. The culture is formed by various methods and the ways embodying mentality, national spirit, essence of the person and mankind. Cultural phenomena of various ethnoses cooperate, are enriched, change. Attempts to change culture a violent way, besides the selection mechanism are indicative, without the account of originality of culture to introduce in it new progressive elements. Such way destroys integrity of culture, its internal interrelations. Public reproduction includes reproduction of the person, all system of public relations, including technological and organizational. The culture represents process of public reproduction and development of the person as the subject of versatile social activity and public relations. The type of culture expressing a place and value of culture in ability to live of a society is connected with each type of public reproduction. Consideration of interaction of cultural types on vertical and horizontal axes of social space and time is the new approach in studying of intercultural communications in the global world.

Key words: intercultural communications, development, the person, a way.

Культура народа формируется на протяжении многих исторических эпох, она есть прошлое, опрокинутое в настоящее. Это «память» о прошлом, зафиксированная в стереотипах сознания и поведения, символах, обрядах и обычаях. Наиболее глубинные пласты культуры связаны тысячей нитей с более динамичными и меняющимися поверхностными слоями, отражающими специфику конкретной исторической эпохи и часто несущими в себе новое, противоречащее традициям содержание. Коммуникативное поведение - это продукт миллионов лет эволюции, оно заложено как генетически, так и обусловлено нашей принадлежностью к какой-либо культуре, группе, полу, возрасту и т.д.

Субъекты во всех культурах вступают между собой в самые разные отношения, в контексте которых они встречаются, обмениваются мнениями, совершают какие-то поступки и т.д. Смысл каждого конкретного поступка зачастую необходимо понять, ибо он не всегда лежит на поверхности, а чаще всего скрыт в традиционных представлениях о том, что нормально (эти представления в разных культурах и социокультурных группах также бывают разными).

Много связанных с культурой проблем имеют международный, и даже глобальный аспект. Остро стоят проблемы «массовой культуры», духовности и бездуховности. В то же время все большее значение приобретают воздействие, диалог, взаимопонимание различных культур, в том числе отношения современной западной культуры и традиционных культур развивающихся стран Азии, Латинской Америки. Таким образом, интерес к вопросам теории культуры имеет глубокие практические корни. Все это стимулировало разработку философских проблем культуры и межкультурного обмена, взаимодействия этнических, религиозных, расовых групп и т.д.

Автор данной работы предлагает свой логический ряд в изучении межкультурной коммуникации, применяя «вертикальную» и «горизонтальную» оси в процессе коммуникации в пространственно-временных исторических координатах. Понятия «вертикальной» и «горизонтальной» коммуникации не являются авторскими изобретениями, однако, в данной интерпретации они используются впервые.

Групповые нормы отражают особенности общения, закрепленные культурой для определенных профессиональных, социальных и возрастных групп.

Есть особенности коммуникативного поведения мужчин, женщин, юристов, врачей, детей, родителей, «гуманитариев», «технарей» и т.д.

Ситуативные нормы обнаруживаются в случаях, когда общение определяется конкретной ситуацией. Такие ограничения могут быть различны по характеру. Так, ограничения по статусу общающихся позволяют говорить о двух разновидностях коммуникативного поведения - вертикальном (вышестоящий - низестоящий) и горизонтальном (равный - равный). Граница между различными типами подвижна, она может нарушаться. Кроме того, здесь также наблюдается национальная специфика: так, общение мужчины и женщины в русской культурной традиции выступает как горизонтальное, а в мусульманской – как вертикальное; общение старшего с младшим у мусульман гораздо более вертикально, чем у русских и т.д.

В китайской философской системе рассматривается вопрос о разворачивании культурного генотипа Дао. В частности, в этой теории говорится, что в первобытном обществе человек в единстве с природой создает родовую организацию, переходит к земледелию и животноводству, получает больше продуктов питания. При этом род укрепляется, перерастает первоначальные оптимальные размеры и подвергается горизонтальной и вертикальной дифференциации. В горизонтальном плане род делится на пять родовых групп: от исходного рода отделяются четыре дочерние родовые группы, которые занимают территориальные секторы в ориентации по сторонам света и получают наименования «Восточного», «Южного», «Западного» и «Северного» родов. Исходный род именуется «Центральным».

По вертикали род делится на три уровня: верх, центр и низ. В родовой семье верх занимает мужчина (янь), низ – женщина (инь), центр – родовые поколения детей (цзы). В социально-экономической градации рода верх занимают ванные – цари, низ – общинники, центр – военные и хозяйственные организаторы (родовые герои). В природе им в соответствие ставятся: верх – Небо, низ – Земля и центр – Поднебесная [3, 54-56].

Можно дать научную дефиницию понятию социальной коммуникации: социальная коммуникация есть движение смыслов в социальном времени и пространстве. Это движение возможно только между субъектами, так или иначе вовлеченными в социальную сферу, поэтому предполагается обязательное наличие коммуникантов и реципиентов. Существует следующее научное толкование: *коммуникация* есть опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов. Это взаимодействие может, в частности, представлять собой движение материальных объектов в трехмерном геометрическом пространстве и в астрономическом времени или движение идеальных объектов (смыслов, образов) в многомерных умозрительных (виртуальных) пространствах и временах.

Перемещение материального объекта в геометрическом пространстве из пункта А в пункт Б – в этом заключается цель транспортной или энергетической коммуникации. Цель взаимодействующих субъектов заключается не в обмене материальными предметами, а в сообщении друг другу смыслов, обладающих идеальной природой. Носителями смыслов являются знаки, символы, тексты, имеющие внешнюю, чувственно воспринимаемую форму, и внутреннее, постигаемое умозрительно содержание.

Определенный интерес представляет вертикальная ось данного процесса - различия в культурных кодах разных поколений. Мир быстро меняется, что

отражается в частом “накатывании” новых волн медиа-продукции: традиционные архетипы распадаются, объемы информации резко увеличиваются, на освоение и присвоение классических культурных образцов не остается ресурсов, существующие фильтры работают на знакомство с “новым”, которое обновляется настолько быстро, что ни один из культурных продуктов не успевает стать “хитом”. Мы не будем рассуждать о качестве вновь создаваемых произведений, остановимся лишь на том, что они быстро сменяют друг друга.

Из появившихся за последние 20 лет продуктов культуры, даже если они удостоены самых лучших наград и самых положительных рекомендаций, далеко не все успевают быть просмотренными/прослушанными/прочитанными большинством социальной группы (что является ключевым условием формирования кода). Налицо тенденция фрагментации культуры. Нет системы потребления медиапродукции, нет устоявшихся принципов отбора и оценки культурных ресурсов и такой важный момент в формировании культурного кода как знакомство с культурными образцами - осуществляется хаотически, случайно.

Подобная тенденция чревата утратой единого языка культурных символов и отсылок, на котором можно выстраивать “диалог народов и поколений”. В своей идее “диалога культур” М.М. Бахтин (а затем и В.С. Библер) использовал мысль о том, что в мире ничто не пропадает бесследно: культура Древней Греции живет в сознании отдельного человека точно так же, как и культура Средних веков и все современные культурные течения. Но огромный объем информации, который сейчас обрушивается на индивида, не может гармонично “сложиться” в индивидуальном сознании [2, 143].

Таким образом, при ускорении темпов смены культурных образцов и появления новых способов коммуникации, новых типов медиа-контента, увеличении количества художественных произведений (музыка, кино, литература, изобразительное искусство) остается все меньше общих оснований для построения символической коммуникации, отсылок к единому культурному фону даже в рамках одной нации и - далее - в рамках одного поколения. Усиливается разрыв между поколениями, углубляются противоречия между социальными группами, распадаются сами социальные группы, хаотично формируются многочисленные атомарные структуры, слабо объединенные личными вкусами. Возможность коммуникации на основе формирования общих принципов и норм - общих культурных кодов - затрудняется.

Одни ученые связывают культуру с традициями, рассматривают ее как социальное наследие общества, другие подчеркивают нормативный характер культуры и трактуют ее как свод правил, определяющих образ жизни. Третьи понимают под культурой сумму всех видов деятельности, обычаев, верований, традиций. Однако, каковы же функции культуры. Вот их основной перечень:

1. Гуманистическая, или человекотворческая, – воспитание, возвращение, возделывание духа. Она направлена на превращение богатства совокупной человеческой истории во внутреннее достояние личности и является условием развития его сущностных характеристик.

2. Функция исторической преемственности (информационная) – функция трансляции социального опыта. Благодаря ей каждое поколение начинает свой путь развития, будучи обогащенным опытом предыдущих поколений.

3. Гносеологическая, познавательная функция культуры. Культура является своеобразной «базой данных» человечества, собирая и сохраняя получен-

ные им знания. В связи с этим все культуры могут различаться по характеру использования знаний, по качеству их усвоения и ассимиляции.

4. Коммуникативная функция культуры заключается в том, что она выступает в качестве основного средства общения между людьми, так как воплощает в себе объективное содержание эпохи, а также личностные переживания, взгляды и отдельные позиции субъектов. Более того, культура и существует именно как момент коммуникации, диалога, где проявляются не только ее потенциальные смыслы, но и формируются новые, изначально не предполагаемые значения.

5. Семиотическая, или знаковая, функция (от греч. семиотика – «учение о знаках») – одна из важнейших. Без изучения соответствующих знаковых систем овладеть достижениями культуры невозможно. Так, литературный язык выступает средством овладения национальной культурой. Для познания различных видов искусства – живописи, музыки, театра – нужны также специфические языки. Собственные знаковые системы имеют и естественные науки (физика, химия, биология и т.п.).

6. Регулятивная (нормативная) функция связана с регулированием различных видов общественной и личной деятельности людей; она поддерживается моралью и правом.

7. Адаптационная функция проявляется в эффективном приспособлении индивида к требованиям общества, приобретения им необходимого набора социальных черт, что формирует у него ощущение психологической безопасности и комфорта.

Представив таким образом функции культуры, охарактеризуем более детально «вертикальные» и «горизонтальные» оси межкультурной коммуникации.

Восприятие мира культуры должно быть не в качестве стихийного образования, а как результат целенаправленных усилий самих людей по совершенствованию и преобразованию того, что дано человеку природой. Культура, порожденная стремлением человека искать смысл жизни и деятельности, изначально связана с человеком и вне связи с ним не существует. В вертикальной оси межкультурной коммуникации можно выделить главные и определяющие элементы: вербальную и невербальную коммуникацию (ритуалы, традиции, обряды); мораль, право и религию, как основные регуляторы человеческого поведения.

Вербальная коммуникация – это общение с помощью слов, невербальная – это передача информации с помощью различных несловесных символов и знаков (например, рисунков и т.п.). Однако невербальные средства общения также неоднородны. Среди них существуют чисто рефлексорные, плохо контролируемые способы передачи информации об эмоциональном, физиологическом состоянии человека: взгляд, мимика, жесты, движения, поза. Чаще всего именно их и называют средствами невербальной коммуникации.

Речевая сторона коммуникации имеет сложную многоярусную структуру и выступает в различных стилистических разновидностях (различные стили и жанры, разговорный и литературный язык, диалекты и т.п.). Все речевые характеристики и другие компоненты коммуникативного акта способствуют его (успешной либо неуспешной) реализации. Говоря с кем-либо, мы выбираем из обширного инвентаря возможных средств речевой и неречевой коммуникации те средства, которые нам кажутся наиболее подходящими для выражения наших мыслей в данной ситуации.

Формы социальной регуляции принимаются как определенные правила, необходимые для существования в обществе. Но для того, чтобы соответствовать социальным требованиям, необходимы культурные механизмы, исторические стереотипы, нравственные табу. Среди этих механизмов выделим традиции, ритуалы, обряды.

В переломные моменты истории, ещё не ставшей прошлым, а представляющей бурное настоящее, довольно обычны — пожалуй, даже традиционны — обращения к древним временам. При этом не только проводятся параллели, сопоставляются события разных эпох, но и делаются попытки усмотреть в давних деяниях предков основы сегодняшнего менталитета, культуры, образа жизни. Именно так обстоит дело с внезапно возникшим пристальным интересом к истории Руси XIII-XV веков, то есть периоду, хорошо известному под названием “татарского ига”, “татаро-монгольского ига”, “монгольского ига”. Возврат к более тщательному рассмотрению, а порой и пересмотру прошлого диктуется обычно не одной, а несколькими причинами. Интерес не столько к самому игу, сколько к его влиянию на весь ход развития нашей страны, даже конкретно — на её сегодняшний день, а также на становление русского национального самосознания.

Огромный и в сущности страшный ущерб был нанесен монголо-татарами русскому крестьянскому хозяйству. В войне разрушались жилища и хозяйственные постройки. Рабочий скот захватывался и угонялся в Орду. Этот ущерб не ограничивался опустошительными грабежами во время набегов. После установления ига огромные ценности уходили из страны в виде “дани” и “запросов”. Постоянная утечка серебра и других металлов имела тяжелые последствия для хозяйства. Серебра не хватало для торговли, наблюдался даже “серебряный голод”. Монголо-татарские завоевания привели к значительному ухудшению международного положения русских княжеств. Древние торговые и культурные связи с соседними государствами были насильственно разорваны. Пришла в упадок торговля. Нашествие нанесло сильный разрушительный удар культуре русских княжеств. Завоевания привели к длительному упадку русского летописания, которое достигло своего расцвета к началу Батыева нашествия. Монголо-татарские завоевания искусственно задерживали распространение товарно-денежных отношений, натуральное хозяйство не развивалось.

Другой пример военного захвата и разграбления культурных ценностей — военная операция США в Ираке наших дней:

Ворота древнейшей столицы Месопотамии, Вавилона, впервые с начала войны в Ираке открылись для публики. Ранее ученые уже оценили масштаб разрушений. Расположенная на месте раскопок в древнем Вавилоне военная база антииракской коалиции нанесла непоправимый ущерб историческому памятнику, по словам представителей Британского Национального музея.

По их данным, сотни предметов, возраст которых исчисляется тысячами лет, уничтожены или пропали с места раскопок. В частности, американская военная техника разрушила кирпичный фундамент, датируемый VII веком до нашей эры. А фрагменты (кладки) кирпичей, на которых стояло клеймо царя Навуходоносора II, оказались разбросанными по округе. Драконы, украшавшие Ворота Иштар — один из самых известных в мире археологических памятников, — получили значительные повреждения, вызванные тем, что кто-то пытался отковырять декоративные кирпичи, украшающие их.

Кроме того, как заявили представители Британского музея (которых ми-

нистерство культуры Ирака пригласило исследовать Вавилон) с места раскопок исчезло огромное количество грунта, вместе с находящимися в нем археологическими фрагментами. Этим грунтом военнослужащие наполняли мешки с песком, которые использовали для временных укреплений. Словом, по оценкам ученых, таких разрушительных последствий не оставила даже древняя персидская армия Кира Великого [4].

Культурное самовыражение народа всегда вызывает интерес. Природная любознательность туриста в отношении различных уголков мира и населяющих их народов является одним из наиболее сильных побудительных туристских мотивов. Несмотря на то, что практически любую информацию можно получить из печатных периодических изданий, художественной литературы и других источников, не стареет старая истина: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Поэтому регион, заинтересованный в привлечении туристов, должен разумно планировать и развивать специальные программы и мероприятия, способствующие повышению интереса к его культуре, распространять информацию о своем культурном потенциале в расчете на привлечение потенциальных туристов.

К исходу XX столетия туризм стал нормой жизни современного человека и одним из эффективных средств удовлетворения досуговых потребностей населения. В настоящее время приобретает массовый характер. Это объясняется возрастанием роли и значимости туризма в жизни общества, усилением его влияния на процессы воспроизводства жизненных сил людей, народов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – 607 с.
2. Библер В.С. На гранях логики культуры. – М., 1997. – 342 с.
3. Серкина А.А. Символы рабства в древнем Китае. – М., 1982. – С. 54-56.
4. [http://www.russianamerica.ru/archive/j-article.php?2005-01-19 08:13:22](http://www.russianamerica.ru/archive/j-article.php?2005-01-19%2008:13:22).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

Аннотация. В статье исследуются проблемы возникновения и развития феномена культовой реальности как особого типа социального взаимодействия. Автор использует методологию социального конструктивизма П. Бергмана и Т. Лукмана для изучения феномена культовой социализации. Культовая реальность возникает в процессе специфической процедуры вторичной социализации, которую автор определяет как культовую альтернацию. Данный тип социального конструирования реальности требует процесса ресоциализации. Культовая реальность, представляясь нам как intersубъективная действительность, должна быть объективирована не только в сознании индивида (адепта культа), но и разделена им с другими людьми. Именно благодаря intersубъективности культ как чувство поклонения получает возможность лично закрепляться в качестве особой структуры социальной реальности и трансформировать мир повседневной жизни в культовую реальность. Особенность культовой социализации заключается в том, что в ходе неё в повседневном мире индивида происходит замена обыденного смысла окружающих предметов на альтернативные культовые значения, приобретающие новые смыслы. Предметы реальности в культовом сознании индивида интернализируются заново, становятся предметами культа. Данный процесс автор и определяет как культовую альтернацию.

Ключевые слова: культ, культовая реальность, культовость, культовая социализация, альтернация.

К. Tendit

SOCIAL ASPECTS OF CULT REALITY

Abstract. The problems concerning the appearing and development of cult reality as a special type of social interaction are under study in the article. The author uses the methodology of social construction offered by P. Bergman and T. Lukman to investigate the phenomenon of cult socialization. Cult reality appears in the course of the specific procedure of secondary socialization that is defined by the author as cult alternation. This type of social construction of reality demands re-socialization. The cult reality, though seems to be intersubjective reality, must be objective not only in the individual conciosness (of an adept of a cult), but must be shared with other people as well. It is because of intersubjectivity that cult as a feeling of worship is able to consolidate as a special structure of social reality and to transform everyday life into cult reality. The peculiarity of cult socialization is that in the process of it there is a replacement of usual meanings of objects in the person's everyday life into alternative cult ones, while they get new senses as a result. Real objects in person's cult conciousness are internalized and become cult objects. The author defines this process as cult alternation.

Key words: cult, cult reality, cultivity, cult socialization, alternation.

* © Тендит К.Н.

Культ представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве особого цельного мира. Члены культового сообщества в их субъективно осмысленном поведении не только считают мир культовой жизни само собой разумеющейся реальностью – это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реального. В этом смысле мы можем говорить о существовании культовой реальности как интересубъективного мира.

Культовая реальность имеет «интенциональную» природу и связана с чувством поклонения чему-либо или кому-либо. Всякое поклонение, будь то религиозное, эстетическое, научное или политическое, рождается в недрах сильного эмоционального субъективного переживания, связанного с определенным явлением реальности. В дальнейшем поклонение становится формой идентификации субъекта, базирующейся на стремлении возратить тот первоначальный эмоциональный настрой, который возник в результате первого «соприкосновения» субъекта и объекта поклонения. Совершение актов поклонения основывается на желании субъекта объединиться с объектом, вернуть эмоциональный, психический контакт, который возник при первом коммуникативном взаимодействии. Для установления правильной коммуникации субъект поклонения стремится уподобиться своему объекту при помощи одного или нескольких возможных культовых средств.

Процесс уподобления заключается в соединении культовой и профанной сфер повседневного бытия субъекта, в ходе чего преобразуется жизненная ситуация личности поклоняющегося, даруя ему духовное, иногда и физическое удовлетворение, расширяя горизонты миропонимания, психологически ограничивая или раскрепощая его внутренний мир. Конкретный результат культовой деятельности зависит от личностных потребностей субъекта культа. В ходе подобной рецитации, культ переносит поклоняющегося из времени и обстановки повседневной жизни, в ситуацию переживания культовой реальности. Своей деятельностью индивид стремится создать эманацию тех обстоятельств и переживаний, которые вызвали рождение культа, то есть создать особую культовую действительность, которая удовлетворяла бы его навязчивую потребность в постоянном взаимодействии с предметом культа [4]. Поклонение порождает целый комплекс поведенческих ориентиров, переживаний, представлений, которые и образуют культовую систему или культовую действительность, являющуюся неотъемлемой частью ментальной структуры общества.

Опираясь на методологию Льва Семеновича Выготского [2] и Альфреда Шюца [9], мы определяем культовую систему как особый вид психической интересубъективной реальности (определение, которое дал Л. Выготский) или конечной области значений (термин, введенный А. Шюцем), которая проявляется в результате особого типа социального конструирования реальности.

Всякая интересубъективная реальность индивида возникает в ходе ее социализации. Культовая реальность – не исключение. Однако культовая реальность возникает в процессе особого типа вторичной социализации, которую Питтер Бергер [7] и Томас Лукман [8] определили как альтернатию.

Первичная социализация имеет место в детстве, когда индивид входит в систему общественных связей и отношений. Вторичная социализация – это каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сектора интересубъективного мира его социума. Культо-

вая социализация – это процесс альтернации, процесс приобретения знания об объективном (внесубъектном) мире общества, отличающемся от мира того общества, в рамках которого мы были впервые социализированы. Альтернация имеет определенное сходство с первичной социализацией, но не тождественна ей.

Каждый индивид рождается в определенной ментальной среде, проводниками в которой для него становятся различные медиаторы, ответственные за его социализацию. Чаще всего наиболее авторитетными медиаторами оказываются родители или лица, их замещающие. Представления о мире, заложенные медиаторами в процессе первичной социализации, обычно являются базисом для индивида. В дальнейшем знания и опыт, приобретаемые в результате вторичной социализации, будут опираться на базовые представления и умения, приобретенные в процессе первичной социализации.

Вторичная социализация происходит с уже сформировавшимся индивидом и уже интернализированным им миром. Любое новое содержание, которое теперь нужно интернализировать, должно каким-то образом вписываться в структуру уже существующей реальности. Поэтому возникает проблема согласованности между первоначальной и новой интернализациями. В разных случаях эта проблема может иметь различные решения.

Усвоение реальности в процессе вторичной социализации для достижения большего эффекта должно быть усилено с помощью особой педагогической техники, придания новым элементам реальности «домашнего» характера. Первоначальная реальность индивида – это его «домашняя реальность». Она утверждается в качестве таковой неизбежно и, так сказать, «естественно». По сравнению с ней, все более поздние реальности являются «искусственными». Так, школьный учитель старается придать «домашний характер» содержанию знаний, которые он передает ученикам в процессе обучения. Наиболее ярко это можно увидеть при изучении иностранного языка: содержание предмета вращается вокруг таких тем, как «Моя семья», «Мой город», «Мои друзья», «Школа» и т.д. Таким образом, новый чуждый языковой мир делается релевантным, то есть связывается с уже присутствующими в «домашнем мире» структурами, он становится интересным и понятным.

Степень и характер этих педагогических технологий могут быть различными, многое зависит от мотивации индивида к социализации. В дидактической теории существует правило: чем активнее образовательная технология позволяет опереться на результаты первичной социализации, тем с большей легкостью усваиваются новые знания, умения и навыки. Но при этом следует учитывать, что субъективная реальность, возникающая в результате вторичной социализации, будет хрупкой и ненадежной в сравнении с той, что сформировалась в процессе первичной социализации. Поэтому для усиления эффекта воздействия на личность в некоторых случаях считается необходимым применение особой психо-педагогической техники, для того чтобы крепче закрепить реальность вторичной социализации или даже вытеснить с ее помощью первичный «домашний» мир индивида. Именно такое воздействие часто приводит к возникновению культовой реальности.

Потребность в такой технике может быть либо внутренней, возникающей в процессе обучения и относящейся к содержанию интернализации, либо внешней, возникающей ради удовлетворения интересов, имеющихся у медиаторов, под руководством которых осуществляется процесс вторичной социали-

зации. Причем степень интенсивности воздействия этой техники на индивида будет варьироваться в зависимости от характера интернализируемой реальности.

Культовая техника в процессе вторичной социализации используется для увеличения эмоциональной нагрузки, сопутствующей процессу данной социализации. Обычно она включает тщательно разработанный ритуал перехода, знаменующий изменение внутреннего состояния индивида и его социального статуса. Этот процесс требует подлинной трансформации «домашней» реальности индивида. Отношение индивида к социализирующему персоналу, соответственно, становится значимым, то есть этот персонал приобретает характер близких медиаторов – высших авторитетов по отношению к социализируемому индивиду. Теперь индивид полностью вернется новой реальности. Он «отдается» музыке, преступлению, вере не только отчасти, но всей своей жизнью. Понятно, что готовность жертвовать собой ради новой реальности является высшей ступенью такого рода социализации.

Если обычная вторичная социализация просто вписывает новый интернализируемый объект в систему уже усвоенных социальных связей, то особенностью культовой социализации является то, что в ходе неё в повседневном мире индивида происходит трансформация обыденного смысла окружающих предметов и повседневной деятельности индивида. Предметы интернализируемой реальности становятся теперь культовыми, то есть приобретают новую специфическую значимость.

Трансформируя смысл объекта культа, культовость должна найти выход данной трансформации в языке, то есть объективировать явление заново, «озвучить» его новое значение. Новая объективация изменяет элемент первичной реальности, делает его неузнаваемым для окружающих, выводит объект культа из интересубъективной реальности общества, в котором индивид прошел первичную социализацию. Трансформация делает непонятной для данного общества деятельность индивида, когда он входит в контакт с предметом культа. Например, европейцам будет непонятен страх их соотечественника-буддиста перед умерщвлением насекомого. Или многими современными родителями не принимается культовое поведение детей в отношении популярных певцов или актеров, когда молодые люди впадают в аффективные состояния при непосредственном или опосредованном контакте с предметом поклонения (нередки в последнее время даже факты самоубийства на культовой почве).

В качестве субъективного мира культовая реальность остается конечной областью значений и не воздействует тотально на повседневную реальность индивида [10]. Она возникает лишь при контакте индивида с предметом культа. Субъективная культовая реальность может зафиксироваться надолго в сознании человека, при этом будет осуществляться автокоммуникативная связь, то есть общение субъекта с объектом культа не будет выходить за рамки внутреннего мира индивида. Иногда внутренняя культовая деятельность подвергается рутинизации, и ее поглощает реальность повседневности; иногда она остается в качестве конечной области значений, в которую индивид тайно от всех погружается. В качестве примера можно привести культ умершего супруга. В реальности повседневной жизни данный культ никак себя не проявляет, вдова или вдовец входят в контакт с предметом культа лишь в своей памяти или воображении, внешне не выражая своего перехода в культовую реальность. Однако, как только культовая деятельность перерастает такие рамки, и переход в

конечную область значений затрагивает субъективный мир других людей (например, воспоминания об умершем человеке сопровождаются громким истерическим плачем), культовая реальность приобретает социальное измерение, индивид входит в противоречие с интерсубъективной реальностью окружающих. В этом случае позиция людей, затрагиваемых культовой деятельностью индивида, может выразиться в одной из двух форм взаимоотношений с культовой реальностью: принятие или отрицание. В нашем примере это может выражаться в том, что окружающие либо признают в качестве культовой фигуры умершего супруга и тогда разделяют горе и присоединяются к культовой деятельности вдовы (вдовца), либо они не признают данную ситуацию культовой и будут каждый раз пытаться вывести индивида из его культовой реальности.

В случае непринятия субъективного культового мира индивида обществом он может либо отказаться от него, либо приобщить к нему других людей, в лице которых он обретет поддержку и сумеет легитимизировать свою реальность. В последнем случае культовая реальность порождается особой социальной группой, которая в литературе обозначается термином «культ».

Наиболее подробно культовые группы изучены в социологии религий. Г. Беккер, имея в виду современное общество, выделил и описал одну такую форму социального образования, которая держится исключительно на энтузиазме ее приверженцев, не опираясь на внутрискруктурную организацию. Речь идет о сообществе, которое, являясь аморфным, выживает благодаря харизматическому лидеру. Интерсубъективная реальность членов такого сообщества характеризуется индивидуализмом, синкретизмом и зачастую эзотеризмом. Г. Беккер называл такую религиозную форму «культом» [6].

В настоящее время этот термин используется для обозначения различных образований. Это может быть малая культовая группа, не имеющая бюрократической структуры, возглавляемая харизматическим лидером, использующая эзотерические и мистические идеи. Такое образование можно рассматривать как начальную стадию образования секты (харизматическая секта) [3].

Но это может быть также сообщество людей, объединенных в чисто духовном отношении. Обычно в этой группе есть харизматический лидер, но последнее не обязательно. Это, например, люди, увлеченные парапсихологией, НЛО, верящие в жизнь после смерти, занимающиеся йогой, трансцендентальной медитацией, играющие в ролевые игры (например, «толкинисты»), входящие в особый тип криминальных сообществ, получивших название «мафия» и т.п.

Для таких движений не важна преемственность с существующими идеологиями, они не ищут в такой преемственности своей легитимации. Культам часто присущ мистический или экстатический опыт, а не апелляция к письменным источникам. Часто культ является импортированным, тогда он для данного общества будет новым.

Именно благодаря культовой группе значение культового объекта закрепляется в качестве интерсубъективной реальности в сознании индивида и может привести к разрушению повседневного мира человека, вернее, трансформировать его в культовую реальность. Что влечет за собой фактически разрыв с первично-социализированным миром и обществом, в котором осуществлялась первичная социализация.

Такая трансформация субъективно воспринимается как тотальная. Однако это не так. Субъективная реальность никогда не бывает тотально социализированной, а потому она и не может претерпеть тотальной трансформации в

результате воздействия социальных факторов. Преображенный индивид будет обладать, по меньшей мере, тем же самым телом и жить в той же физической вселенной. Тем не менее, иногда происходит такое сильное преобразование значимых компонентов реальности, что оно кажется тотальным, в сравнении с меньшими изменениями. Как уже отмечалось выше, такие трансформации П. Бергер и Т. Лукман называли альтернациями.

Культовая альтернатива требует процесса ресоциализации. Этот процесс напоминает первичную социализацию, поскольку в ходе него по-новому представляются акценты реальности, предметы приобретают новое значение. Ресоциализация сможет произойти при условии значительной эмоциональной идентификации с новыми медиаторами. Культовая ресоциализация отличается от первичной социализации, так как не начинается из ничего, и поэтому должна считаться с проблемой демонтажа, разрушения предшествующей структуры субъективной реальности.

По суждению П. Бергера, успешная альтернатива должна включать в себя как социальные, так и концептуальные условия [7]. Социальные условия при этом служат матрицей для концептуальных. Важнейшим социальным условием является наличие благоприятного социального окружения - базиса, необходимого для легитимизации трансформации. Данный базис опосредуется для индивида медиаторами, с которыми он должен установить идентификацию. Без такой идентификации невозможна какая бы то ни было радикальная трансформация субъективной реальности. Она неизбежно копирует детский опыт эмоциональной зависимости от родителей. Эти «новые родители», новые близкие медиаторы являются проводниками индивида по новой реальности (например, в большинстве культовых сообществ ученики или послушники к своим наставникам обращаются именем «отец»). Словом, культовая реальность, толчком к возникновению которой может послужить любой аффект, должна быть социально подкреплена, иначе она в результате социальной терапии или социального отрицания реальность утратит свое культовое значение [1].

Таким образом, культовая реальность может закрепиться лишь как форма группового сознания, носителями которого будет являться особая группа людей, которая в социологии религии определяется понятием «культ». Данная группа практически всегда возникает вокруг харизматического лидера, который становится для своих последователей новым близким медиатором, осуществляя их культовую альтернативу. При этом «духовный отец» сам частично усваивает интерсубъективный мир своих подопечных, изменяя свою субъективную реальность. И чем больше людей вовлекаются в культовую реальность данной группы, тем разнообразнее и шире становится данный культ.

Обогащаясь субъективными переживаниями новых адептов, культ постепенно теряет свои харизматические границы, постепенно становясь субкультурным образованием. Однако отличительной чертой такого типа субкультуры будет являться культовое социальное взаимодействие, которое обеспечивает данному сообществу специфическую целостность, основанную на «инаковости» членов сообщества, обеспеченную процессом альтернативы, которую адепты прошли в ходе приобщения к культу.

Альтернатива рождается из социальной природы человека. Субъективный мир индивида не может существовать без соответствия интерсубъективной реальности. Поэтому человек будет стремиться передать свой культовый опыт

другим людям, одновременно усваивая их культовый мир. Следовательно, механизм культовой альтернативы будет включать в себя одновременно происходящие процессы экстернализации и интернализации культовой реальности, в которых индивид выступает и как субъект, и как объект культа [5].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995. – С. 255.
2. Выготский Л.С. Психология развития ребенка / Лев Семенович Выготский. – М.: Эксмо, 2003.
3. Гараджа В.И. Социология религии / В.И. Гараджа. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 142-144.
4. Тендит К. Н. Инверсия культового взаимодействия / К.Н. Тендит // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия “Философия”. – 2010. – Т. 8, выпуск 2. – С. 112.
5. Тендит К.Н. Культовая социализация как альтернатива / К.Н. Тендит // Семиотическое пространство Дальнего Востока. Материалы международной научно-практической конференции. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2009. – С. 186.
6. Becker H.S. Outsiders: Studies in the sociology of deviance. – Glencoe: Free Press, 1963.
7. Berger P.L. Invitation to Sociology / P. L. Berger– N.Y.: Doubleday, 1963.
8. Luckmann T. The Invisible Religion: The problem of religion in modern society / T. Luckmann. – N.Y.: Macmillan, 1967.
9. Schutz A. The Phenomenology of Social World / A. Schutz. – London: Heinemann Educational Books, 1972.
10. Schutz A. The Structures of the Life-World / A. Schutz, T. Luckmann. – London: Heinemann Educational Books, 1972.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИЙ: КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Аннотация. В статье рассматривается феномен взаимодействия в эволюции культуры от несущественных взаимодействий в архаике, первой попытки религиозного компаративизма в Античности, напряженного диалога при переходе к Средним векам, религиозной нетерпимости Средневековья и открытой борьбы с Реформацией Ренессанса, приведшей к упадку католичества, кризису папства в Новое время и к обновлению христианства в конце XIX века, его готовности к диалогу с другими религиями настоящего времени. На основании изученного материала сформулирован вывод о ключевой роли религиозных взаимодействий в эволюции культуры и религии.

Ключевые слова: эволюция культуры, взаимодействие, диалог, религия, христианство.

E. Filimonova

INTERACTION OF RELIGIONS: CULTURAL-CREATIVE ASPECT

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the interaction in evolution of the culture from insignificant interaction in Primitive culture, the first attempt of religious comparativism in Antiquity, intense dialogue at transition to the Middle Ages, religious intolerance of the Middle Ages and open struggle against Reformation of the Renaissance, which has led to decline of Catholicism, to papacy crisis at New Times and to renovation of Christianity in the end of the XIX-th century, its readiness for dialogue with other religions at the present time. As a result author comes to the conclusion about key role of religious interactions in evolution of the culture and religion.

Key words: evolution of the culture, interaction, dialog, religion, Christianity.

Взаимодействие культур, в ходе которого происходит изменение элементов культуры, проходящих процесс адаптации другой культурой, и наполнение культурных ценностей новым содержанием под влиянием осваивающей их культуры [15, 47], оказывает влияние на эволюцию обеих культур. И если под культурой понимать идеалообразующую сторону человеческой жизни, обусловленную соответствующей религией и произрастающей из базовых сакральных идеалов этой религии [13, 620-621], то для определения особенностей развития европейской культуры, необходимо наметить основные направления взаимодействия религий в эволюции культуры.

В литературе эволюция религии изучается в двух аспектах: во-первых, как объединение представлений, идей, верований и обрядов, различающихся по степени своего развития, но являющихся по существу однопорядковыми (соединение анимистических, полидемонических и политеистических верований или монотеистических и политеистических элементов в единую систему). Во-вторых – как специфическую взаимосвязь религии с рациональными элементами, принципиально отличающимися от нее по своему генезису и гносеологической природе [9, 23-24]. Следовательно, актуальным является рас-

* © Филимонова Е.А.

смотрение основных направлений взаимодействия религий в эволюции европейской культуры.

Исходя из данных археологии и этнографии, можно говорить о взаимодействии культур на этапе *Архаики*, при котором заимствование и обмен не приводили к существенным преобразованиям культур [1, 25]. Во-первых, перед древними обществами в качестве первоочередных вставали витальные задачи выживания индивида и рода в непосредственном взаимодействии с природной средой, что нашло отражение в системе ценностей [11]. Во-вторых, эти племена объединены определенным набором схожих элементов культа (например, охотничья магия, культ плодородия, тотемизм, анимизм, фетишизм), сходство которых на столь большом пространстве, однако, остается открытым. Даже в палеолитической живописи «образный смысл изображений, кажется, не изменяется с тридцатого до девятого тысячелетия до Р.Х. и остается одним и тем же от Астурии до Дона» [8, 75], что, по мысли Леруа-Гурана, связано с существованием единой системы идей, отражающих «религию пещер», при которой на стадии нерerefлексивного традиционализма диалог оказывается невозможным. Иллюстрацией данного положения (с некоторыми оговорками) является тысячелетнее существование современных «примитивных» племен рядом с цивилизациями, когда использование предметов материальной культуры не сопровождается заимствованием традиций (например, письменности).

Иной уровень развития, определенный достижениями эпохи мезолита, положившими конец культурной общности палеолитических племен [14, 42], и начинающееся изменение в отношении к своему прошлому, выразившееся в нарастании момента осознанности несоответствия мифов и действительности [16, 46], приводят к качественно новому типу взаимодействия между культурами на этапе *Античности*, которое охватывает более широкую сферу и вызывает изменения в материальной и духовной культуре и резкую трансформацию, выступая, таким образом, важным фактором прогресса [1, 25]. Теперь имеет место преемственность и подражание римских мастеров греческим образцам.

После завоеваний Александра, когда греки стали творчески усваивать восточные религии, начались первые попытки религиозного компаративизма [14, 11-12]. Если и до походов Александра Греция вступала во взаимодействия с другими культурами через торговлю, захваты территорий и т.п., то теперь «волей одного человека, воина и царя, был произведен широкомасштабный эксперимент по столкновению культур» [10, 81]. Особенностью данных взаимодействий является, во-первых, то, что греческая культура завоевателей не была абсолютно доминирующей, «взаимодействию двух укладов жизни: эллинскому и восточному помогало то, что они были комплиментарны ... друг другу» [10, 82]; а во-вторых – высокий уровень культуры и оформившаяся цивилизация покоренных стран, что позволило греческой культуре впервые вступить в диалог, результатом которого для эллинистической культуры становится изменение ее характера: из национальной и местной она развивается в космополитическую, универсальную и сверхнациональную. Однако дальнейшее развитие античной культуры (уже на этапе Римской империи) характеризуется окрашенностью тех же культурных процессов противостоянием «терпимого государства и нетерпимой религии» [10, 83-84], которое осуществляется на разных уровнях и с разными целями, что делает диалог между ними сложным.

Если до I в н.э. взаимодействие различных религий (западных и восточных), сопровождалось взаимным обогащением, когда «преследования религи-

озного характера неизвестны» были [10, 82], то с возникновением христианства характер взаимодействия существенно меняется, что оказывает колоссальное влияние и на античную религию, и на само христианство, взаимодействие между которыми будет во многом определять развитие античной культуры в последние века.

Необходимо учитывать условия, в которых формируется христианство: империя терпит кризис, меняется традиционная сложившаяся система социальных отношений, нарастает недовольство и неуверенность, в результате чего начинает переживать кризис и античная религия. Также важно отметить изначально диалогичный характер самого христианства, которое усвоило предшествующее религиозно-культурное наследие: идейные концепции иудаизма, митраизма, древних восточных религий, философские воззрения [12, 127]. Эти обстоятельства, а также то, что многие христианские идеи и обряды были задолго известны в Риме, способствовали быстрому распространению христианства, представляющего собой изначально достаточно разрозненные религиозные образования.

Если не останавливаться на особенностях греческих полисов и правлении отдельных римских императоров с их религиозными предпочтениями, то взаимодействие религий в Античности имеет следующие основные тенденции. До 320-х гг. до н.э. был период достаточно спокойного развития без явных следов активного взаимодействия, оказывающего существенное влияние на культуру. С походов Александра начинается диалог с восточными религиями, характеризующийся взаимодополнением и взаимопроникновением элементов друг в друга, одновременно с этим начинается процесс вхождения в античную религию элементов будущего христианства (как, например, обряды, связанные с почитанием бога Митры и т.п.), встречаемых достаточно благосклонно.

Но с середины 1 в. н.э. (с 64 г.) и до Миланского эдикта (313 г.) начинается открытое противостояние язычества и христианства в форме гонений, далее идет короткий период веротерпимости и готовности к диалогу (до 380-х гг.), который, однако, не был однородным и однозначным. И уже начиная с 380-х гг. имеет место обратный процесс, закрепивший сначала определенную форму христианства, а затем провозгласивший христианство единственной разрешенной религией.

Таким образом, эпоха Античности, начавшаяся с неравномерного развития племен, противоречия между мифом и действительностью, перехода к рефлексивному традиционализму, развивалась под сильным влиянием взаимодействия религий. Поворотные моменты эволюции античной культуры связаны с резким изменением характера взаимодействий религий. И еще более существенным моментом оказался сам переход от Античности к *Средневековью*, представлявшим собой «напряженный критический диалог» [10, 84], начавшийся с падения Рима и последовавшим за этим принятием варварами религии побежденных: христианство начинают принимать крупнейшие европейские народы еще в IV в., однако, спустя век оно теряет свои позиции. Однако затем последует вторая волна христианизации [7, 42].

Переходный период от Античности к Средним векам характеризует несколько различных форм взаимодействия христианства с язычеством, с еретиками и с иноверцами. Примечательно, что в отношении язычества христианство было достаточно мягко настроено и первое время сохраняло определенную дистанцию. Так, наряду с изданием указов, предписывающих закрытие всех

языческих храмов, назначающих наказания за жертвоприношения и т.п., императорам приходилось считаться с наличием очень большого числа язычников (особенно в Риме и особенно – среди аристократии). Поэтому большая часть подобных указов оставалась только на бумаге, сочетаясь на деле с противоположными постановлениями. В то же время «евреев и «еретиков» христианство с самого начала преследовало со всем «священным» гневом» [5, 159].

Укрепление христианской церкви и формулировка вероучения осуществлялись именно в борьбе с враждебными течениями [4]. Имело место очень своеобразное взаимодействие: с одной стороны, мы можем говорить, что это был своего рода диалог, когда обе позиции (и официальной церкви и новых еретических движений) были услышаны, но с другой стороны – целью этого взаимодействия было уничтожение Другого (как со стороны Церкви, так и со стороны целого ряда еретических течений). История борьбы с ересями знает немало примеров взаимодействий, которые оканчивались своеобразным компромиссом со стороны Церкви, однако, причины этих компромиссов следует искать в иной плоскости: либо Другой оказывался настолько сильным, что сражаться с ним было опасно для Церкви, либо этот Другой мог быть полезен в уничтожении иного Другого; в любом случае заключающийся между ними союз был временным, поскольку не устраивал обе стороны [5, 411], что иллюстрируется таким ярким явлением средневекового (и ренессансного) христианства, как, например, инквизиция.

Своеобразной формой взаимодействия католического Запада с мусульманским Востоком были Крестовые походы, которые трансформируясь, приобрели самодовлеющее значение, покинув пределы системы взаимоотношений Запада с Востоком, становятся относительно самостоятельным делом и используются папством в борьбе против собственных политических противников, в частности – против оппозиций существующим порядкам в виде ересей, а именно – антиеретические Крестовые походы XIII в. [6]. Заметим особо, что реальным результатом Крестовых походов в аспекте взаимодействия религий явилось, во-первых, уничтожение ересей и нежелание вступать с ними в диалог, а, во-вторых, углубление пропасти между христианами и мусульманами и евреями и еще более решительный разрыв с греко-православной церковью [6, 56-57].

Таким образом, среди множества проявлений духовной жизни Средневековья в рамках данного исследования особое значение имеют такие явления, как становление христианской идеологии и догматики, борьба с ересями и ее наиболее яркое проявление – инквизиция, распространение христианства в Европе, отношение с другими самостоятельными религиям и крестовые походы. Поскольку именно они позволяют проследить влияние феномена взаимодействия религий на эволюцию средневековой культуры: фактически, «вся история христианства была ... историей войны» [5, 14]. Это нашло отражение и в таком феномене *Ренессанса*, как Великие географические открытия, позволившие установить контроль Европы над остальными частями света. Важно отметить, что освоение новых земель осуществлялось не в форме диалога, поскольку, с одной стороны, на диалог не были ориентированы оба участника (ни завоевывающая Европа, ни захватываемые традиционалистские общества), с другой стороны – взаимодействующие культуры находились на разных этапах развития, что делало диалог между ними сложным и даже порой невозможным, результатом чего были, во-первых, насильственная христианизация ряда завоеванных племен, и, во-вторых, уничтожение целых цивилизаций,

подавление их культурной и религиозной самобытности, разрушение традиционных форм жизни.

XIV-XV вв. отмечены необходимостью диалога и при этом неготовностью к нему католической церкви, что проявилось в первых попытках ее преобразований (сожжение как еретика Яна Гуса в 1415 г., разгром движения Яна Жижки в 1434 г. и т.п.), приведших к Реформации XVI в. В отличие от противоборства различных течений в христианстве первых веков нашей эры, нужно подчеркнуть, что, во-первых, в XVI в. имеет место противостояние не молодых развивающихся религиозных общин, нуждающихся в доказательстве своих положений (а значит – равных между собой в этом отношении), а противостояние доминирующей уже на протяжении более тысячелетия Церкви и новобразований, которые господствующей Церковью воспринимаются как ереси (т.е. это разговор не на равных). А во-вторых, важно то, что именно в таких неравных условиях взаимодействие оказывается, напротив, результативным: единичные возмущения оказались массовыми и привели к возникновению целого ряда самостоятельных направлений, несмотря на нежелание доминирующей религии их признать.

В аспекте взаимодействия религий для католицизма конца XVI – первой половины XVII в. и далее существует один главный противник – протестантизм, укрепляющий свои позиции и находящий поддержку в лице светской власти. Характер этого взаимодействия можно обозначить как противоборство, выражавшееся даже в религиозных войнах, фактически уравнивших протестантов с католиками. В итоге к середине XVII в. в Европе возникают три религиозные сферы: католический мир, протестантский мир и сфера сосуществования разных религий (в которой, тем не менее, главенствует принцип государственного абсолютизма и в которой конфессии не подчинялись папству, а заключали тесный союз с национальным государством, поэтому диалог на этих территориях не выстраивался) [2]. Кризис папства, формирование монархии, философские течения, направленные на критику некоторых церковных догматов или позиции Церкви, а также культ разума эпохи *Просвещения*, критикующий церковь как социальный институт, будут способствовать упадку христианства. При этом единственным папой этой эпохи, признавшим необходимость приспособления к духу времени, был Бенедикт XIV, вступивший с Просвещением в диалог и предпринимавший шаги к нормализации сосуществования с протестантизмом.

Послереволюционная ситуация позволила церкви снова занять лидирующие позиции на основной территории Европы при полном нежелании диалога с другими религиями (и даже запрещая их существование), при этом христианство столкнулось с новой духовной атмосферой, в которой протестантизм искал возможности учесть новые реалии, а католицизм следовал противоположным путем, что кардинально отдаляло эти конфессии [3]. Поэтому начало XX века было ознаменовано введением своего рода «духовной диктатуры», осуждающей модернизм.

Фактически, первый полноценный диалог католической церкви со светской культурой приходится только на понтификат Льва XIII, в результате история католицизма XX века в значительной степени представляет собой историю противоборства «между теми, кто стремился продолжить линию Тридентского и I Ватиканского соборов, и теми, кто хотел видеть церковь более открытой и предлагал дать более творческий ответ на вызов современного мира» [3]. Наря-

ду с этим в качестве основной тенденции развития религий XIX-XX вв. можно считать экуменическое движение, проявившееся в многочисленных конференциях, ассамблеях, союзах и организациях, ставящих перед собой задачу объединения христиан, и воплотившееся, прежде всего, во Втором Ватиканском соборе, последовавшими за ними шагами к сближению с другими христианскими религиями и созвучными с постмодернистскими тенденциями к сближению культур.

Современная постмодернистская ситуация характеризуется ускоренным темпом развития, когда скорость перемен обогнала скорость приспособления к ним людей, вынуждая человека постоянно искать новые ориентиры. Безусловно, «взаимообогащение культур активизирует культурную жизнь общества, ... порождает ... движущие силы духовного прогресса» [15, 40]. Однако в условиях глобализации и культурного плюрализма взаимодействие культур осуществляется настолько широко, что приводит к своеобразной дезориентации человека в пространстве культуры. В частности, крайне сложно говорить даже о единой системе ценностей, причем процесс взаимодействия охватывает и самые основы культур – а именно религии.

На основании рассмотренной эволюции культуры с позиции взаимодействия религий можно сделать следующие выводы. Во-первых, ключевую роль в эволюции культуры играют религиозные взаимодействия; во-вторых, переходные периоды развития культуры характеризуются усилением взаимодействия религий; в-третьих, взаимодействие религий оказывает влияние на эволюцию самих религий, приводя к их усложнению и наполнению новыми элементами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза: Материалы методол.семинара. – СПб., 1994.
2. Геррей Е. История папства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/441551.html>
3. Гонсалес. История христианства. Т.2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.skomar2006.narod.ru/biblioteka.html>
4. Григулевич И.Р. Инквизиция. – М., 1976. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.klex.ru/books/religion/inkvizitsiya.zip>
5. Дешнер К. Криминальная история христианства: В 4 кн. – М., 1996. Кн. 1. – 464 с.
6. Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. – М., 1980. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.domknig.net/book-1867.html>
7. Зеленков М.Ю. Мировые религии: история и современность. – М., 2003. – 252 с.
8. Зубов А.Б. История религий. Кн. 1: Доисторические и внеисторические религии. Курс лекций. – М.: Планета детей, 1997. – 344 с., ил.
9. Капустин Н.С. Особенности эволюции религий: на материалах древних верований и христианства. – М.: Мысль, 1984. – 222 с.
10. Круглова Н.В. Проблема смены исторических типов культур (Античность и Средневековье) // Введение в культурологию. – СПб., 2003. – С. 79-87.
11. Никольская О.С. Аффективная сфера человека: взгляд сквозь призму детского аутизма – М., 2000. – 364 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.autism.ru/read.asp?id=56&vol=0>
12. Основы религиоведения / Под ред. И. Н. Яблокова. – М.: Высш. шк., 1994. – 368 с.
13. Пивоваров Д.В. Философия религии. – М., 2006. – 640 с.
14. Пупар П. Религии мира. – М., 2003. – 144 с.
15. Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст: Материалы Международн. конференции ЮНЕСКО. – Киев, 1982. – 440 с.
16. Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. — Смоленск, 2000. – 624 с.

РОССИЯ И ЗАПАД: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО УСТРОЕНИЯ*

Аннотация. В статье на обширном фактологическом материале, руководствуясь реалиями, автор демонстрирует несовпадение технологий социального устройства в таких ареалах цивилизации, как Запад и Россия. Суммируя аргументы, возможно прийти к заключению: репером культивации общественных процессов в Европе выступает консенсуальность и толерантность завязанных на отработанные регламенты заявления и проведения легальной народной воли; противоположность этому в России имеют место патримониальность, патриархальный тип властвования, детерминируемый волюнтарным, демократически неконсолидированным способом отправления власти (принятия и проведения граждански значимых решений).

Ключевые слова: Россия, цивилизация, Запад, демократия, авторитаризм, консенсуальность.

G. Hazieva

RUSSIA AND EUROPE: COMPARISON EXPERIENCE OF SOCIAL ORGANIZATION TECHNOLOGY

Abstract. In the article on extensive factological material, being guided by realities, the author shows discrepancy of social organization technologies in such areas of civilization as Europe and Russia. Summarizing the arguments, it is possible to come to conclusion that as a reference point of cultivation of public processes in Europe acts the consensuality and tolerance fastened on the fulfilled regulations of the statement and carrying out of legal national will; contrast to it in Russia patrimoniality takes place, patriarchal type of rule, determined by voluntaristic, democratic unconsolidated way of power departure (acceptance and carrying out civil significant decisions).

Key words: Russia, the civilization, the Europe, democracy, authoritarianism, consensual.

В сопоставлении с Западом, для величайшей работы мира, для созидания жизненного могущества России не хватает политической уравновешенности, гражданской правооснащенности, управленческой реалистичности. Блок волюнтарных импровизаций социальной педали с правовым нигилизмом, идейным миссионизмом, мифологизмом дает неудобноносимое бремя некумулятивного импульсивного развития.

Здоровый консерватизм Запада с его изошренными институциональными сдержками и противовесами, отработанными механизмами конституирования ответственных решений, задавая высокую степень сопротивляемости бесцеремонной крутости вседержительной воли, обеспечивает подчинение всех и каждого единоличной силе, утверждает солидарность, открывает обществу широкую возможность человеческого сотрудничества. «Сильных изгоняют не силою, а тем, что делаются известными дела их», – назидает Иов [3]. Сила Запада - в силе развитых способов публичного ограничения претензий и притязаний.

* © Хазиева Г.Р.

ний власти, властных структур.

На фоне сказанного отчетливей и больней проступает вся сложность наших обстоятельств, допускающих хаос разворотов на 180 градусов судьбоносных действий с тлетворной некомпенсированной мобилизацией.

Разумеется, и Запад плодит мифы. Мифы техницизма, либерализма, консьюмеризма - сугубо западные, однако локализованные в мысли. Подобно Маринетти, можно разворачивать новую религию энергии и скорости: «Мы стоим на обрыве столетий... Так чего же ради оглядываться назад? Ведь мы вот-вот прорубим окно прямо в таинственный мир невозможного! Нет теперь ни Времени, ни Пространства. Мы живем уже в вечности...» [4, 161], – но тем самым не подрывать жизнь. На Западе жизнесфера сохраняет сравнительную автономность, устойчивость относительно политосферы; здесь есть надежный заслон экспансии политики в жизнь в виде амортизаторов, процедур, институций. В России каких бы то ни было инструментов предотвращения или, по крайней мере, ослабления политической экспансии не выработано.

Взять разбазаривание геополитических активов, народного достояния, земель. О продаже Аляски с Алеутами знали трое. Брестский мир заключался кулуарно. В порыве сомнительного благодушия Хрущев допустил отторжение Крыма. В приступе угодничества и раболепства Горбачев сдал район ответственности в Охотском море. Вопреки народной воле состоялся Беловежский сговор. Ельцин расстался с зоной влияния в Центральной и Восточной Европе. Путин передал Китаю острова на Амуре... Перечень такого рода стратегических неудач, державных просчетов, провалов лишь оттеняет истинные, универсальные потребности народа в защите от действий близоруких временщиков, узколобых агентов власти. Далеко не мудро и не мужественно лишать страну, лишать народы России, нацию веками копимого богатства.

Западная власть контрактационна, вторична, производна от интересов лиц, народов. Российская власть самостийна, первична, непроизводна от интересов ни лиц, ни народов. К примеру, в России конъюнктурно возможно победивших ущемлять в пользу побежденных. Вспомнить те же поставки хлеба из послевоенного СССР в Германию, с возмущением оцениваемые отечественными голодающими селянами. Впрочем, список несходств и гражданских отличий западных и российских реалий может быть продолжен. Почти до бесконечности!

На Западе общее место – социальный протест, принимающий форму легально-легитимного заявления и проведения частных взглядов. В России любой несанкционированный свыше персональный, выражающий частные взгляды протест приобретает форму борьбы с государством, незамедлительно раскручивающим маховик адской карательной машины. Неукладывающиеся в социумы свифтовских струльдбругов, осмеливающиеся выступать от самих себя здесь репрессируются. «Огромный ноготь раздавливает нас, как клопов, – записывает в дневнике А.Белый. – С наслаждением щелкая нашими жизнями. Только в подлом, тупом бессмыслии» текущих «дней кто-то (власть! – авт.), превратив «соль земли» (человека! – авт.) в клопов, защелкал нами: щелк, щелк ... Щелкают револьверы, разрываются сердца, вешаются, просто захиревают от перманентных гонений и попреков. И мое сердце, мужественно колотившееся, ослабевает. Не могу, не могу вынести тупого бессмыслия ...» «Тупое бессмыслие» воистину невыносимо. Остается «держатъ кукиш у кармане», – как говорил Булгаков, – производить «подкусывание предстоятельной власти под одеялом».

На Западе - правооформленная, правооснащенная жизнь. В России жизнь поднадзорная, отданная на откуп то самодовольному, то мстительному великодушию. Драма и сильнее: трагедия нашей жизни в том, что устраивается она не по закону. Запад давно и безусловно принял для себя принцип *dura lex, sed lex*. Россия сплошь да рядом (вплоть до сего дня, ибо - как иначе квалифицировать возню с «преемником»?) уповает на мессию. Замачивать розги в рассоле для всех и возбуждать избранных для нее – элемент национального духа, черта менталитета, самоуслаждение. Проявилось оно, на удивление, и у столь острых, передовых умов, как Пушкин: «Должен быть человек, стоящий выше всего, выше даже закона» (А собственно, зачем?); и Сперанский: самодержавие имеет «прямое направление к свободе»[6, 160]. Удержаться от неизъяснимой приятности прежизненного возвеличения, душевно не конформировать смогла в нашей истории едва не одна Екатерина. На предложение комиссии принять титул Великой, премудрой матери отечества она ответила маршалу запиской: «Я им велела сделать Российской империи законы, а они делают апологии моим качествам».

На Западе есть свобода индивидуального выбора. В России – принуждение директивы. Та же заезженная тема партии. На Западе членство в партии прерогатива частного решения, никаких социальных привилегий, благ не дающего. В России членство в партии – прерогатива коллегиального решения со шлейфом пребенд и санкций. Ранее удостаивали чести (!) принимать в КПСС, сейчас – в «Едро», объявляемое единственно патриотичной, выражающей интересы народа организацией. Пора отъединить политику от партийной деятельности. *Политика как универсально социальный институт* налаживания интеракции обслуживает интересы всех, а не частичные интересы время от времени возникающих всезнающих, всеумеющих сердобольных структур, как оказывается, ведущих нас (народ) от победы к победе, то в лице КПСС, то ее номенклатурных филиалов. Словом, миновать края отчаяния невозможно без парирования насилия, начинающегося с узурпации какой-то партией политической сферы.

На Западе – проникающий механизм формализации харизмы; никакой вожизм (в силу закрепленной законодательно и традиционно самоценности лица), культ личности тут невозможен. В России роль лица-носителя власти определяющая; здоровых ограничений возвеличения индивидов, деперсонализации полномочий не выработано. Политическая деятельность у нас не институциональна (в силу подмены функционального понятия «служба» пастырским святоотеческим понятием «благодетель»), а патриархальна.

Итак, то, чего, в сопоставлении с Западом, не хватает России для величайшей работы мира и созидания жизненного могущества, – имеет прозрачную тематизацию. Волонтерные мобилизации, нелегитимные интервенции, импульсивные импровизации безнравственной власти в национальную жизнь подтачивают органику социотворчества. Общеизвестно: не устоит царство, разделенное внутри себя. Великая неразрешимость и драма наших устоев состоит в перманентном устойчивом и неплодотворном разделении внутри себя царства отечественного с расстраиванием преемства дела поколений, противопоставлением и общественных слоев, и индивидов.

«Хорошим является то государство, которое направлено на достижение общего блага»[7, 1962], – делает вывод Бартоло Сассоферрато. Излишне подчеркивать, что на достижение «общего блага» наше государство направлено

никогда не было. Скорее всего, последнее обуславливало популярность противопоставления в России Родины правительству: любовь к одному в отечественной культуре никогда не совпадала с любовью к другому.

Не частный недостаток, а симптом общего недуга заключается в социальном неудобье существования, свидетельство чему – поруганность надежд, измученность жизнью, затравленность, забитость, ограбленность бытия нашего. От крестьян до декабристов, от интеллектуалов до диссидентов граждански инициативным лицам, не исповедующим кредо «как бы чего не вышло», в России тесно, душно, едва выносимо.

Обращает внимание и неустойчивость институтов к политическим потрясениям; и замена отсутствия права насильем, наскоком (то произволом начальства, то «дисциплиной»); и культивация гражданской патриархальности – патронажности, клиентельности отношений, социального иждивенчества; и простор сервилизма (на что тонкий, трезвый ум – Герцен – и тот допускал досадное: «народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар лишней свободы» [2, 340] – «лишней» свободы народов не бывает); и корпорация (то помещиков, то партсоставива, то олигархов); и неимение (в итоге бессистемных «перестроек») институциональных форм общности; и тяга к абсолютному, категоричному, невниманию к «профаническому», обыденному (Франк).

Общественный прогресс, по Михайловскому, выражается индикаторами: а) уменьшение разнородности общества; б) усиление разнородности его членов. В отечестве – с точностью до наоборот: а) увеличение разнородности общества – скверные децили и квинтили, отображающие опасную поляризацию популяции на олигархов и маргиналов с неизбежной деградацией парий; б) ослабление разнородности его членов – ущербная деиндивидуализация, деперсонализация, нивелирование «человеческого материала». Быть может, по этой причине в цивилизационистике констатируется «потенциальность, невыраженность, неактуализированность сил русского народа» [1, 6-7]. Да как и где их выразить, в чем актуализировать?!

На Западе отрабатывается культурный вариант (демократия, право, гражданский консенсус) обихожения социального пространства. На Востоке отрабатывается дисциплинарный вариант (деспотия, традиция, сервилизм) обихожения социального пространства. Более или менее понятно, цельно, системно. В России социальный рельеф разорван, бесстилен: здесь то «руки не доходят», то «взять нечем».

Московская эра тяготеет к Востоку, петербургская эпоха - к Западу. У нас не то чтобы механическое копирование («механический мимес» – Тойнби) строя жизни соседей, но в некотором смысле *плагиаторский тип истории* – крен то в сторону царства («святой царь»), то - земства («святой мир»). Горечь со вкусом правды заключается в том, что мы учим собой, перекрывая меру исторической, цивилизационной, гражданской вместимости. Управа благочиния же - в понимании: надлежит быть самими собой; довольно культивировать и западные, и восточные порядки на не подходящей для того почве.

«Войдите, и тут есть боги», – говорил Гераклит. Нечто подобное о себе обязаны сказать и мы. Наша интеграция в мир-систему определяется не прививкой заимствований, не забвением корней (наша порочная способность «пить из черепа отца»), не усвоением трафаретов, а выработкой оригинального пути с опорой на общецивилизационные завоевания и национальные опосредования.

Отчаяние приводит к творчеству. Наше почти отчаянное положение тре-

бует выработки системы выверенных незаемных ходов, нацеленных на купирование производства антиблаг, обмена антиценностями. В самом определенном, точном смысле надлежит:

- прекратить разбазаривание уникального природного потенциала (дискредитация R-экономики);

- осуществить фронтальный поворот к человеку в смысле и гуманитарном (не загонять личность в толпу), и гражданском (не толковать народ как проинтегрированное большинство);

- добиться кумулятивности (неизодромности) державной эволюции (независимость государственности, популяционной общности от политических трансформаций и пертурбаций);

- расширить социальную базу власти (пока идет ее сужение за счет наместничества, олигархизации), укрепить связь ее субъектов с территориями (партийная система – отжившая организационная форма; партийное представительство по номенклатурным спискам не является народным; пора осуществить движение к депутатству не от партий, а от мест);

- всемерно ограничить этатизм, дирижизм. С позиций обывателя, воспроизводящего собственное существование в «профаническом» локале просточеловека, государство есть «зло, причиняемое людям людьми» (Мизес). Говоря о деэтатизации мы говорим не об «отмене» государства, а об отказе от веры в решающую роль государственного насилия в социально-политическом опыте. Безгосударственное состояние допускали «научный» социализм и анархизм. С той разницей, что один отодвигал его наступление на бесклассовую фазу, а другой предполагал непосредственное его введение. И то, и другое оказалось фикцией. Итак, речь не о пелене фантазии, а об эффективизации разделения властей, дроблении полномочий, оптимизации представительства (в настоящий момент народное представительство в политике эфемерно), укреплении связи «депутат - избиратель» (сейчас от избирателя у нас вообще ничего не зависит), – о тех инструментах, которые препятствуют сращению власти с собственностью, оформлению непотистского, административного корпоративизма, элитного фамильизма;

- искоренить бюрократический репрессивный абсолютизм (простор гражданского самовыражения, волеизъявления, вовлечения, участия). Не существует либеральной политики, существует лишь либеральная критика политики (Шмитт). С позиций последней, «гражданин не должен быть ограничен в своих действиях настолько, что, если он думает не так, как те, кто находится у власти, у него оставался единственный выбор – либо погибнуть, либо разрушить государственный механизм» [5, 60]. Уделом подданных не может быть страх, раболепие, льстивое подхалимство, а уделом господ - фарисейское лицемерие, чванство, самонадеянность, предрасполагающие к репрессии. Репрессия – признак неспособности власти использовать лучшие средства управления, как то: интеллект, культуру, убеждение;

- ликвидировать элитарность политической деятельности, управления обществом. Социально-политический менеджмент – не привилегия какой-то группы (днепропетровской ли, свердловской ли, питерской), а институциональная деятельность по обслуживанию интересов масс;

- окончательно дисквалифицировать волюнтарно-силовые нажимы, наскоки как фигуры политических технологий. Беды России от близоруких интервенций власти в народную жизнь, простирающихся вплоть до развала пов-

седневности. Дилемма «прогрессизм-косность», оправдывающая наступление «прогрессивного» элитного «авангарда» на «консервативный» народ, должна быть, наконец, снята. «Элита» в макросоциологическом смысле – чиновный, частичный, функциональный (и функционерный) слой, находящийся в услужении у народа (и никак иначе);

– перейти на правооформленность организации жизни. Хороша не жизнь вообще, а жизнь гарантийная. Правонеоформленность, правонеобусловленность деятельности в подходе к жизни чревата лишением ее гарантийности. Тому же неполноценному президенту СССР, санкционировавшему развал Ялтинско-Постдамской системы, бездоговорно «обещали» не расширять НАТО. Не обусловленная правом акция оказалась безответственной. Из обещавших иных уж нет, а те далече. Спросить не с кого. Крушение надежд – самый болезненный опыт, подводящий к морали: следует строить жизнь по гарантийным законам, а не по персональным правилам и тем более необязывающим «понятиям»;

– реабилитировать гражданскую инициативу. Просвещенное общество живет по самоорганизации, отечественное (отеческое) общество – по воле-организации. У истоков самоуправления в Европе – Магдебургское право. У нас каких-то аналогов ему как не было, так и нет. В качестве досадного следствия – подрыв здоровой инициативы, энтузиазма, самообустройства снизу. Российский народ привык к ордонансам, в идеале заменяемым независимым от партийно-политических установок (а значит, более трезвым) коллективно самоответственным поведением. Мобилизация и интервенция – наши враги. Уравновешение нечувствительных к запросам жизни центрально-административных вертикалей достигается прогрессом дееспособных местных горизонталей. Местная власть должна стать инструментом областничества, а не вотчины наместничества (базой содержания ставленников-кормленников). На вопрос, что предпринять при получении ярлыка на управление провинцией, Конфуций ответил: следить «за тем, чтобы все соответствовало своему названию». Иными словами – в державном движении от центра к окраинам не допускать девальвации полномочий. Некий положительный опыт раскрепощения местной власти давала губернская реформа середины 70-х гг. XVIII в., согласно которой органы самоуправления наделялись компетенцией решения региональных вопросов (выдача ссуд, развитие инфраструктуры и т.д., для чего им оставлялось до 1/3 доходов; ранее – 5% доходов). Екатерининская губернская реформа разгружала центр, снимала с него бремя мелочной неэффективной опеки мероприятий периферийной власти. Величие России будет прирастать не Сибирью (не только Сибирью!), но культурой, в частности, культурой гражданской самоорганизации.

Германия брала реванш после Версаля, ставя на силу. Россия должна взять реванш после поражения в холодной войне (превращенной элитой – либерально-демократическим квислингианством – в гражданскую), ставя не на силу, а на внутреннее преображение. Стержень такового – каскад эффективных трансформаций (без нажимов, наскоков), предусматривающих:

– придание самодостаточности *Lebenswelt* – ареалу самореализации «молчаливого большинства», рядового вершителя истории «профанического» просточеловека (локализация политико-государственных инициатив в институтах);

– прогресс реального сектора экономики;

– крестьянскую реформу: крестьянству, за счет которого провели индуст-

риализацию, на постиндустриальной стадии требуется возратить долги; будущее России в налаживании гарантийного сельского хозяйства, подъема деревни. Россия – крестьянская страна – еще не познала довольства крестьянской, и, следовательно, национальной жизни.

Воплотив намеченное, страна, народ, люди, как представляется, способны выйти из порочного круга «вечного возвращения», когда разворачиваемые нововведения достигают прямо противоположного.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Мысль, 1991. – 205 с.
2. Герцен А.И. Сочинения. – М.: Художественная литература, 1986. - Т. 8. – 688 с.
3. Иов. 34, 25. / Библия. Ветхий Завет: Книга Иова.
4. Маринетти Ф.Т. Первый Манифест футуризма // Называть вещи своими именами. – М.: Прогресс, 1986. – 637 с.
5. Мизес Л. Либерализм. – М.: Социум, 2001. – 239 с.
6. Сперанский М.М. Проекты и записки. – М.-Л.: АН СССР, 1961. – 244 с.
7. Bartolus de Saxoferrato. Opera omnia. – Lyon, IX. 1567. – 2032 p.

РАЗДЕЛ III.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК: 124+17.021.2+141.332

Гришаева Е.И.

ПОНЯТИЕ «ЛИЧНОСТЬ» В РАБОТАХ ВЛАДИМИРА ЛОССКОГО И ТВОРЕНИЯХ ОТЦОВ ЦЕРКВИ IV ВЕКА*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме понимания человеческой личности в работах Владимира Лосского. Концепция человеческой личности Лосского рассматривается в контексте учения отцов церкви IV века. Автор дает определения и сравнивает способы употребления понятий сущность и ипостась в творениях отцов церкви и работах Лосского. На основании этого автор делает вывод, в какой степени концепция личности человека Лосского соответствуют богословским основаниям восточно-христианской традиции.

Ключевые слова: история философии, ипостась, личность, патристика, природа, сущность

E. Grishaeva

THE CONCEPT OF PERSONALITY IN PAPERS OF VLADIMIR LOSSKY
AND WORKS OF OF THE CHURCH FATHERS OF THE 4TH CENTURE

Abstract. This article is devoted to the problem of understanding of personality concept in papers of Vladimir Lossky. Lossky's personality concept is discussed in comparison with doctrine of the Church Fathers of the 4th century. The author gives definitions to concepts essence (ουσία) and hypostasis (υπόστασις) and compares ways of their use in works of the Church Fathers and papers of Lossky. On the basis of it, the author makes a conclusion of the degree of personality concept correlation to theological grounds the Eastern Christian tradition.

Key words: essence, history of philosophy, hypostasis, nature, patrology, personality.

Владимир Лосский в своей работе «Богословское понятие человеческой личности» указывает на то, что разработанного понятия человеческой личности практически не встречается у святых отцов, тогда как учение о Лицах или Ипостасях Бога изложено чрезвычайно четко. Так как человек сотворен по образу и подобию Бога, Лосский считает возможным перенесение принципов и понятий троического богословия в антропологию. Целью данной статьи является рассмотрение того, насколько понятие человеческой личности, сформулированное Вл. Лосским отвечает богословским основаниям восточно-христианской традиции. Так как основные понятия троического богословия, которые использует Лосский для построения концепции личности (ипостась и природа), определим, совпадает ли значение этих понятий в его работах и

* © Гришаева Е.И.

творениях отцов церкви IV века. Для этого рассмотрим, какое значение отцы каппадокийцы вкладывали в понятия «ипостась» и «природа» и как соотносили эти термины друг с другом. Затем сопоставим принятое ими употребление с пониманием этих терминов Владимиром Лосским.

В соборном изложении веры Никейского собора термин *οὐσία* встречается дважды: «Веруем ... во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рожденного от Отца, т.е. из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, Отцу единосущного...» [2, 51]. В Никейском символе веры много внимания уделяется рассмотрению единосущности Лиц Троицы, но нет термина, который бы обозначал Их различие.

Согласно Георгию Флоровскому, Афанасий Великий учил о единосущии Отца и Сына, но различия между сущностью (природой) и ипостасью у него нет, оно появляется у каппадокийцев [9, 47]. Иоанн Мейендорф отмечает, что Афанасий в полемике с арианами отстоял термин «единосущный», который «был осужден на Антиохийском соборе в III веке как выражение модалистской ереси». [8, 74]. Говоря о единой сущности Отца и Сына, Афанасий Великий указывает, что эта сущность не делится на части: «Бог не делится на части; Он – неделимо и бесстрастно Отец – Сыну» [1, 414]. Согласно Мейендорфу, «разработать правильную терминологию, устранившую противоречие между понятием единосущия и троичной природой Бога» удалось только отцам каппадокийцам (Василию Великому, Григорию Богослову и Григорию Нисскому), которые «очистили никейскую веру от подозрений в модализме» [8, 76].

Василий Великий говорит о равной сопричастности сущности (единосущность) всех трёх ипостасей: «Бытие Отца, представлявшееся тебе во [многих] размышлениях, ты заметишь и у Сына, равным образом, и у Духа Святого. Ведь понятие нетварного и непостижимого одно и то же у Отца, Сына и Святого Духа» [3, 55]. В качестве основных свойств сущности он называет нетварность, непостижимость, неохватность никаким местом. Григорий Богослов говорит о «едином Божестве» и «единой Силе», которые присущи трём ипостасям в равной мере; он указывает на неизменность и равенство самим себе этих свойств.

Рассматривая примеры различных сущностей (животного, человека), Григорий Нисский дает следующее определение сущности: «называя сущность такую-то, не иное что означаем, как существование, причастное жизни, в отличие от другого ему неподобного ... к сущности, или ко всякому роду, в отличие от состоящих под ним видов придается слово: такая-то сущность, или такое-то животное, то есть словесное или бессловесное» [5, 371]. Григорий Нисский говорит о сущности как о родовом понятии, объединяющем в себе отличительные признаки, характерные только для данного рода.

Григорий Нисский, говоря о сущности, указывает на неделимость её на части: «естество одно, сама с собою соединенная и в точности неделимая единица, неувеличиваемая приложением, неумаляемая отъятием; но, как есть одна, так, хотя и во множестве является, сущая нераздельною, нераздробляемою, всецелою, неуделяемою причастникам ея по особой части каждому» [5, 114]. Это относится в равной мере и к ипостасям Троицы, и к человеческим индивидуумам.

У отцов каппадокийцев нет принципиального различия между понятием сущности и понятием природы. По отношению к трём ипостасям Василий Великий говорит о единстве сущности, Григорий Нисский так же говорит о единой сущности и трех Лицах («одна и та же сущность, которая в Лицах» [5,

371]). Григорий Богослов в некоторых случаях понятие сущности заменяет понятием естества: «не естества разделяем, но отличаем личные свойства единого и несоединенного естества» [4, 652]. Понятие природы или естества отцы каппадокийцы употребляют не в значении сотворенного бытия, совокупности всех сотворенных вещей, а в значении внутренней сущности вещей.

Таким образом, сущность это понятие, характеризующее общий способ бытия ипостасей, содержащее в себе родовые признаки. Каждая из ипостасей Бога содержит в себе всю полноту сущности; сущность не делится между ипостасями на равные части. Сущность Бога несопоставима с другими тварными сущностями и полностью непознаваема, употребление понятия сущности в отношении Бога довольно условно.

Впервые терминология, указывающая на отличие друг от друга Лиц Святой Троицы появилась в работах отцов каппадокийцев. Для этого они использовали два термина: ипостась (ἰποστασις) и лицо (πρόσωπον). Иоанн Зизиулас в своей работе «Личность и бытие» пишет, что до этого слово πρόσωπον не имело онтологического статуса, не отождествлялось с сущностным бытием человека, а указывало на роль, на некоторое дополнение к бытию, отличное от его сущности. Важность синтеза, заключалось в придании слову πρόσωπον онтологического измерения при помощи сближения его значения со значением термина ἰποστασις.

Григорием Богословом и Василием Великим термины лицо и ипостась употребляют как взаимозаменяемые. Григорий Богослов в Слове XXXIX говорит о тройственном свете, «тройственным в отношении к особенным свойствам, или к Ипостасям (если кому угодно назвать так), или к Лицам (нимало не будем препираться об именах, пока слова ведут к той же мысли), – единым же в отношении к понятию сущности и, следственно, Божества» [3, 652].

Отцы каппадокийцы говорят о неслиянном и раздельном отличии ипостасей. Три ипостаси внутри Святой Троицы имеют «несхожие и необщие замечаемые в Троице признаки, которыми выявляется своеобразие Лиц» [2, 53]. Различие ипостасей отцы каппадокийцы определяют через способ отношения ипостасей друг к другу. Василий Великий называет следующие отличительные свойства ипостасей: Отцовство, Сыновство, Святыня. «Если не представляем отличительных признаков каждого Лица, а именно: Отцовства, Сыновства и Святыни, исповедуем же Бога под общим понятием существа, то невозможно нам здраво изложить учение веры» [3, 283]. В отличие от Василия Великого, Григорий Богослов определяет различие Отца Сына и Святого Духа через рожденность, нерожденность и исхождение: «отличительное свойство Отца есть нерожденность, а Сына рожденность, и Духа Святого - исходность (ἐκτεμψις)» [4, 450]. Василий Великий пишет: «Между Лицами устанавливается некое общение... недомыслимое, неизреченное, но общение непрерывное и нерасторгаемое» [3, 55].

Таким образом, невозможно говорить о личностном бытии вне общения с другими Лицами; следовательно, сам феномен личности возникает через общение с другими. Григорий Богослов уточняет, что различие ипостасей между собой не означает их различия по сущности: «Отец – есть имя Божие не по сущности и не по действию, но по отношению, какое имеет Отец к Сыну или Сын ко Отцу» [5, 518]. Василий Великий определяет различия между сущностью и ипостасью как различие между общим и частным: «и сущность, и ипостась имеют между собою такое же различие, какое есть между общим и отдельно

взятым, например, между живым существом и таким-то человеком» [3, 282].

Несмотря на различие ипостасей между собой, мы не можем говорить об их отдельности, подобно тому, как разделены человеческие ипостаси; все три ипостаси Бога существуют между собой в неразрывном единстве. «...нельзя заметить [между ними] ни в каком месте рассечения или разделения, так чтобы Сын мыслился отдельно от Отца, или Дух отлучался от Сына, но постигаем мы в Них некое неизреченное и непостижимое соучастие и разделение: и различие ипостасей не разрывает связности природы, и общность природы не стирает собственных признаков» [3, 55]. Мысля об Отце, мы одновременно мыслим об Отце и Сыне, а принимая Сына, принимаем и Святого Духа.

Мы (автор статьи) можем сформулировать следующее определение понятия ипостась. *Ипостась* это индивидуальное существование, обладающее неизменными и особыми свойствами, определяемыми через отношения с другими ипостасями и имеющие онтологическое основание в общей природе (сущности). Каждая ипостась содержит полноту природы и, несмотря на общность природы, сохраняет свои отличительные особенности. Невозможно говорить о различии в онтологическом плане между природой и ипостасью. Каппадокийцы подчёркивают недостаточность и ограниченность наших понятий для познания Бога.

В творениях отцов каппадокийцев часто встречаются многочисленные примеры употребления терминов ипостась и сущность применительно к человеку. Чтобы указать на какого-либо конкретного человека, на его ипостась, мы должны назвать его ипостасные свойства: цвет волос, рост, возраст и т.д. Хотя мы и называем Петра и Варнаву человеком, при этом мы подразумеваем одну общую и неделимую сущность, имя которой человек. «Человек суть один человек, и по этому же самому, по имени человек, не могут быть многие, называются же многими людьми по неточному словоупотреблению, и не в собственном смысле» [5, 374].

Г. Флоровский так поясняет этот момент: «...три относятся к различному, а человек есть имя неразличаемой, но как раз отождествляемой сущности» [9, 211]. Под термином человек Василий Великий понимает общность обозначаемого, природу, «лишенную особенных признаков» [3, 56]. Говоря о человеке, мы имеем в виду сущность, общее понятие; а указывая на Петра, Павла как на нечто единичное, мы используем слово человек ввиду неточности нашего словоупотребления.

Владимир Лосский пишет что, в творениях святых отцов мы не можем найти разработанного учения о человеческой личности, а учение «о Лицах или Ипостасях Божественных изложено чрезвычайно чётко» [7, 645]. В работе «Богословское понятие человеческой личности» он раскрывает догматические основания, которым должно соответствовать «понятие человеческой личности в контексте христианского догмата» [7, 646].

Лосский указывает, что в богословии отцов каппадокийцев, ипостась не сводима к сущности или природе. «Несводимость ипостаси к сущности или природе, ... которая, раскрывая характерную ипостасную неопределимость, заставила нас отказаться от тождественности между ипостасью и индивидуумом в Троице» [7, 649]. Лосский определяет ипостась как превосхождение природы; это указывает на то, что личное бытие больше, чем бытие сущности. Понятие $\pi\lambda\sigma\tau\alpha\varsigma$ в Троице включает в себя всю общую природу, а не дробит её на несколько частей. Противопоставление между ипостасью и сущностью в

Троице как между частным и общим он понимает как достаточно условное, как «подход через определения к неопределимому» [7, 648].

Лосский отмечает различные способы отношения между природой и ипостасью внутри Троицы и в антропологии. Внутри Троицы каждая ипостась содержит божественную природу во всей её полноте, ипостаси не противопоставляются друг другу: «Ни одна из них, обладая природой, ею не «владеет», не разбивает ее, чтобы ею завладеть; именно потому, что каждая Ипостась раскрывается навстречу другим» [7, 470]. И «в Троице понятие ипостаси отлично от понятия индивида, принадлежащего к некоторому роду» [7, 650].

В антропологии, согласно Лосскому, мы не можем говорить о единстве природы для всех тварных существ, индивидуумов. Вследствие первородного греха происходит разделение этой природы, её атомизация; присваивая себе отдельную её часть, индивид противопоставляет себя другому. Преодоление раздробленности природы и возвращение её целостности возможно только внутри Церкви.

Различая индивидуума и ипостась, Лосский противопоставляет понятие личности и природы в человеке. Индивидуум принадлежит природе, виду, он представляет собой атомизацию общей для всех людей природы, личность же есть нечто несводимое к природе, её превосходящее. Личность мыслится как самостоятельное начало; в то же время, личность, подобно Лицам внутри Святой Троицы, мыслима только через отношение с другими личностями. Для личности не свойственно отношения противостояния – вражды, как для индивидуумов.

При определении человеческой личности для Лосского наиболее важным является следующее: личность есть несводимость человека к его природе, его индивидуальности. Но, как и в троическом богословии нет четкого положительного понятия Лица, так невозможно дать определения, чем является личность, пишет Лосский. «Сформулировать понятие личности человека мы не можем и должны удовлетвориться следующим: *личность есть несводимость человека к природе*. Именно несводимость, а не «нечто несводимое» или «нечто такое, что заставляет человека быть к своей природе несводимым», потому что не может быть здесь речи о *чем-то* отличном, об «иной природе», но только о *ком-то*, кто отличен от собственной своей природы, о ком-то, кто, содержа в себе свою природу, природу превосходит... » [7, 654].

В заключение надо сказать, что употребление терминов природа и ипостась у святых отцов и Владимира Лосского во многом схоже, однако существуют и некоторые отличия.

Отцы каппадокийцы определяют отличительные признаки ипостасей через их отношение друг другу; Лосский в своих работах, ссылаясь на каппадокийцев, так же говорит об этом, однако, этот момент недостаточно учитывает при построении концепции человеческой личности. Ипостась по отношению к человеку понимается Лосским слишком узко, только как несводимость к природе, а момент единства с природой рассмотрен слабо. У Лосского индивидуум, в отличие от ипостасей Троицы, включает в себя природу; индивидуумы делят природу на отдельные части. Согласно учению отцов каппадокийцев, природа понимается как неделимое общее понятие, а ипостась является индивидуальным проявлением этой природы, но не дробит её на равные части. Для отцов каппадокийцев нет разницы между божественными и человеческими ипостасями в отношении к природе.

Словом, определение личности как несводимости к природе, которое дает Владимир Лосский, расходится с пониманием отношения между ипостасью и природой у отцов каппадокийцев. Согласно последним, ипостась всегда соотносится с некоторой природой подобно тому, как соотносятся частное и общее, и между ними нет онтологического различия. У Владимира Лосского понятие ипостаси онтологически нетождественно понятию природа.

Таким образом, мы можем определить концепцию личности человека у Владимира Лосского как самостоятельное богословско-философское построение, в ряде моментов вступающее в противоречие с богословскими основаниями учения отцов церкви.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасий Великий. Творения. // Афанасий Великий. Соч.: В 4 т. Т. 3. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902.
2. Деяния соборов. // Деяния соборов. Соч.: В 7 т. Т. 1. Казань, 1910.
3. Василий Великий. Творения. // Василий Великий. Соч.: В 3 т. Т. 3. СПб., 1911.
4. Григорий Богослов. Собрание творений. // Григорий Богослов. Соч.: В 7 т. Т.1. М., АСТ, 2000.
5. Григорий Нисский. Творения. // Григорий Нисский. Соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1862.
6. Лосский В.Н. Боговидение. М., 2006.
7. Мейендорф Иоанн. Введение в святоотеческое богословие (конспекты лекций). Вильнюс, 1992.
8. Флоровский Г. Восточные отцы церкви. М., 2005.

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ О ВОЙНЕ И АРМИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются военно-философские идеи видных мыслителей и военных теоретиков «Зарубежной России». Раскрываются причины, обстоятельства и особенности их формирования. Дана классификация военно-философских идей мыслителей и военных теоретиков русского зарубежья по интерпретации взглядов: на причины войны и условия мира; на соотношение войны и мира; на войну, ее историческую сущность, ее смысл, ее природу, на различие в характеристике ее роли в истории человечества на разных этапах общественного развития; на подходы к вопросам идеологического противоборства по военно-философским проблемам; на войну, как воплощенное насилие и его социальную абсолютизацию; на построение и устройство армии будущей России; на войну как факт русской истории; на армию, как яркий и стойкий носитель народных идеалов и традиций; на взаимоотношения народа и армии; на армию как школу патриотической верности; на обобщение опыта первой мировой войны и военных конфликтов в мире 1920-1930 годов, истории русской армии и ее будущего в контексте судеб России, на современную военную организацию и ее элементы и роль духовного фактора в военном деле; на необходимость синтеза отраслей военно-научного знания в науку о войне, о роли, месте и содержании военной доктрины в обеспечении безопасности государства; на вопросы военного строительства, подготовку страны и ее вооруженных сил к будущим войнам, разработку проблем истории войн и военного искусства.

Ключевые слова: русское зарубежье, военно-философские взгляды, классификация, война и армия.

I. Maneev

PHILOSOPHICAL IDEAS ABOUT WAR AND ARMY IN THE CREATIVE HERITAGE OF RUSSIAN EMIGRATION OF THE I-ST HALF OF XX CENTURY

Abstract. In the present article military-philosophical ideas of visible thinkers and military theorists of "Foreign Russia" are considered. The reasons, circumstances and features of their formation reveal. Classification of military-philosophical ideas of thinkers and military theorists of Russian abroad by interpretation of sights is given: on the reasons of war and a world condition; on a war and peace parity; on war, its historical essence, its sense, its nature, on distinction in the characteristic of its role in the history of mankind at different stages of social development; on approaches to questions of an ideological antagonism on military-philosophical problems; on war, as incarnate violence and its social absolutization; on construction and the device of army of the future Russia; on war as the fact of Russian history; on army, as the bright and proof carrier of national ideals and traditions; on mutual relations of the people and army; on army as school of patriotic fidelity; On generalisation of experience of the First World War, military conflicts in the world of 1920-1930, stories of Russian army and its future in a context of destinies of Russia, on the modern military organisation both its ele-

* © Манеев И.В.

ments and a role of the spiritual factor in military science; on necessity of synthesising of branches of military-scientific knowledge for a science about war; about a role, a place and the maintenance of the military doctrine in state safety; on questions of military building, preparation of the country and its armed forces to the future wars, working out of problems of history of wars and military art.

Key words: Russian abroad, military-philosophical sights, classification, war and army.

Все более заметным и примечательным явлением духовной жизни России становится возвращение к многоплановому наследию культуры прошлых поколений. И этот процесс стимулирован не только объективной логикой культурно-исторического процесса, равнодушного к конъюнктуре, капризам переходящей моды или иным сиюминутным интересам общественного сознания. Социально-политические процессы современной России, особенно те из них, которые связаны с качественными критериями ее военно-силовой составляющей, настоятельно требуют своего осмысления.

Исходя из этой необходимости, а также из того, что человек не в состоянии судить о себе адекватно – о своем поведении, образе мыслей, и что это утверждение справедливо не только для сознания отдельных людей, «но и для сознания наций, вероисповедных общностей, политико-идеологических суждений, мы вынуждены обращаться к внешним суждениям, внешним оценкам» [1, 3]. Не являются здесь исключением и проблемы становления и развития философских знаний о войне и мире, об армии и защите Отечества.

К значимой части наследия русской философской культуры относится военно-философская мысль русского зарубежья I-ой половины XX-го в. Философия русского зарубежья развивалась под воздействием двух культурно-исторических факторов. На первых порах она позиционировала себя в качестве преемницы *дореволюционной мысли* и проявлялась как чуткий ретранслятор философских идей исконной России начала XX-го века, а затем – той средой, где сформировались новые мотивы. Ведь впоследствии философия русского зарубежья соотносилась с ходом развития *советской философии* и находилась под определенным влиянием своих бывших идеологических противников.

Идеи военно-философского содержания в культуре русского зарубежья явились следствием и результатом тех идей дореволюционной философии, которые по причине происшедших исторических социально-политических событий привели к мировоззренческому тупику и необходимости осмысления сложившейся в России ситуации. Идеологические промахи, допущенные интеллигенцией, а мыслители русского зарубежья относились к ней в первую очередь, проявились еще задолго до февральской и октябрьской революций 1917 г. Данное обстоятельство обусловило появление философских новаций и в послеоктябрьский период. Этот новый подход русской зарубежной интеллигенции формировался на основе дореволюционных идей, собственных философских наработок и положений советской военной теории.

В дальнейшем успехи советской власти и военно-философские взгляды Советской России из объекта идеологического противоборства превратились в источниковую базу философии русского зарубежья. По мере успехов военного строительства в СССР в звучащей непримиримой критике советской власти появлялось определенное выражение симпатии к ней. Это диалектическое единство приобретает острую актуальность сегодня, когда русское зарубежье

вновь открывает неизвестные страницы русской культуры. Отметим, что характерным для этого стало движение – сменовеховство. Истоком данного течения явился выход в 1921 г. в Праге сборника «Смена вех» со статьями Ю.В. Ключникова, Н.В. Устрялова, С.С. Лукьянова, А.В. Бобрищева-Пушкина, С.С. Чахотина, Ю.Н. Потехина. Самым известным представителем этого движения был Н.В. Устрялов, еще за год до этого опубликовавший в Харбине книгу с похожими идеями «В борьбе за Россию». Смысл работ сводился к следующему: революцию надо воспринимать как данность, надежд на скорое падение большевистского режима нет, и историческая логика приведет большевиков на более умеренные позиции во благо России.

Происходящие на сегодняшний день неоднозначно оцениваемые реформы Вооруженных Сил Российской Федерации, названные странным и расплывчатым сочетанием – *формированием их нового облика*, – вынуждают общество вновь обратить свой взор на теоретические разработки предреволюционной России, советский опыт и философско-теоретическое наследие русского зарубежья. Зачастую эти взгляды оказывались диаметрально противоположными.

Так, например, советское военное строительство базировалось на идеях массовой народной армии, при своеобразном понимании классового подхода к ее комплектованию, где, с одной стороны, главным принципом строительства вооруженных сил признавалось создание армии из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс [12].

С другой стороны, в контексте развития зарубежного крыла русской мысли формировалась иная, противоположная идея, заключавшаяся в том, что в вооруженные силы государства должны идти не только физически наиболее крепкие люди, но и сильные духовно, с воспитанной твердой волей и гордостью принадлежности к ним [19, 10]. По мнению неоднозначно воспринимаемого сегодня генерала Краснова, «армия – не вооруженный народ, а вооруженный народ – не армия. Нельзя воспитывать весь народ как армию, но надо выделить из него некоторую часть, сделать из этой части офицеров как основу армии» [19, 13].

Таким образом, в СССР реализовывалась идея об армии, как вооруженной массе трудящихся, а в среде русской эмиграции выводилась идея об элитарности, избранности армии, состояние которой определять должна была именно каста офицеров – оплот армии, основа духа и организации войск.

В мировой истории нет подобного по своему объему, численности и культурному значению явления, которое могло бы сравниться с русским зарубежьем. И не случайно его называли «Зарубежной Россией», поскольку в 1920-1940-е гг. оно исчислялось 9-10 миллионами человек, причем на 90-95% состоявших из русских [18, 13].

На протяжении 1920-1940 годов XX века русское зарубежье пытается найти себя в новой роли. В общекультурном смысле в этом процессе было много трагичного. Во-первых, мощный интеллектуальный, научно-творческий потенциал был отторгнут новой, советской Россией. Во-вторых, данное обстоятельство дополнялось лично-семейной трагедией – у многих изгнанников на родине остались родные и близкие. Если сначала эмиграция грезилась о скором возвращении на родину, то после явного краха этих надежд зарубежные россияне стали отождествлять себя с особым изолированным «социально-культурным посольством России» [7, 29].

Значительная часть оригинального философского потенциала переместилась за границу. Причиной этого была тесная связь внутри страны философии и классовой идеологии. Любая немарксистская философская концепция в условиях диктатуры пролетариата рассматривалась идеологически несостоятельной и несовместимой с официальной доктриной. Ленин отмечал, что обязанность каждого коммуниста вести систематическую и наступательную борьбу «с буржуазной идеологией, философской реакцией, со всеми видами идеализма и мистики философствования». Интеллектуальный ущерб, нанесенный России в эти годы, даже сейчас невозможно оценить, особенно если иметь в виду, что оставшиеся в стране были, по существу, обречены на молчание. Любые проявления инакомыслия карались. Оставшиеся в советской России яркие мыслители, занимающиеся активным творчеством, представляли собой, скорее, исключение. Так, например, богослов П.А. Флоренский и поэт-философ Н.С. Гумилев остались в СССР и погибли фактически из-за своих убеждений.

Оказавшись за рубежом, русские эмигранты по-прежнему считали себя людьми русской культуры. Первоначально их ассимиляции препятствовало твердое убеждение большинства изгнанных, что их отъезд из России – явление временное, что скоро они вновь смогут вернуться на родину. Отсюда – стремление сохранить язык, обычаи, дать русское воспитание детям. Позднее, когда эти надежды стали угасать после очевидного поражения антисоветских сил и успехов культурного строительства в СССР, эмиграцию поддерживало осознание своей особой задачи, особой духовной миссии – сохранить и развить русскую культуру, не дать прерваться традиции, сделать то, что не могло быть сделано в условиях Советской России [4, 6, 22].

В среде русского зарубежья поддерживалась память о дореволюционной России, культивировалось и идеализировалось прошлое. Культура русского зарубежья выступила как хранилище национального духа. Философы-эмигранты осмысливали трагический опыт революции, анализировали ошибки и извлекали уроки. В то же время они разрабатывали постсоветскую концепцию национально-государственного развития России, ее армии и флота. За двадцать лет активной творческой деятельности в разных странах мира на русском языке были изданы тысячи книг, многие сотни журналов и газет. Значительная часть из них содержала и мощный военно-философский пласт.

Почти все мыслители русского зарубежья, занимавшиеся разработкой вопросов войны и армии, обращались к прошлому русской идеи. Вместе с тем философия русского зарубежья сформировала не только ретроспективный взгляд, но и внесла ряд новаций в русскую философскую традицию. Новый философский подход стал причиной того, что некоторые авторы заговорили даже о смерти традиционной русской идеи и были отчасти правы. Русская идея как мысль о «третьем Риме», о Вселенской Православной церкви, о мессианском предназначении русского народа в привычном смысле действительно начала уходить в прошлое.

С другой стороны, философия русского зарубежья формировалась в противовес мыслительному процессу Советской России, где любой отход от принятой в стране интерпретации марксизма карался не только запретом на осуществление творческой деятельности, но, подчас, психологическим давлением и даже физической расправой. Поэтому традиции немарксистских способов философствования были продолжены вне пределов России. В итоге происходило формирование двух потоков русской культуры – внутри страны и за ее

пределами, причем, в отношении вклада, русское зарубежье оказалось весьма продуктивной частью русской культуры.

С 1930-х годов в эмигрантских изданиях стала активно обсуждаться идея о будущем Русского государства и его вооруженных сил. Она формировалась на фоне интеграции европейских государств и анализа опыта прошедших войн. В Европе данного периода происходит дискуссия – какому государству принадлежит будущее: национальному или выходящему за рамки бытия одного этноса? Какая армия нужна этому государству? На каких принципах она должна быть построена? Кто и как будет выполнять свой воинский долг? Ответы на эти вопросы давались разные. Но любой ответ не снимал необходимости философского осмысления будущего России и роли ее армии в этом будущем.

С позиции сегодняшнего исследования эмигрантской научно-исследовательской и мемуарной литературы можно выделить два основных направления в интерпретации армии будущей России: *реставраторское и модернистское*. Реставраторская тенденция господствовала количественно. В сотнях статей и брошюр этого течения речь шла о том, как вернуться к былой России и дореволюционной армии. Реставраторские взгляды отражали представление о былом международном величии России и славной победоносной истории ее вооруженных сил. Конечно, это было далеко от действительности, скорее, это была романтическая идеализация прошлого. В условиях эмиграции – это вполне объяснимо. Такая идеализация прошлого всегда наблюдается в эпохи резких сломов, перемен, разрушения привычных устоев. Исторические параллели можно в этой связи провести и сегодня, когда разнообразные общественные силы, тяжело переживающие сегодняшнюю ситуацию, грезят о «России, которую мы потеряли», создавая миф о бесконфликтной, великой, процветающей державе и «непобедимой и легендарной» Советской Армии.

Мыслители русского зарубежья на первых порах именно в самодержавии видели ту силу, которая как обруч сможет скрепить распавшуюся Россию. А обстоятельства издержек царского режима при неспособности последнего монарха к управлению огромной страной, дворцовые интриги, сомнительное окружение царской семьи основательно не рассматривали, воспринимали их как досадную случайность. При этом отдельным авторам-реставраторщикам будущее России виделось в возрождении основ не столько царского режима, сколько недолго просуществовавших после Февральской революции хрупких демократических институтов.

Модернисты в среде русского зарубежья также не были идейно едиными. Но именно в рамках этого течения разрабатывались наиболее интересные проекты армии будущей России. Многие из них поднимались от уровня чисто политических прогнозов до философских размышлений. Критически оценивая происшедшее в России, именно в армии они увидели одну из ключевых причин происшедшей революционной катастрофы.

Люди разных уровней взглядов много писали об армии будущей России. И в этой связи есть необходимость в выявлении персоналий и освещении идей обоих направлений, внесших вклад в формирование военно-философского мировоззрения русского зарубежья.

Классифицируя военно-философские взгляды, следует остановиться на определенных сложностях. Учитывая разнообразие взглядов мыслителей русского зарубежья, зачастую проблематично найти даже общий критерий для такой классификации. За основание деления можно взять характер общефи-

лософских взглядов каждого мыслителя, их связь с западной или славянофильской традицией русской мысли, их политические взгляды, и предлагаемые методы перехода от советского режима к предлагаемой модели нового общества, роль религии и церкви в будущем общественном устройстве и, конечно, отношение к войне и принципам строительства вооруженных сил государства. Причем, ясно, что любой критерий изначально не может быть признан исчерпывающим, он работает лишь в ограниченной области историко-философского анализа. В этой связи несколько оправданнее, чем другие, выглядит критерий деления философских рассуждений, связанный с образом будущей армии. В зависимости от того, каким видели философы-эмигранты образ армии, необходимой будущей России, их концепции условно можно разделить следующим образом.

Во-первых, следует представить так называемую модель *христианского социализма*. Одним из самых крупных мыслителей эмиграции, занимавших такую позицию, был Г.П. Федотов. Мыслитель, отдавая предпочтение духовным идеалам христианства, увидел в Первой мировой войне не только бедствие, но и борьбу за свободу в союзе с западными демократиями. «Именно в годину величайших унижений, – отмечал философ, мы созерцаем образ нетленной красоты и древней славы – лицо России. Только в эпоху войн и угроз для государства в человеке просыпается чувство патриотизма как осознание права на свое Отечество» [21, 19]. Войну в мировой истории он видел как более постоянное, чем мир, где даже в длительные периоды нельзя забывать, что это результат равновесия враждебных сил. Границы государства – это не статические формы, а силовые линии, где уравниваются внутренние и внешние давления. Равновесие постоянно нарушается, и тогда происходит расширение, сжатие или гибель государства [22, 149-169]. Это предопределило особую необходимость военной силы и мощи России, так как имели место исторически сложившиеся территориальные, этнографические и стратегические, геополитические отношения с народами на обширных европейских и азиатских ее границах [23, 26].

Неоднократно к военно-философским вопросам обращался один из крупнейших русских философов Н.А. Бердяев. В творчестве автора большое внимание уделялось теме насилия, а война есть воплощенное насилие, его социальная абсолютизация. Война, по Н.А. Бердяеву, – двулика: она несет смерть, но ведется во имя мира. По суждению автора, именно через войны объединялись общества «в большие исторические тела». Поэтому война обращена не к низшим инстинктам, а к высшим проявлениям человеческой природы, к инстинктам самопожертвования и любви к родине. Война – зло, признает автор, «но не столько зло само по себе, сколько связана со злом и является последствием зла более глубинного» [3, 190-193]. Она является проявлением «исконных противоречий бытия, характеризуя ее иррациональные основы» [2, 290].

Вторым по значимости в осмыслении военно-философских вопросов можно считать течение *евразийства*. В теоретическом плане это было новым словом в интерпретации военно-философской мысли, которая, впрочем, стала не совсем русской: главный тезис евразийства как раз и состоял в признании колоссальной роли азиатской составляющей российской истории, в утверждении восточного характера российской государственности и евразийско-русской армии. Евразийцы, как приверженцы сильного государства, не смогли обойти стороной комплекс вопросов, связанных с армией, вооруженными силами и военной организацией. В немногочисленных, но конкретных работах они указы-

вают положительные черты военного строительства в СССР, объясняя успехи в этой сфере «исключительной государственной мудростью русского народа». Евразийцы относили положительное в этой сфере к народной стихии, а не «к коммунистам, которые были лишь удобными орудиями и, в общем, послушными исполнителями».

В сборнике «Евразийство (опыт систематического изложения)» ими были определены основы восстановления военной мощи российско-евразийского государства. В этой связи авторы отмечали положительную роль «всеобщей воинской повинности, определяемой принципом военной годности и территориально-милиционной системой комплектования». При этом также подчеркивалось, что общепринятое понятие стратегии в евразийском понимании расширяется в связи с осознанием новых геополитических приоритетов, а также благодаря осознанию органической связи армии с государственным строем и всей политикой государства.

Войну как неотъемлемый факт русской истории предлагал осмысливать философ Л.П. Карсавин, считая необходимым дружное сотрудничество военных специалистов с историками и философами. В величайшей степени важным представлялось ему понимание войны именно с «русской точки зрения», ведь с начала века Россия пережила две войны, приведших к революции и столь сильно изменивших ее облик. Он полагал, что во многом это произошло *из-за утраты правящим слоем чувства своеобразия русской культуры*. А в войне происходит самораскрытие культуры. Именно в ней истоки величия и великодержавия России. Она же является ярким и стойким носителем народных идеалов и традиций, что определяется ее народной природой. Она живет общими основаниями народной идеологии, поскольку народные идеалы живы в армии еще и тогда, когда в обществе они уже перерождаются, а сама армия нередко становится жертвой «за старые и не ею совершенные грехи». Но именно в связи со своей обращенностью к прошлому, по суждению Л.П. Карсавина, армия, тем не менее, обращена и к будущему, причем, не менее, чем всякого рода иные «прогрессивные» элементы общества. В силу своей консервативности армия, истинно, прогрессивна [16, 40-46].

Еще одним значимым течением, рассматривающим военно-философские вопросы, стало, так называемое монархистское направление. Речь здесь идет не о многочисленных политических группировках и партиях, а именно о *теоретическом монархизме*. У многих мыслителей русской эмиграции монархический идеал формировался на основе философского исследования российской истории, культуры и геополитических особенностей страны. Первым в ряду таких мыслителей следует назвать И.А. Ильина, чрезвычайно много писавшего о судьбе России и ее патриотической основе – армии.

По его оценкам, в будущей России отношение народа к армии обновится и углубится. Народ не должен и не смеет противопоставлять себя армии, как это было перед революцией: «Мы – рабочие, крестьяне, штатские, интеллигенция, а они – военщина, орудие реакции, усмирители, насильники». Автор видит необходимость объединения – тогда «...больное и позорное отношение исчезнет навсегда. Мы – русский народ; и в нем – наша особая, почетно-ответственная, знаменосно-собранная роль. Наша армия – наша честь, наша надежда, наша сила, основа нашего национального существования. Кость от нашей кости и кровь от нашей крови. Она – представительница нашего национального рыцарства; крепостная стена нашей национальной свободы.

Принадлежность к ней – не воинская повинность, а почетное право. Неспособность носить оружие – есть дисквалификация человека. Воинское знамя есть священная хоругвь всего народа. Военный инвалид есть почетное лицо в государстве. Русский народ всегда будет искать радостного, искреннего единения со своей армией. Именно у армии необходимо учиться любви, чести, жертвенности и характеру» [14, 461-462].

Пытаясь заглянуть в завтрашний день своей родины, мыслитель надеялся, что отношение народа к армии качественно изменится, ибо армия – сосредоточение народной силы, надежды и основы национального существования. Он писал: «Русская армия всегда была школой русской патриотической верности. Само воинское звание и дело заставляют человека самоорганизоваться. Армия невозможна без самообладания и усердия, она требует особого воинского качества. Армия невозможна без характера, патриотизма и жертвенности. Ее лозунг: «Жить для России и умереть за Россию» [15, 387].

Сущность вышеизложенного нами сводится к следующему. По мере изучения трудов выдающихся мыслителей русского зарубежья мы приходим к убеждению, что усилия их поисков были направлены на вопросы смысла и природы войны, ее духовно-ценностных истоков, а также судьбоносной роли и предназначения армии для Отечества.

Профессионально военную проблематику на чужбине разрабатывало русское воинство. Как бывшие офицеры, прошедшие фронты русско-японской, первой мировой и гражданской войн, они, рассматривая вопросы военной тематики, вышли на новый качественный уровень и философского осмысления исторического прошлого и того, что происходило в мире тех лет. Опыт истории Русской армии в контексте будущего России, качественное соответствие ее времени, духовный фактор в военном деле – вот основа военно-философских идей, нашедших отражение в ряде монографий и сотнях статей военных авторов.

Самым видным и авторитетным военным умом эмиграции был профессор генерал-лейтенант Н.Н. Головин. Он еще до первой мировой войны написал около десяти научных работ по военной психологии, службе Генерального штаба, методике обучения в высшей военной школе.

В начале 1920-х годов он одним из первых военных ученых проанализировал роль в современной войне танков и авиации и пришел к выводу, что через несколько лет применение таких технических средств будет определять успех в бою. Н.Н. Головин выражал уверенность, что Россия обязательно станет великой танковой державой. Об авиации говорил как о новом методе не только стратегии, но и политики.

С особым вниманием следил ученый за техническим и организационным состоянием Красной Армии, скептически оценивая научные основы ее строительства. Он полагал, что необходимыми условиями создания новой армии должны быть: тщательное изучение передовой техники и опыта минувшей войны; наличие комплексной научной программы военного строительства; долгий период мира для России, который придется, может быть, покупать ценой национального унижения [9, 50].

По мысли Н.Н. Головина, в силу технологического усложнения и повышенной материальной затратности самой войны, а также методов управления ею, государство нуждается в военной доктрине, которая представляет чисто практическое приложение выводов военной науки в условиях определенной войны. Выработать ее без учета государственных, экономических, националь-

ных условий невозможно. В качестве практической рекомендации он пишет, что в основе доктрины будущей российской армии должна лежать идея готовности к борьбе с западными соседями при полном уважении к боевым качествам их войск и к современности их вооружения. Проводя детальное изучение и анализ «кампаний 1914 г. на русском фронте», он пришел к следующим выводам:

Россия была к войне не готова, что выразилось в ошибочности реализации плана войны; имела место преступная деятельность военного министерства по вопросам снабжения армии; стратегия была принесена в жертву политике, где широкие боевые действия начинались не в соответствии со стратегической целесообразностью, а по просьбе союзников, что приводило к неоправданным жертвам Русской армии; фронт держался, в основном, благодаря боевому опыту и героизму офицеров и солдат. Ошибки и промахи начального периода войны во многом обусловили дальнейший неуспех и в конечном итоге приблизили революцию [8, 43].

Профессор Н.Н. Головин пришел к определению, что до сих пор аналитики войны изучали, главным образом, способы ведения войны, а не саму войну [10, 180]. По мнению Н.Н. Головина, наука о войне должна представлять собой социологическое исследование, она призвана изучать законы статике, динамики и эволюции войны. В качестве основных опор социологии войны должны служить: радикально перестроенная военно-историческая наука, психология войны как часть социальной психологии и статистика войны. О предназначении этой науки автор высказался образно: «меры, принимаемые современными цивилизованными народами для предотвращения возможности новой войны, значительно выиграют в своей действительности от подробного изучения самой войны как явления социальной жизни. Лечение всякой болезни становится на верный путь лишь после того, как хорошо изучена природа самой болезни. А война есть социальная болезнь» [11, 7].

Н.Н. Головин, конечно, был не единственным военным аналитиком на чужбине. В первую очередь, сюда следует отнести также генерал-лейтенанта А.В. Геруа, одного из авторитетнейших военных теоретиков русского зарубежья, дошедших до философского осмысления вопросов, связанных с войной.

А.В. Геруа считал, что если исторически пока не обойтись без вооружений, то надо активно стремиться к их сокращению. Если человечество все еще не способно существовать без войн и армий, то необходимы такие армии, которые обеспечивали бы скоротечность и гуманность войн. Им была выражена идея создания небольшой, профессиональной, вооруженной современным оружием новой русской армии [6, 397]. Вопросы государственной обороны Геруа рассматривал через спектр социально-психологических факторов. По его убеждению, военную систему страны невозможно изменить без изучения психологических особенностей армейской массы и среды, ее породившей, т.е. всего народа [6, 7].

А.В. Геруа считал, что наибольший ущерб военному делу наносит односторонний, замкнутый подход к его проблемам. «Только так мы не заблудимся среди полуавторитетов, полумыслей, полудел», – писал генерал А.В. Геруа. «Для того чтобы народ мог быть уверен в своей армии и армия черпала в таком доверии свою нравственную силу, необходимо популяризировать военную доктрину не только в рядах войск, но и в среде народа» [5, 241].

Наряду с Н.Н. Головиным и А.В. Геруа одним из крупнейших представителей военно-философской мысли русского зарубежья был генерал-лейтенант А.К. Байов. Главной в его творчестве была проблема русского национального военного искусства и отечественной военной истории. В эмиграционный период деятельности ученого его внимание во многом сосредоточивалось на разработке основ будущей русской армии.

Исходным моментом строительства новой русской армии А.К. Байов полагает духовное начало. Для этого необходимо, по его суждению, пропагандировать нравственное начало в армии, что может питать ее волю к победе и во имя чего она должна воевать. Среди других основных положений воссоздания вооруженной силы автор выделял: следование общим военным принципам; максимально выгодное, в соответствии с их свойствами, использование современных технических средств; «преимущество качества над количеством»; высокий уровень подготовленности начальников и др. «Все силы и средства, создающие победу, – подчеркивает А.К. Байов, – есть продукт человеческой мысли». Отсюда и то огромное значение этой мыслительной деятельности и последующего приспособления ее к потребностям военного искусства, целям войны и практики военного дела. Для эпохи массовых армий требовался воин, как гражданин, патриот и защитник Отечества. А.К. Байов особо подчеркивал наиглавнейшее качество армии – профессионализм. На обучение ее эффективным способам защиты страны он возлагал большие надежды еще в мирное время. Генерал считал, что армия сможет успешно выполнять задачи только при существовании продуманной и современной военной доктрины [1, 15].

Доктрина, по мнению А.К. Байова, должна отражать духовную и материальную стороны военного дела и предполагать для начальствующих лиц широкое военное развитие, умение научно мыслить в сфере военных идей и действий, знание современных технических средств всеми офицерами и генералами [1, 22-24].

Частично влияние А.К. Байова отразилось в творчестве другого своеобразного автора эмиграции А.А. Керсновского. Он на основе исследований исторического пути русской армии, в ходе постоянного аналитического освещения многочисленных военно-политических и собственно военных проблем приходит к следующим выводам. Русское военное искусство, уходящее корнями глубоко в отечественную историю, имело яркий самобытный характер. В то же время вытекала из его духовных основ мощь русского военного гения, нами недостаточно осознанная. Там, где российские государи и полководцы не озирались на Запад, отмечалось мыслителем, была победа; где преобладало слепое подражание – всюду ожидало поражение. Военные неудачи России конца XIX – начала XX в., по оценке А.А. Керсновского, помимо прочего, объясняются отсутствием национальной военной доктрины, которую он рассматривал как часть общенациональной государственной доктрины, полагая, что обе они должны быть разработаны в послебольшевистской России.

По убеждению А.А. Керсновского, русская военная доктрина должна носить на себе отпечаток высшей гуманности, утверждать превосходство духовных сил над силами материальными, основываться на религиозном начале и национальной гордости, формировать сознательное отношение к воинскому делу. Следует подчеркнуть, что обобщающей работой о русской национальной военной доктрине можно считать именно «Философию войны» А.А. Керсновского. Этот небольшой монографический труд осмысливает вопросы войны и

мира, армии и России, военной науки и военного искусства, даже соотношение рационального и иррационального в военном деле.

Россию А.А. Керсновский представлял монархической, считая, что в русских условиях всякая другая формулировка исключается. Он полагал, что вооруженная сила – один из элементов политики и что утверждение «армия вне политики» – нелепо, ибо армия как раз вооруженная политика [17, 78]. Будущую армию России А.А. Керсновский, как и А.В. Геруа и А.К. Байов, видел малой и качественной. Ее духовно-организационным стержнем, ведущей силой по праву считал офицерский состав, говоря, что высокий престиж офицера в обществе – ключ к решению проблемы офицерского корпуса.

Таким образом, изучив и изложив *основы* философского наследия русского зарубежья по военно-философской проблематике, можно и надо сделать несколько выводов. Русская эмиграция, пережив трагедию изгнания, не оставила в стороне рассмотрение целого ряда философских вопросов о судьбе России. В нелегких, порой трагических условиях мыслители-эмигранты продолжали развивать отечественную философию, причем их творчество носило весьма разнообразный характер. Данное обстоятельство определило многообразие идейно-философских течений в рамках культуры русского зарубежья. С одной стороны, философы-эмигранты в своем творчестве продолжили культурно-исторические традиции дореволюционной России, с другой – русское зарубежье стало той средой, в рамках которой открылись новые страницы отечественной философии, принесли в нее многочисленные идейно-теоретические новации. При этом процессы формирования философии русского зарубежья происходили как в критическом ключе по отношению к существующей советской теоретической мысли, так и под воздействием возникающих и развивающихся симпатий к успехам реального социализма в СССР.

Мыслители русского зарубежья в своих трудах рисовали будущую картину государственного устройства России. При этом их идеальные государственные проекты включали мощный военно-теоретический компонент. Русские философы-эмигранты ставили и по-своему отвечали на вопросы: какая армия нужна России, каково ее предназначение, ее место и роль в будущем российском обществе. По мере постановки и теоретического рассмотрения общих военно-философских проблем, философы русского зарубежья не обошли стороной и более конкретные, частные вопросы, связанные с определением места и роли войны и армии в судьбах России. Среди них – вопросы о системе комплектования армии, роли и месте в ней офицерского состава, о необходимости четко выраженной государственной военной доктрины, о соотношении армии и политики, о новых формах ведения боевых действий и способах применения отдельных родов и видов вооруженных сил в предвоенный период. Они рассматривали вопросы военного строительства, подготовку страны и ее вооруженных сил к будущим войнам, разрабатывали проблемы истории войн и военного искусства. Ими не обойден и комплекс вопросов, связанных с морально-нравственным осмыслением воинской деятельности как в условиях войны, так и в мирное время.

В рамках философии русского зарубежья сформировались разнообразные подходы к вопросам идеологического противоборства по военно-философским проблемам. Причем идейные позиции русских философов-эмигрантов изначально формировались как в антизападном, так и в антисоветском ключе. Впоследствии в среде русской эмиграции образуются концепции просо-

ветской направленности. Данное обстоятельство обусловило идеологический раскол русского зарубежья. Можно и надо поэтому сказать, что философское противостояние, в том числе и по военно-теоретическим вопросам, определило сложную картину идеологического размежевания. Более того, в условиях начавшейся второй мировой войны идейная борьба привела к реальному вооруженному противоборству. Эти особенности обусловили сложность изучения философии русского зарубежья вообще и военно-философских вопросов в частности. Вместе с тем, происходящие в современной России кардинальные изменения в сфере военного строительства способствуют повышению научно-практического интереса современного российского общества, внимания к оригинальным, ярким, порой, противоречивым военно-философским идеям, сформированным в первой половине XX в. в условиях русской эмиграции.

Труды и опыт мыслителей русского зарубежья сегодня могут стать действенным толчком к теоретическому и практическому осмыслению и реализации современных программ модернизации российских вооруженных сил. Более того, военно-философские взгляды русского зарубежья содержат мощный заряд идей патриотизма, гражданственности, любви к родине. А дефицит этих идей все более остро ощущается на современном этапе развития российского общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Байов А.К. Русская военная доктрина // Вестник военных знаний. – Сараево, 1933. – № 4. – С. 15, 22-24.
2. Бердяев Н.А. Мысли о природе войны // Русские философы о войне. – М., 2005. – С. 290.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русское зарубежье. – Л., 1991. – С. 190-193.
4. Волкогонова О.Д. Образ России в философии русского зарубежья. – М., 1998. – С. 6, 22.
5. Геруа А.В. Монизм // Российский военный сборник. – М. 1994. – Вып. IV. – С. 241.
6. Геруа А.В. Полчища. – София, 1923. – С. 7, 397.
7. Гиппиус З.Н., Кочаровский К.Р. Что делать русской эмиграции? – Париж, 1930. – С. 29.
8. Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей российской Вооруженной силы. – Белград, 1925. – С. 43.
9. Головин Н.Н. Современная война и «Красная вооруженная сила» // Военный сборник. – Белград, 1922. – Кн. 3. – С. 50.
10. Головин Н.Н. Суворов и его «Наука побеждать». Наука о войне. О социологическом изучении войны. – М.: Изд-во ВАГШ, 1995. – Вып. 1. – С. 180.
11. Головин Н.Н. Усилия России в мировой войне. – Париж, 1939. – Т. 1. – С. 7.
12. Декрет Совета Народных Комиссаров об организации Рабоче-Крестьянской Красной армии № 234 от 28 января 1918 г. // Газета временного Рабочего и Крестьянского Правительства № 18 от 2 февраля 1918 г.
13. Зеньковский В.В. По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // Современные записки. – Париж, 1926. – Кн. 29. – С. 294.
14. Ильин И.А. Соб. соч.: в 10 т. – Т. 7. Творческая идея нашего будущего. Об основах духовного характера. – М., 1998. – С. 461-462.
15. Ильин И.А. Указ. соч.: Т. 10. Борьба за Россию. – М., 1998. – С. 387.
16. Карсавин Л.П. Армия и революция // Евразийская хроника. – Париж, 1927. – Вып. 9. – С. 40-46.
17. Керсновский А.А. Философия войны. – М, 1995. – С. 78.
18. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). – Париж, 1971. – С. 11-13.
19. Краснов П.Н. Армия // Русский колокол. – Берлин, 1928. – № 3. – С. 8-13.
20. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. – М., Политиздат, 1991. – С. 3.
21. Федотов Г.П. Лицо России // Свободные голоса. – СПб., 1918. – № 1. – С. 11-19.
22. Федотов Г.П. Судьба империй // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1947. – № 17. – С. 149-169.
23. Федотов Г.П. Федерация и Россия // Новая Россия. – Париж, 1940. – № 77. – С. 25-26.

ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КОЛЛИЗИИ ЖИЗНЕЙ В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ*

Аннотация. В статье анализируется опыт философского осмысления ситуации коллизии жизней в немецкой классической философии. В ней подробно излагается позиция И. Канта, представившего морально-нравственное решение проблемы с точки зрения нравственной обязанности перед собой и с точки зрения морального закона. Анализируется и его решение проблемы с точки зрения права (выведение проблемы из правового поля). Останавливается автор также и на анализе позиции Фихте при решении указанной проблемы, делая акцент на его теории экзеptions. В статье подчеркивается, что всесторонний анализ эта проблема нашла в философии Гегеля и его последователей, которые сформулировали определение понятия «крайней необходимости», выделили ее виды и обосновали право нужды, к которому и относится ситуация коллизии жизней. Завершает статью анализ позиции Фейербаха по данному вопросу, который отмечал эвдемонистические начала жертвенного поведения.

Ключевые слова: немецкая классическая философия, крайняя необходимость, коллизия жизней, право нужды, угроза жизни, самопожертвование, моральная обязанность, моральный закон, правоохраняемый интерес, абсолютная ценность жизни, относительная ценность жизни.

N. Stepanov

EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE PROBLEM OF LIFE COLLISION IN THE CLASSICAL GERMAN PHILOSOPHY

Abstract. In the article the experience of philosophical understanding of the problem of life collision in the classical German philosophy is analyzed. Moreover the article gives a detail description of Kant's position, who demonstrated the moral decision of the problem from the point of view of moral obligation to the person himself and from the moral law point of view self-sacrifice for the sake of the other person, the decision of the problem from the point of view of Law is also examined (showing the problem in the legal framework). Besides the author stops on the analyses of Fichte's position on the pointed problem and makes the accent on his theory of exemption. In the addition the author emphasizes that the problem was thoroughly analyzed in the philosophy of Hegel and his successors, who formulated the definition of the notion "extreme necessity", singled out its species and justified the right of need to which the situation of life collision is related. In the end Feiembach's opinion to this question is given, where the philosopher showed the evdemonical beginnings of sacrificial behavior.

Key words: classical German philosophy, extreme necessity, life collision (conflict), right of need, danger to life, self-sacrifice, moral obligation, moral law, remedial interest, the absolute value of life, the relative value of life.

Проблема коллизии жизней, означавшая ситуацию, в которой жизнь одного (одних) может быть спасена за счет жизни другого (других), имеет множество аспектов рассмотрения – правовой, морально-этический, медико-биологи-

* © Степанов Н.В.

ческий. Однако именно философское её прочтение раскрывает обозначенную тему всестороннее, показывая и сложность, и неоднозначность ее решения. Об этом свидетельствует и исторический опыт философского осмысления обозначаемой проблемы, ибо вопрос жизненных коллизий поднимался еще в древней восточной и античной философии в связи с осуждением человеческих жертвоприношений Богам, когда жизнь одного приносилась во имя сохранения жизни всего рода.

Вместе с тем, в современной формулировке в наиболее четком виде проблема получила отражение в теории немецкого юриста и философа XVII века С. Пуффендорфа, который первым смоделировал ситуацию столкновения человеческих жизней – коллизию жизней. Проблему он описал следующим образом: если во время кораблекрушения кто-либо, спасая свою жизнь, схватится за доску, на которой не могут уместиться двое, а кто-либо другой, борясь со смертью, ухватится за ту же доску, что может погубить обоих, тогда первый поступит вполне правильно, если толкнет с доски второго и таким образом спасет себя. Подобное действие Пуффендорф объявлял непроступным [6, 423].

Указанный пример получил название «Пуффендорфовой доски спасения». Мыслитель полагал, что спасающий свою жизнь исходит из природного начала – чувства самосохранения – и осуждать его, а уж тем более рассматривать его действия как преступные с правовой точки зрения нельзя.

В XVIII в. проблема коллизии жизней рассматривается в трудах целого ряда философов. Большинство из них стремились подойти к ситуации коллизии жизней с морально-нравственных позиций, хотя некоторые пытались перевести проблему в поле правовое, юридическое. Этот аспект проблемы получил широкое звучание в немецкой классической философии. В сочинениях Канта, Фихте, Гегеля, Фейербаха коллизия жизней рассматривается в рамках более общей проблемы - крайней необходимости. Состояние крайней необходимости возникает там, где сталкиваются два провоохраняемых интереса и сохранение одного (более ценного) достигается принесением в жертву другого (менее ценного). Вместе с тем указанные философы стремились подойти к анализу ситуации коллизии жизней более всесторонне, акцентируя внимание на ее разных аспектах.

Так, И. Кант особое внимание уделил морально-нравственному изучению проблемы. Философ основательно охарактеризовал комплекс главных нравственных обязанностей человека. Начав с перечисления обязанностей «по отношению к самому себе», Кант поставил на первое место долг человека заботиться о сохранении своей жизни и собственно здоровья. Но забота о своей жизни - это только максима, субъективный принцип воления, значимый для воли данного единичного лица. Категорический же императив, сформулированный как всеобщий нравственный закон, утверждал: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда не относился бы к нему только как средству» [3, 205]. Поэтому, сохраняя себе жизнь в ситуации коллизии жизней, ты выполняешь, по Канту, нравственную обязанность перед собой, но твой поступок не может быть рассмотрен в качестве нравственного закона.

Канта интересовал и правовой аспект ситуации коллизии жизней при крайней необходимости. Крайнюю необходимость мыслитель рассматривал в своих работах как «принуждение без права». Действия лица, выживающего за счет гибели другого, считал он, ненаказуемы вследствие бессилия закона в

этом случае. Такая точка зрения вытекала из общих правовых воззрений немецкого философа.

Право И. Кант толковал как проявление практического разума. Всеобщий правовой категорический императив он формулировал следующим образом: «Поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» [3, 286].

По Канту, право есть совокупность условий, при которых произвол одного лица может быть совмещен с произволом другого по общим правилам свободы. Уголовный закон - это категорический императив, применяемый к преступнику. В положении же крайней необходимости можно говорить не о «праве нужды» (поскольку не может быть нужды, которая бы делала с правом то, что неправомерно), а только лишь о дозволенном насилии по отношению к лицу, которое со своей стороны никакой силы против деателя не применяло. Дозволенным действие является по субъективным, а не по объективным основаниям.

На примере «пуффендорфовой доски спасения» И. Кант утверждал, что угроза еще неопределенным злом (т.е. смертной казнью по судебному приговору) не в состоянии перевесить страха перед действительным, неминуемо грозящим, злом (потерей жизни в море). В подобных ситуациях человек, как правило, теряет контроль над душевными силами и над своими поступками, фактически становится существом, обезумевшим от страха. Это происходит от того, что любое лицо обладает чувством самосохранения от рождения и до смерти. Подсознательное желание избежать внешней, объективной угрозы для жизни, имеет биологическое происхождение и, как правило, не зависит от воли индивидуума и проявляется инстинктивно.

Если один из потерпевших крушение для спасения своей жизни, сталкиваясь с плавающей доской другого лица, пытается отнять ее у него, то не может быть уголовного закона, который бы грозил виновному наказанием. Не может быть потому, что никакой закон ни в каком случае не окажет на деателя предположительного влияния.

Даже если установить запрет на право сохранять свою жизнь за счет жизни другого, то в абсолютном большинстве случаев, как полагал И. Кант, действия лица по спасению собственной жизни все равно будут совершаться. Такие соображения позволили И. Канту назвать крайнюю необходимость «двухсмысленным правом» [3, 234, 307]. Здесь важно отметить, что философы того периода нередко при изложении своих взглядов опирались на теорию естественных прав человека. Это неотъемлемые (абсолютные) права на жизнь, здоровье, телесную (физическую и психическую) неприкосновенность и ряд других, т.е. личные неимущественные права, принадлежащие человеку с момента его рождения.

Таким образом, право на жизнь - есть абсолютное право. У человека существует неотъемлемое право искать спасения всюду, где ему грозит опасность. Право на крайнюю необходимость не устанавливается, а лишь санкционируется государством. Даже если государство пойдет по пути запрета на осуществление указанного права, то данные действия все равно будут совершаться большинством населения. Гарантией соблюдения прав человека является то, что государство не вправе принуждать человека спасать жизнь другого лица ценой собственной жизни.

Допустимо ли жертвовать одним человеком, чтобы спасти жизнь многих людей? Если исходить опять же из принципа абсолютной ценности жизни, то

такие жертвы не допустимы. Говоря словами И. Канта, жизнь человека ни при каких обстоятельствах не должна использоваться в качестве способа правового решения проблем [3, 423, 427].

Чтобы понять суть учения Фихте о крайней необходимости, важно отметить, что философ саму сферу права рассматривал как реализацию свободного действия человека. Правовой закон, утверждал Фихте, требовал, чтобы человек, живущий в обществе с другими людьми, ограничивал свою свободу, тем самым, позволяя наряду с его свободой существовать свободе других людей. Право, в отличие от нравственного закона, не требует от человека доброй воли, оно касается лишь внешних поступков [1, 133].

Применительно к крайней необходимости Фихте исходил из ситуации, когда один из участников оцениваемого события должен погибнуть, иначе гибель грозит одинаково обоим. Ситуация в данном случае рассматривалась Фихте как выходящая из сферы права, поскольку в ней действуют законы природного начала, естественной борьбы за выживание. Ответственность субъекта исключалась вследствие отсутствия условий вменения: «Юридические отношения мыслимы при возможности сосуществования. Там же, где имеется коллизия сосуществования, там исчезает господство юридического порядка, и вред, причиненный кому-либо при таких условиях, нельзя назвать ни законным, ни противоправным» [6, 423]. Право на жизнь отнято естественным путем, разрешение указанной коллизии всецело зависит от физической силы и произвола.

Однако так как после совершения деяния, деятель все-таки встает под господство закона, то право необходимости, по Фихте, можно рассматривать как право считать себя совершенно изъятым из сферы влияния всякого законодательства. И всё же, здесь нельзя не сказать, что основное положение учения Фихте все-таки остается недоказанным: каким образом столкновение интересов уничтожает бытие права, когда само право возникает только по поводу таких столкновений? С другой стороны, по этой теории пришлось бы крайне расширить пределы необходимости, устраняющей преступность деяния, так как при уничтожении господства права делается возможной не только непротивозаконная защита жизни за счет какого-нибудь ничтожного права, но и наоборот.

Крайняя необходимость в воззрениях И.Г. Фихте, таким образом, есть право произвола. По его мнению, «право крайней необходимости можно определить как право считать себя выключенным (exemt) из-под всякой правовой сферы. Действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, не есть действие ни правомерное, ни бесправное, оно есть действие для права совсем безразличное» [5, 172]. Изложенные взгляды получили название теории «экземпции».

По Фихте, крайняя необходимость определяется «правом произвола» – как субъективное право считать себя выключенным из-под всякой юридической сферы, а действия лица в ситуации «коллизии жизней» – как безразличные для права. Решение коллизии жизней зависит таким образом у Фихте не от права, а от физической силы и субъективной воли участников. Следует обратить внимание и на то, что Фихте не дает морально-этическую оценку выбора, сделанного в ситуации коллизии жизней, останавливаясь лишь на ее правовой стороне.

Более всесторонне осветить проблему коллизии жизней постарался в своих работах Г.В.Ф. Гегель, хотя, безусловно, особый акцент он сделал на ее

правовой стороне. По Гегелю, сфера права – это сфера объективного духа, наличное бытие свободной воли. Здесь имеется в виду не только ограниченное юридическое право, но и право, которое обнимает наличное бытие всех определений свободы.

Применительно к крайней необходимости и к ситуации коллизии жизней, Гегель утверждал так называемое право нужды. Философ признавал крайнюю необходимость правом нужды и утверждал, что «защита своего права за счет чужого права становится правомерным деянием, как скоро приходится защищать жизнь как основу бытия личности, за счет какого-либо его единичного проявления, например, права имущественного» [2, 171]. Жизнь как совокупность целей имеет право пойти наперекор абстрактному праву.

По мысли Гегеля, если жизнь может быть спасена посредством хищения хлеба, то в таком случае, хотя и нарушается имущественное право, неправильно было бы видеть в этом деянии кражу. Запрещение такого деяния означало бы установление полного бесправия личности, отрицание всей его свободы. По Гегелю, право крайней необходимости порождается лишь тогда, когда опасность является непосредственной. «Только нужда непосредственно настоящего может оправдать неправомерный поступок, ибо в несовершенности его заключалось бы совершение неправа, причем наивысшего, в именно полное отрицание наличного бытия свободы...» [2, 171]. Будущее в таких ситуациях, отмечал философ, теряется в случайностях. В настоящий момент жизнь требует помощи. Лишь нужда непосредственного настоящего может дать право на неправомерный поступок, ибо при несодействии такового, создается высшая неправда, полное отрицание бытия свободы личности.

Словом, нужда, по Гегелю, открывает конечность и, тем самым, случайность как права, так и блага, – случайность абстрактного наличного бытия свободы без того, чтобы оно было существованием особенного лица, и случайность сферы особенной воли без всеобщего права. Другими словами, с точки зрения Гегеля, крайняя необходимость существует даже в тех случаях, когда спасается государственное благо за счет гибели отдельного лица: «Если государство требует жизни, то индивидуум должен ее отдать» [2, 170]. «Жизнь не необходима, если она противостоит более высокому, свободе» [2, 170].

Вместе с тем Гегель отмечал, что подобные действия всегда должны находиться под жестким контролем государства: «Если воин и судья имеют не только право, но и обязанность лишать жизни людей, то при этом точно указывается по отношению к какого сорта людям и при каких обстоятельствах это дозволено и обязательно» [2, 170]. Отсюда, по Гегелю, жизнь перестает быть абсолютной, а становится относительной ценностью, которой можно пожертвовать во имя еще более высокой ценности, например, блага государства. Но одновременно он писал, что «если бы человеку, жизни которого угрожает опасность, не было дозволено действовать так, чтобы сохранить ее, он был бы определен как бесправный, и этим отказом ему в жизни отрицалась бы вся его свобода» [2, 171].

Одновременно нельзя не отметить некую противоречивость Гегеля в вопросе об абсолютной ценности жизни. Например, в связи с проблемой коллизии жизней Гегель писал о естественных неотчуждаемых правах человека, среди которых – его право на жизнь. При этом он выделил два основных момента: 1) эти права никто не дарует человеку и их нельзя у него отнять, не разрушив саму человеческую личность; 2) человек не может передать данные права, даже

если у него возникнет такое желание. Поэтому право на жизнь у Гегеля имеет и абсолютную, и относительную ценность.

Следует также отметить, что Г. Гегель начал одним из первых разделять крайнюю необходимость на виды. В частности, он писал о праве нужды (при коллизии жизней) и о праве «в состоянии необходимости», возникающем при столкновении иных благ и интересов. В дальнейшем эти идеи разрабатывались последователями Гегеля (К. Билдингом, Х.Р. Кестлином и др.), которые сформулировали разделение крайней необходимости на формы: на правомерную и на исключаящую вину. Они также распространили понятие о праве нужды на случай столкновения жизни с личными правами, и – даже (Кестлин) – жизни полной с жизнью начинающейся, возможной. Во всех же других случаях столкновения прав сторонники этого воззрения видели условие, не уничтожающее преступность, а только вызывающее снисхождение к ней.

Таким образом, мыслители указанного периода, опираясь на идеи Гегеля, исходили из того, что действия лица в ситуации коллизии жизней не подпадают под действие права, так как речь идет о чувстве самосохранения – природном инстинкте, который по своей силе перевешивает все остальные. В связи с чем сформировалось понятие *извинительной крайней необходимости*, которое относится к случаям, когда лицо сталкивается с опасностью, угрожающей его жизни и здоровью, либо жизни и здоровью его близких. Ее суть состоит в бессилии карательной угрозы удержать от совершения преступления человека, «обезумевшего» от страха. Характерным признаком «извинительной» необходимости является идея о допустимости причинения смерти другому человеку с целью спасения собственной жизни.

Однако для философии была важна не только правовая, а, прежде всего, морально-этическая оценка ситуации коллизии жизней, в которой обозначилась явная коллизия не только морали и права, но и самих моральных норм. Традиционные альтернативы моральных учений – гедонизма и аскетизма, эгоизма и альтруизма, морали спонтанного стремления и ригористической морали долга – все сторонники этих направлений высказали свои позиции по поводу морально-этической оценки рассматриваемой ситуации. В частности, этика эгоизма делала акцент на идее собственного спасения в такой ситуации; этика альтруизма, наоборот, призывала пожертвовать собой во имя спасения другого. В связи с последним нельзя не обратиться к мыслям Л. Фейербаха – еще одного представителя немецкой классической философии. Жертвенное поведение в ситуации коллизии жизней он объяснял стремлением к заботе о счастье других. Здесь центральным образом его рассуждений о морали оказывается жертва жизнью во имя счастья друга. «Добродетель – это собственное счастье, которое, однако, чувствует себя счастливым только в связи с чужим счастьем, которое даже готово жертвовать собой, но только потому и только тогда, когда обстоятельства, к несчастью, складываются так, что счастье других, которых больше, чем я, и которые значат для меня больше, чем я сам один для себя, зависит от моего собственного несчастья, когда жизнь других зависит только от моей собственной смерти» [4, 635-636]. По Фейербаху, такой образ действия может доставить счастье также и тому, кто жертвует. Жертвенное поведение строится, таким образом, по мнению мыслителя, на эвдемонистических началах.

Заключая подчеркнем как выводы. В немецкой классической философии проблема коллизии жизней получила свое дальнейшее развитие по двум основным пунктам:

- в области философии права было раскрыто понятие крайней необходимости, показаны ее виды, определено понятие «право нужды», обоснована необходимость вывода из правовой плоскости ситуации коллизии жизней или, по меньшей мере, включение ее в право нужды;

- в области моральной оценки ситуации определены фактически две противостоящие позиции: жертвенность как проявление высшего морального начала и самосохранение как нравственная обязанность человека, личности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гайденко П.П. Философия Фихте и современность. – М., 1979.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М., 1990.
3. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. – Т. 4. – М., 1994.
4. Фейербах Л. Избранные философские произведения. – Т. 1. – М., 1955.
5. Фихте И. Сочинения: В 2-х т. – Т. 2. – М., 1993.
6. Энциклопедия государства и права / Под ред. П.И. Стучки. – Т. 2. – М., 1930.

РАЗДЕЛ IV. ВОПРОСЫ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

кафедры философии МГОУ и докторского диссертационного совета по философским наукам Д. 212.155.08 при МГОУ

1. Докторский диссертационный совет Д.212.155.08 по философским наукам (специальности 09.00.11 и 09.00.03) утвержден и с февраля 2008 года приступил к работе по аттестации научно-педагогических кадров (Приказ ВАК России № 1 – 130 от 25.01.2008 г.). Он стал преемником совета, который был впервые утвержден при МГОУ еще в октябре 1993 г. и успешно работал около 15 лет. Защиты осуществлялись тогда по трем основным философским специальностям (01, 03 и 11-й).

Приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) № 1925-281 от 08.09.2009 г. срок полномочий совета Д.212.155.08 при МГОУ продлен на период действия номенклатуры специальностей научных работников, утвержденной приказом Минобрнауки от 25.02.2009 г. № 59, т.е. фактически до начала 2015 г. Но мы надеемся: продление нашей жизнедеятельности будет.

2. В номерах серии «Философские науки» Вестника МГОУ как *ВАКовского, рецензируемого* журнала (издается таковым он с 2005 года, Вы сейчас читаете 21-ю книжку журнала) рассказывалось максимально подробно, детально, т.е. по возможности всесторонне, о научной деятельности кафедры философии МГОУ (разумеется, с акцентом на подготовку докторантов, аспирантов, соискателей) и философского диссертационного совета при МГОУ, в первую очередь об экспертизе диссертаций и их защите соискателями в совете, т.е. о проведении советом *собственно процесса аттестации* научно-педагогических кадров. Поэтому, как и в третьем, так и в настоящем, четвертом номерах Вестника серии «ФН» мы дадим лишь краткую обобщенную информацию об этом научно-аттестационном процессе, реализованном кафедрой философии и философским советом в 2008 и 2009 гг., а также в трех кварталах года 2010.

Итак, за 2,5 календарных года экспертной оценке в диссертационном совете было подвергнуто (иногда и с повторным обсуждением) 4 докторских и 12 кандидатских диссертаций, представленных в совет соискателями ученых степеней, в т.ч. и прежде всего, докторантами и аспирантами разных форм обучения, но официально прикрепленными

к кафедре философии МГОУ (ясно, конечно, и то, что все эти работы должны были пройти необходимые экспертизы и тот процесс, который обычно всеми обозначается как *предзащита*, т.е. предварительное обсуждение работ с принятием – как правило – развернутого заключения на заседании кафедры), а также соискателями (в т.ч. докторантами и аспирантами из других вузов страны и зарубежья), представившими свои диссертации непосредственно в наш диссертационный совет, поскольку они «прошли» необходимую «предзащиту» по месту прежней учебы или прикрепления для завершения диссертационных исследований.

Докторские диссертации по историко-философской специальности в совете защитили: Макеев С.В. (МГОУ; научное консультирование здесь принадлежало профессору нашей кафедры, члену диссертационного совета Бузуку Г.Л.) и Подоль Р.Я. (Рязань, РГУ им.С.А. Есенина). По *социальной философии докторская работа* была защищена Песоцким В.А. (МГОУ; научное консультирование здесь было осуществлено профессором кафедры Академии ФСБ РФ, но давнишним членом нашего совета, профессором Кокориным А.А.). В порядке замечания надо отметить, что в предыдущий период докторских работ «прошло» значительно больше. В т.ч. в 2007 г. состоялась защита работы по онтологии и теории познания Деминой Л.А. (МГОУ).

Кандидатские диссертации по историко-философской специальности защитили аспиранты и/или соискатели Абросимова Л.В. и Бузук Л.Г. (обе из Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования РФ (АПКП-ПРО РФ). Но научное руководство по обеим работам принадлежит здесь И.И. Семаевой – профессору кафедры философии МГОУ. Правда, сегодня она отлично совмещает еще и заведование кафедрой философии науки и образования упомянутой Академии. Успешно защитила диссертацию по истории философии и аспирантка из Тулы (ТГУ) Петракова И.Н. (научным руководителем у нее был к.филос. н., доцент Троегубов А.Г.).

Кандидатские диссертации по социальной философии у нас защитили: Архангельская Н.О. (ст. преподаватель кафедры

философии МГОУ; научный руководитель - проф. Демина Л.А.); Микрюков В.О. (Академия гражданской защиты МЧС России, научный руководитель – к.филос.н., доцент Малов А.В.); Миронова Е.Н. (Ставропольский технический университет, научное руководство осуществили: первоначально проф., доктор филос.наук Грузков В.Н., затем – доктор филос.н. Каньшин А.Н. (Москва, Ассоциация «Мегапир – председатель совета директоров; и Общественная палата России – председатель Комитета, 2008 и 2009 годы); Морозова О.Е. (Владимир, ВГУ; Москва, МГОУ, соискатель; научное руководство было проведено проф. Дыриным А.И.); Огородников А.Ю. (Москва, РГОТУПС; работа выполнена под научным руководством доктора филос.н., проф. Климова С.Н.); Флорова Е.В. (МГОУ, секретарь кафедры философии; научный руководитель - проф. Демина Л.А.); Черницкая А.Л. (Москва, Современная гуманитарная академия – СГА, научный руководитель – к.филос.н., доцент Озеров А.А.).

Все эти диссертации, успешно защищенные в совете (высокий уровень докторских работ отмечался в процессе защит, но и по трем кандидатским диссертациям (Бузук Л.Г., Морозовой О.Е. и Огородникова А.Ю.) это отражено было в документах, направленных в ВАК. К тому же все эти работы были выполнены и защищены не только с высоким качеством, но и с опережением графика, т.е. здесь имела место *«досрочность»* выхода соискателей на защиту.

Замечу также, что все докторские защиты одобрены Президиумом ВАК, который своими решениями *присудил докторантам ученую степень* доктора философских наук. Дипломы выписаны и вручены соискателям в зале заседаний Президиума ВАК России. В своих вузах они назначены на профессорские должности, а двое уже получили и профессорские аттестаты. Все кандидатские работы были сняты с *контроля* и соискателям выписали дипломы кандидатов философских наук. Дипломы всем выданы, т.е. получены всеми. Пожелаем же нашим новым кандидатам теперь роста доцентского. И преподавать! И публиковаться! Но не спешить к докторской. Надо созреть!

Разумеется, нельзя не отметить, что успешному прохождению всех тринадцати наших диссертаций существенно способствовала не только первичная экспертиза, но и *требовательность* членов диссертационного совета. Это так. Совет у нас работающий, требовательный, но и благожелательный, нацеленный на оказание реальной помощи тем, кто ее хочет принять и лучше реализоваться в

создании и защите своего научно-квалификационного труда. Особо все же хочу отметить *работу ведущих организаций и официальных оппонентов*, а в ряде случаев и *оппонентов неофициальных* – участников, имеющих место всегда на наших заседаниях так называемых *«развернутых дискуссий»*.

По упомянутым здесь докторским и кандидатским диссертациям мы приглашали выступить в качестве ведущих организаций (с целью получения коллективного отзыва от имени, например, кафедры, отдела, сектора) и МГУ им М.В. Ломоносова (кафедра истории русской философии философского факультета), и РУДН (кафедра истории философии), и АПКППРО РФ, и МГГУ им. М.А. Шолохова, и Красноярский ГПУ им А.П. Астафьева, и Армавирский ГПУ, и Тульский артиллерийский инженерный институт, и Военный университет МО РФ (Москва), и Военную академию РВСН им. Петра Великого (Москва), и Российский государственный открытый технический университет путей сообщения (Москва), и другие вузы страны.

Официальными оппонентами по докторским и кандидатским диссертациям советом были приглашены и утверждены известные доктора философских наук, профессора (и не только московские, но и питерские, и из других мест и весей...). Это Беркут В.П. (г. Балашиха, ВТУ Спецстроя РФ, член совета; дважды), Горбунов В.С. (член совета), Губман Б.Л. (Тверь, ТГУ), Делокаров Р.Х., Деникин А.В. (член совета; трижды), Климов С.Н. (дважды), Копосов Л.Ф., доктор филологических наук, но член совета (по истории философии), Михалкин Н.В. (член совета), Носков Ю.Г., Огородников Ю.А. (член совета; дважды), Петрий П.В. (дважды), Семаева И.И. (член совета), Семенов Ю.И. – доктор исторических наук, профессор (по социальной философии), Чернавин Ю.А., Ям К.Е. – он был многие годы членом нашего совета. Что же касается кандидатских работ, то к их оппонированию совет приглашал и кандидатов наук, доцентов, в том числе – докторантов. Среди них были: Бондарева Я.В. (МГОУ, докторант), Джагарова Г.М. (ВТУ, докторант), Озеров А.А., Петросян Д.И. (Владимир), Тарент И.Г. (ВТУ, г.Балашиха), Шевченко О.В. (докторант ВУ МО РФ), Ярославцева Г.В. – канд.пед.н. (доцент по кафедре философии) – дважды.

3. Одно заседание совета – по рассмотрению кандидатской работы Бозаджиева Павла Александровича «Экономическая сфера современного общества: содержание и тенденции развития» – состоялась у нас в совете 1 июля 2010 г. Работа была выполнена на кафедре философии РосНОУ под научным руководством

канд. филос. н., доцента Усова В.В. Ведущей организацией была утверждена и выступила Академия повышения квалификации... - АПКПРО РФ. Быть официальными оппонентами дали согласие проф. Кокорин А.А. (член совета) и канд. филос. наук Архангельская Н.О.

Защита состоялась. Голосование было положительным (хотя и не единогласным). Беда, однако, совсем не в этом. Началось все с *неготовности* диссертанта к защите (защита намечалась первоначально на 3 июня 2010 г.). Но он фактически оказался слабо готовым и к 1 июля (к сожалению, полностью раскрылось это лишь на самом заседании совета (доклад соискателя, его ответы на вопросы членов совета и даже ответы оппонентам, т.е. его «домашние заготовки»). Сейчас расшифровывается стенограмма, готовятся необходимые документы. Но вот что будет подготовлено, как и к чему? Ведь это, скорее всего, тот случай, когда *диссертацию автор просто обязан был снять с рассмотрения*. К сожалению, не получилось. Следовательно, путь теперь надо пройти более сложный. Но его надо совершить. А решение о нем, о снятии принять автору и всем нам еще в июле. Председатель и участники дискуссии (члены совета) в этом убеждены. Впрочем, диссертант работу не решился снять. Решил рискнуть!..

4. На двух заседаниях диссертационного совета (декабрь 2008 г. и январь 2009 г.) члены совета обменялись своими мыслями относительно повышения требовательности к аспирантам и соискателям, их научным руководителям, докторантам и их научным консультантам, экспертам совета и официальным оппонентам по качеству и полноте отражения в диссертациях, авторефератах, официальных отзывах и других документах по защите (стенограмма заседания совета, справка о выдаче диплома) вопросов степени разработанности темы диссертации (аспектов темы) в литературе темы, формулировках задач и указаниях на новизну (конкретность, предметность), результатов исследования, формулировках положений, выносимых на защиту, и их обосновании. Обмен мнениями и выработка согласованных рекомендаций будет продолжена.

Она и была продолжена, с одной стороны, на заседании совета 19 ноября 2009 г., т.е. в день (19 ноября), обозначенный ЮНЕСКО как «Всемирный день философии». Члены совета заслушали информацию профессора Макеева С.В. о фактически элементах плагиата, обнаруженных ВАК в ряде рецензируемых журналов (к несчастью, «попались» и наши 1 или 2 серии...). Но лиха беда начало! Члены

совета обсудили поэтому возможности, которые есть и должны быть реализованы, прежде всего, научными руководителями и рецензентами предварительной экспертизы, и – тем более официальными оппонентами и ведущими организациями. Особое внимание этому пункту должны уделять и рецензенты по статьям, присылаемым в серию «ФН» Вестника МГОУ для опубликования. А в правилах для авторов статей этот пункт надо обозначить особо, подчеркнуть, развернуть. Впрочем, это уже сделано в тех экземплярах «Правил», которые кафедра стала рассылать авторам после 31 мая 2010 г., и тем более сегодня, на исходе года.

Члены совета, таким образом, обсудили вопросы улучшения и/или ухудшения в новых диссертациях, принимаемых по предложениям экспертов, назначаемых нами же – советом. Это так. Но ответственность за экспертизу надо повышать всем: и оппонентам, и ведущим организациям, всем другим членам совета при ознакомлении с авторефератами диссертаций, и рецензентам научных статей.

5. В прежних номерах серии «ФН» мы рассказывали о выходе первых двух номеров нового военно-философского журнала: «Военно-философского вестника» Но третий и четвертый номера не вышли ни в 2009 г., ни до сих пор – в 2010 г. Дадим обязательно о них информацию, как только редколлегия их получит. Впрочем, не вышел №3 в бумажном варианте – есть лишь в электронном. №4 выйдет в декабре.

6. О новых философских книгах – монографиях и учебных пособиях, созданных кафедрой философии МГОУ и членами философского диссертационного совета, в «Научной жизни» сообщалось первоначально в связи с юбилеями Дырина А.И. и Кокорина А.А., а также с 15-летием диссертационного совета (2008 г., октябрь). Последний текст (в доработанном виде в связи с проводимыми в современном составе совета изменениями) мы оставляем. Блок о книгах будет обновлен для № 4(21) за 2010 г. Все остальные пункты снимаются, а 10-й по необходимости остается, но 8-м!

7. Кафедра философии МОПИ-МПУ-МГОУ 14 декабря прошлого года отметила свое 75-летие. Но в вузе нашем никогда не было философского факультета или отделения. Никогда раньше не было и диссертационного философского совета при вузе (даже кандидатского), хотя аспирантура по кафедре философии в послевоенные годы советского периода истории страны была. Но в самом конце 80-х-начале 90-х годов вся необходи-

мая подготовительная работа была проведена, и решением ВАК РФ от 22 октября 1993 года докторский диссертационный совет по философским наукам (онтология и теория познания; социальная философия; история философии) при МГОУ (тогда еще – МПУ как бывший МОПИ) был утвержден.

Совет возглавляет с момента его создания по настоящее время заведующий кафедрой философии МГОУ профессор Дырин А.И., заместителем был сначала профессор Самойленко В.Ф., сегодня – профессор Сейранян Ф.Г.; ученым секретарем 10 лет была профессор Семаева И.И., затем – доктор философских наук, профессор Демина Л.А. За 15 лет состав совета лишь частично изменился. Поэтому в дополнение к именам Дырина А.И. и Семаевой И.И. назовем и всех других членов совета «первого призыва», т.е. *юбиляров собственно пятнадцатилетия*. Это профессора, доктора философских наук Горбунов В.С., Кокорин А.А. и Михалкин Н.В. Это те, кто работает в совете 10 лет и больше, или чей стаж в совете приближается к 10 годам: профессора, доктора наук Беркут В.П., Бузук Г.Л., Деникин А.В., Лоза Г.Г., Копосов Л.Ф., Огородников Ю.А., Пирогов А.И., Сейранян Ф.Г., Смоленский Н.И., Ям К.Е. Отметим также, что пять членов совета и защитили свои докторские работы в нашем совете (Беркут В.П., Бузук Г.Л., Демина Л.А., Огородников Ю.А., Семаева И.И.).

Но нас сегодня 18. Совсем недавно (январь 2008 г.) в совет были включены профессор, доктор наук Волобуев О.В., Наместникова И.В., Ницевич В.Ф. В 2010 году в диссертационный совет будут введены доктор философии наук, профессор Климов С.Н. (приглашенный), Подоль Р.Я. (приглашенный), Макеев С.В., доктор исторических наук профессор Журавлев В.В., профессора Песоцкий В.А., Чугунов В.М. (все остальные – штатные сотрудники МГОУ). Ученым секретарем совета вместо Деминой Л.А. (она переходит на положение члена совета) представляется к утверждению доцент кафедры философии МГОУ, докторант, кандидат философских наук, доцент Бондарева Яна Васильевна. На очереди и ряд других изменений в совете, в том числе в связи с возможностью восстановления за философским советом при МГОУ права принимать к защите работы по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания. Как это было с октября 1993 г. по июль 2007 г. Документы отправлены в ВАК России. 2.07.2010 г. состоялся приказ за № 1777-761/130 о внесенных изменениях

в составе Совета Д 212.155.08 при МГОУ относительно Я. В. Бондаревой и Л.А. Деминой, Климова С.Н. и Макеева С.В., а также об исключении из состава Совета Яма К.Е. Думается, что ещё до конца года мы получим согласие Рособнадзора и по всем другим пунктам нашего ходатайства.

8. Вниманию будущих наших авторов, их научных руководителей и/или научных консультантов, экспертов и рецензентов!

Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии в качестве официального документа опубликовало «**НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках: Издательское оформление» (Проект). (М.: Стандартинформ, 2008. -20 с. А -4).

Стандарт разработан Федеральным государственным учреждением «Российская книжная палата» Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и вносится Техническим комитетом по стандартизации ТК 191 «Научно-техническая информация, библиотечное и издательское дело». Он будет утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии.

Содержательно документ включает **характеристику**: областей применения стандарта, нормативных ссылок, терминов и определений, издательского оформления статей в журналах и в сборниках статей, издательское оформление раздела «Содержание», нумерации страниц издания (с. 1-9), а также в качестве справочного приложения «Образцы издательского оформления статей» (с. 10-16).

В каждом номере «Вестника МГОУ» (во всех наших сериях) публикуются (с необходимыми изменениями) ПРАВИЛА для авторов статей и других лиц, так или иначе причастных к подготовке научных статей, их оформлению и/или изданию. Но ясно, что с момента введения в действие Стандарта редколлегия серии «Философские науки» Вестника МГОУ (как, разумеется, и все другие редакционные коллегии) примут Национальный стандарт к неукоснительному исполнению. Все, что необходимо, мы опубликуем в журнале. Следите также, заглядывайте на наш сайт в Интернете. Ибо все статьи авторы обязаны будут готовить, а редколлегия – публиковать в самом точном соответствии с требованиями этого документа. Спасибо за внимание.

Информация подготовлена профессором Дыриным А.И. 18.10.2010

НАШИ АВТОРЫ

Александров Владимир Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева; e-mail: Alexandrov1936@mail.ru

Барина Наталья Геннадиевна – аспирант кафедры социальной философии философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: Barinova_natalia@list.ru

Дырин Анатолий Иванович – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы России, ответственный редактор серии «Философские науки» Вестника МГОУ, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета; e-mail: Dyrin@mail.ru

Гришаева Екатерина Ивановна – аспирант кафедры религиоведения философского факультета Уральского государственного университета им. М. Горького (г. Екатеринбург); e-mail: grisha_eva@list.ru

Кузнецова Евгения Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социологии Набережночелнинского государственного торгово-технологического института (Республика Татарстан, г. Набережные Челны); e-mail: kafedrangtti@bk.ru

Лактионов Александр Леонидович – адъюнкт кафедры философии и религиоведения Военного университета (г. Москва); e-mail: 4start@list.ru

Лисова Светлана Юрьевна – кандидат политических наук, Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина; e-mail: secrdisser@yandex.ru

Малюкова Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Московского государственного университета инженерной экологии; e-mail: o.maliukova@list.ru

Манеев Игорь Валерьевич – адъюнкт кафедры философии и религиоведения Военного университета (г. Москва); e-mail: imaneev@yandex.ru;

Науменко Александр Петрович – доцент гуманитарно-социального факультета Липецкого государственного технического университета; e-mail: aleksandr1546@rambler.ru

Пронин Алексей Сергеевич – аспирант кафедры философии Российского государственного аграрного университета – Московской государственной сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева; e-mail: aspronin@list.ru

Пронин Антон Сергеевич – аспирант кафедры философии Московской государственной академии делового администрирования; e-mail: aspronin@mail.ru

Сивков Арташес Владимирович – Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, аспирант кафедры философии; e-mail: 7144904@mail.ru

Сердобинцев Кирилл Станиславович – кандидат философских наук, доцент, докторант очной формы обучения Академии управления МВД России; e-mail: valamo07@mail.ru

Степанов Николай Викторович – аспирант кафедры философии Московского государственного технологического университета «СТАНКИН»; e-mail: e001kx77@mail.ru

Тендит Константин Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета; e-mail: tenditkn@rambler.ru

Филимонова Екатерина Александровна – аспирант кафедры философии Омского государственного педагогического университета; e-mail: filimonova_k@mail.ru

Хазиева Гульнара Ринатовна – преподаватель кафедры философии Камской государственной инженерно-экономической академии (Республика Татарстан, г. Набережные Челны); e-mail: Robert73@list.ru

**О серии «Философские науки» Вестника МГОУ её редактор и: Правила для авторов
серии «Философские науки»: рекомендации и требования редакционной коллегии**

«Вестник МГОУ» (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей МГОУ, России и зарубежных стран, (см.: Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., с.5 и решение Президиума ВАК России от 6.07.2007 г., см.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.07 г. и Список журналов на сайте ВАК, апрель 2008 г. и январь 2010 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и правилах для авторов статей также представлена и будет находиться там – с необходимыми изменениями - постоянно. В том числе представлено и решение ВАК о включении серий «Вестника МГОУ» в Перечень изданий для опубликования в них научных статей как результатов докторских и кандидатских исследований (вторая половина 2009-2010 гг.). **Подписной индекс серии «Философские науки» Вестника МГОУ - 36759.** (См. Дополнение №1 к КATALOGУ Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» (2006) и КATALOGИ этого же Агентства на первое и второе полугодия 2007-2010 гг.).

С 1997 года в Московском государственном областном университете (до апреля 2002 г. – Московский педагогический университет, до этого - МОПИ им. Н.К. Крупской) было начато издание сборников научных трудов ученых кафедры философии и других структур вуза под единым названием «Вопросы философии», которые вскоре стали продолжающимся изданием. В нем публиковали результаты своего научного поиска также соискатели, аспиранты, докторанты, кандидаты и доктора наук других вузов и научных учреждений России и зарубежных стран. За период 1998-2002 гг. в 16-ти выпусках сборника было опубликовано около 250 научных статей, в том числе более 80 научных работ докторантов и докторов наук, профессоров. Разумеется, не все эти публикации были публикациями по вопросам, относящимся строго к философии или даже - к философским наукам. Некоторые статьи охватывали философскую проблематику конкретных наук и прежде всего наук гуманитарного и социально-экономического циклов. Другими словами, очень многие статьи касались *вопросов философии науки и образования* или специально им посвящались.

Именно в связи с таким основным содержанием вышедших сборников, а также в связи с тем обстоятельством, что все соискатели и аспиранты с мая 2006 г. стали сдавать кандидатский экзамен по *истории и философии науки*, номера сборников за 2003-2005 годы были изданы под новым наименованием - «**Вопросы философии науки и образования**» (вышли №№17-20). Периодически такие сборники у нас могут выходить и дальше. Однако теперь (с 2005 года) это периодические (продолжающиеся) выпуски серии «**Философские науки**» (наряду с рядом других серий) журнала «**Вестник МГОУ**». В 2005 г. вышел один, первый № (выпуск) серии «Философские науки», в 2006-2009 годах - 16, т.е. по четыре в год. И так - по 4 номера выходить будут ежегодно. Номера 1-3 за 2010 г. уже вышли (февраль, май и август). № 4 выйдет в ноябре.

Правила подготовки научных статей и условия их опубликования в выпусках серий «Вестника МГОУ» воспроизводятся ниже (с особенностями для серии «Философские науки»).

Для публикации научных работ в выпусках серий «**Вестника МГОУ**» принимаются статьи на русском языке (вкрапления слов и/или предложений на иностранных языках должны в тексте (в скобках) даваться и в переводе на русский язык). При этом публикуются научные материалы преимущественно докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов, докторов и кандидатов наук. Рекомендуемый объем 0,5-1 п.л. (11-22 листов А4), т.е. *20-40 тыс. знаков с пробелами*. Тексты должны быть представлены в виде файла, с использованием редактора Win Word и на бумажном носителе формата А4 (210х297) – обязательно! в 2-х экземплярах, подписанных авторами и их научными руководителями и/или консультантами. Маркировка диска должна содержать Ф.И.О. автора и название статьи. На бумажном носителе (на отдельном листе со сведениями об авторе, в т.ч. телефоны, электронный адрес, научная специализация автора статьи по диссертации и др.) необходимо указать количество знаков с пробелами Вашей **научной** статьи (Word: сервис: статистика): не менее 16 тыс. знаков! Еще PS! Диски должны быть новыми или проверенными на вирусы. И раскрываться! В «сведениях об авторе» фамилия и имя-отчество автора, наименование статьи, ключевые слова должны быть даны на русском языке и одном из иностранных (чаще всего на английском). Дискеты не присылать: они часто не раскрываются! А новые компьютеры уже с ними и не «работают»! Страничка (со сведениями об авторе (авторах)) в объеме статьи не входит. Аннотации и ключевые слова обязательно входят!

Текст статьи должен быть набран через 1,5 интервала (гарнитура «Times New Roman», кегль 14). Напечатанный текст должен иметь поля: 2,5 см со всех сторон. Отступы в начале абзаца – 5 символов. Литература размещается в конце статьи с цифровыми ссылками на нее в тексте. *Аннотация*. (кегль 14) объемом от 500-600 знаков с пробелами (можно и больше, но не более одного листа А4) на русском языке помещается в начале статьи, ниже заголовка статьи. (Здесь же, после аннотации даются *Ключевые слова*:). Фамилия и инициалы автора (п/ж, кегль 14) располагаются в правом верхнем углу (выше названия статьи). Текст статьи содержит абзацы, но подается на диске без разбивки на страницы. Страницы бумажного носителя нумеруются от руки простым карандашом. Диски не возвращаются (почтовой пересылкой).

Сведения об авторе (на отдельном листе А-4, кегль 14) обязательно должны содержать: фамилию, имя, отчество автора (авторов) статьи и полное наименование статьи (п/ж!, на русском языке и одном из иностранных (английском, французском, немецком, любом другом [по литературе темы статьи], но чаще всего - английский язык), полное название учреждения, где работает (учится) автор, должность, ученая степень, ученое звание, электронный адрес и телефон для связи - все это помещается в журнале на стр. «**Наши авторы**». Оглавление в журнале дается на русском и иностранном (ых) языках. И не забудьте проставить *УДК Вашей статьи* (на первой странице, слева от заголовка статьи).

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* произведений печати в «Списке литературы» («Примечаниях») (литература в конце текста - кегль 14, междустрочный интервал 1,5); на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на диске и бумажно варианта! Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения *научного содержания авторский вариант*

сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным Правилам, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой).

Обращаем поэтому внимание авторов статей на *полное и точное* следование этим Правилам. В том числе, следуя образцу оформления первой страницы статьи. Он представлен будет ниже. К тому же, сама жизнь требует актуализировать и уточнить два-три требования ВАК России и редколлегий серий нашего журнала. Вот они:

1. В любом научном журнале, тем более рецензируемом («ВАКовском») публикуются научные статьи по результатам кандидатских и докторских диссертаций и иных исследований, осуществленных авторами. Следовательно, это не могут быть статьи с заимствованием материала чужого и т.д. и т.п., словом, в которых есть то, что называется плагиатом. В связи с обнаруженными (ВАКом и читателями ВАКовских журналов) фактами необоснованного заимствования и плагиата, редакционная коллегия просит научных руководителей и консультантов обязательно визировать (подписывать) статьи своих аспирантов и соискателей, своих докторантов. Без этого статьи для публикации в номерах Вестника МГОУ (всех его серий!) не будут приниматься. Подпись научного консультанта (руководителя) должна быть сделана на 2-х экземплярах распечатки, присылаемых авторами в редколлегию. Словом, подписи и автора, и его научного руководителя (консультанта), необходимы.

2. Прежде в наших правилах подчеркивалось, что аннотация должна быть краткой: 1-2, 2-3 абзаца, а ключевых слов 5-7. Теперь сказано: от 500-600 знаков с пробелами до одного листа А4, т.е. фактически каждая *аннотация и ключевые слова* могут составить целую страницу (в начале статьи - на русском языке и здесь же подаются два абзаца перевода этой аннотации и ключевых слов на иностранный язык). Подчеркиваем: все это входит в объем предлагаемой к опубликованию статьи. Однако почему и зачем, для чего увеличивается объем аннотации? Современное (и общее, уточненное требование ВАК и «ВАКовских» журналов) таково: аннотация должна быть предметной, конкретной, т.е. должна сообщать предлагаемые знания (положения, выводы, определения, аргументы и т.д.) *предметно, по существу, содержательно*, а не только их «наименования» и/или перечисления терминов. Аннотация, таким образом, должна конкретно сообщать, ради чего читатель станет искать Вашу статью, чтобы, например, сделать ссылку на Вашу публикацию, в т.ч. исходя из полноты информации, представленной в аннотации Вами (автором) и нами (журналом), особенно на иностранном языке (*проблемы индекса цитирования*). Другими словами, аннотация Вашей статьи, опубликованной в журнале, по степени информативности должна быть, скажем так, самодостаточной (подобно автореферату диссертации), что позволит существенно повысить, поднять индекс цитирования (иногда просто даже по одной аннотации, без обращения к полному тексту статьи). Тем более, что основные результаты исследования, сообщаемые аннотацией, могут быть поданы еще и в виде гиперссылок, т.е. через авторские гиперссылки.

Образец оформления первой страницы статьи:

Иванов И. И.

Московский государственный областной университет

УДК.....

Ноосферный анализ общества

Аннотация.

Ключевые слова: (понятия, категории)...

Abstract. (на иностранном языке)

Key words: (на иностранном языке)

Текст статьи

Литература: (Примечания) ...

Стоимость публикации зависит не только от количества страниц в статье. По существу статьи публикуются бесплатно. В оплату со стороны авторов входит работа редколлегии над публикацией статей в Вестнике, а также оплата авторами (расчетная позиция: за текст объемом 0,5 п.л. - одна тысяча рублей, выше расчетного - 1,5-2 тыс. руб.), организованного редколлгией серии, *независимого рецензирования* (экспертизы) статей. Со стороны авторов (как диссертантов) к статьям могут быть, конечно, приложены рецензии (заключения, рекомендации) научных консультантов и/или научных руководителей. Условием опубликования принимаемых статей является также подписка на соответствующую серию Вестника МГОУ через Агентство «Роспечать». За дополнительную плату можно заказать (до печатания тиража) необходимое число экземпляров журнала (или - при их наличии - приобрести в Издательстве МГОУ). В срочном порядке и иногда (по договоренности с редколлгией и/или издательством) подписка может быть оформлена через издательство МГОУ.

Таким образом, оплата подписки и независимой рецензии осуществляется всеми авторами статей (в том числе и аспирантами МГОУ!), но оплата публикации для них проводится за счет университета. Все остальные авторы установленную издательством и оговоренную с отделом Издательско-информационного управления МГОУ по изданию серий Вестника МГОУ и/или с ответственными редакторами серий оплату осуществляют в обязательном порядке. И, следовательно, *только после этого*, т.е. после выполнения авторами всех требований (правил, норм, условий) *статьи считаются редколлгией принятыми и с ними начинается работа по подготовке к опубликованию в соответствующих номерах журнала*.

Ответственный редактор серии «Философские науки» – заведующий кафедрой философии МГОУ, доктор философских наук, профессор Дырин Анатолий Иванович, Заслуженный работник высшей школы России. Адрес редколлегии серии «ФН» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, МГОУ, комн. 122 (кафедра философии). Телефон 8(495) 780-09-43, доб. 1482. Электронный адрес: Dyrin@mail.ru Эти же адреса и телефоны следует использовать и при направлении статей в выпуски Сборников «Вопросы философии науки и образования». Приглашаем авторов к сотрудничеству. Профессор Дырин А.И. 18.10.2010 г.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О «ВЕСТНИКЕ МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году. После 2005 года многосерийное издание университета «Вестник МГОУ» включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением Президиума ВАК России. В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», все – в рекомендательном списке ВАК.

Для публикации статей в сериях «Вестник МГОУ» необходимо по электронному адресу **vest_mgou@mail.ru** прислать текст статьи (в формате Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, поля 2,5 см со всех сторон, интервал полуторный) вместе со следующей информацией:

а) авторская анкета (отдельный файл):

- ❖ фамилия, имя, отчество (полностью);
- ❖ ученые степень и звание, должность и место работы/учебы и/или соискательства (полное название в именительном падеже, а не аббревиатура); – на русском и английском языках;
- ❖ адрес (с указанием почтового индекса);
- ❖ номера контактных телефонов;
- ❖ адрес электронной почты, личный или служебный (обязателен с 25.06.09);
- ❖ желаемый месяц публикации.

б) фамилия, имя на английском языке;

в) название статьи на русском и английском языках;

б) аннотация на русском и английском языках (примерно по 500-600 знаков с пробелами). На английском под заголовком **Abstract**; с указанием места работы на английском языке. Очень важно: предметность, содержательность аннотации.

в) ключевые слова на русском и английском языках (примерно 5-7 слов) под заголовком **Key words**;

г) список использованной литературы под заголовком **Литература**, оформленный по ГОСТу с указанием авторов всех использованных работ, в т.ч. художественных произведений; при ссылке на их работы и цитировании указываются фамилия авторов (или составителей), год издания, страницы.

д) ксерокопию квитанции о подписке на журнал (не менее, чем на полгода).

Образец оформления статьи

УДК 361.1:8

Иванов И.И.

Московский государственный областной университет

ВОСТОК И ВОСТОЧНЫЕ РЕАЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ С. МОЭМА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В
РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Аннотация.

Ключевые слова:

I. Ivanov

THE EAST AND EASTERN REALITIES IN W.S. MAUGHAM'S WORKS AND THEIR REFLECTION
IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Abstract.

Key words:

Текст статьи
ЛИТЕРАТУРА:

.....
.....

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в приставленном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекустовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи и перед списком литературы.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла в электронном и бумажном вариантах!

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах;
- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- наличие рисунков, формул и таблиц допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, в которой работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов; отмечается научная и практическая значимость статьи. Замечания и предложения рецензента при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются. Авторы получают мотивированный отказ в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат». Статьи (оба экземпляра бумажного варианта подписываются автором (авторами) и научным руководителем (консультантом).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов – по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонними авторами в процессе принятия ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на их публикацию.

Все авторы оформляют подписку на журнал в любом почтовом отделении через каталог Агентства «Роспечать» по месту жительства.

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2010, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов!!!**

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Единенную редакцию “Вестника МГОУ”: vest_mgou@mail.ru, тел. (499) 261-43-41, (495) 723-56-31 (Туркова Людмила Валентиновна).

Наш адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10 а, комн.98

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, перерыв с 13 до 14 часов.

Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» кандидат исторических наук, доцент Абрамов Андрей Вячеславович.

Более подробную информацию можно получить на сайте **www.mgou.ru**

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
“Философские науки”

№ 4-5

Выпуск в серии двадцать первый

Подписано в печать: 3.11.10.
Формат бумаги 60х86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура “School Book C”.
Уч.-изд. л. 11,5. Усл. п. л. 9,75. Тираж 280 экз. Заказ № 167.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а,
т. (495) 723-56-31